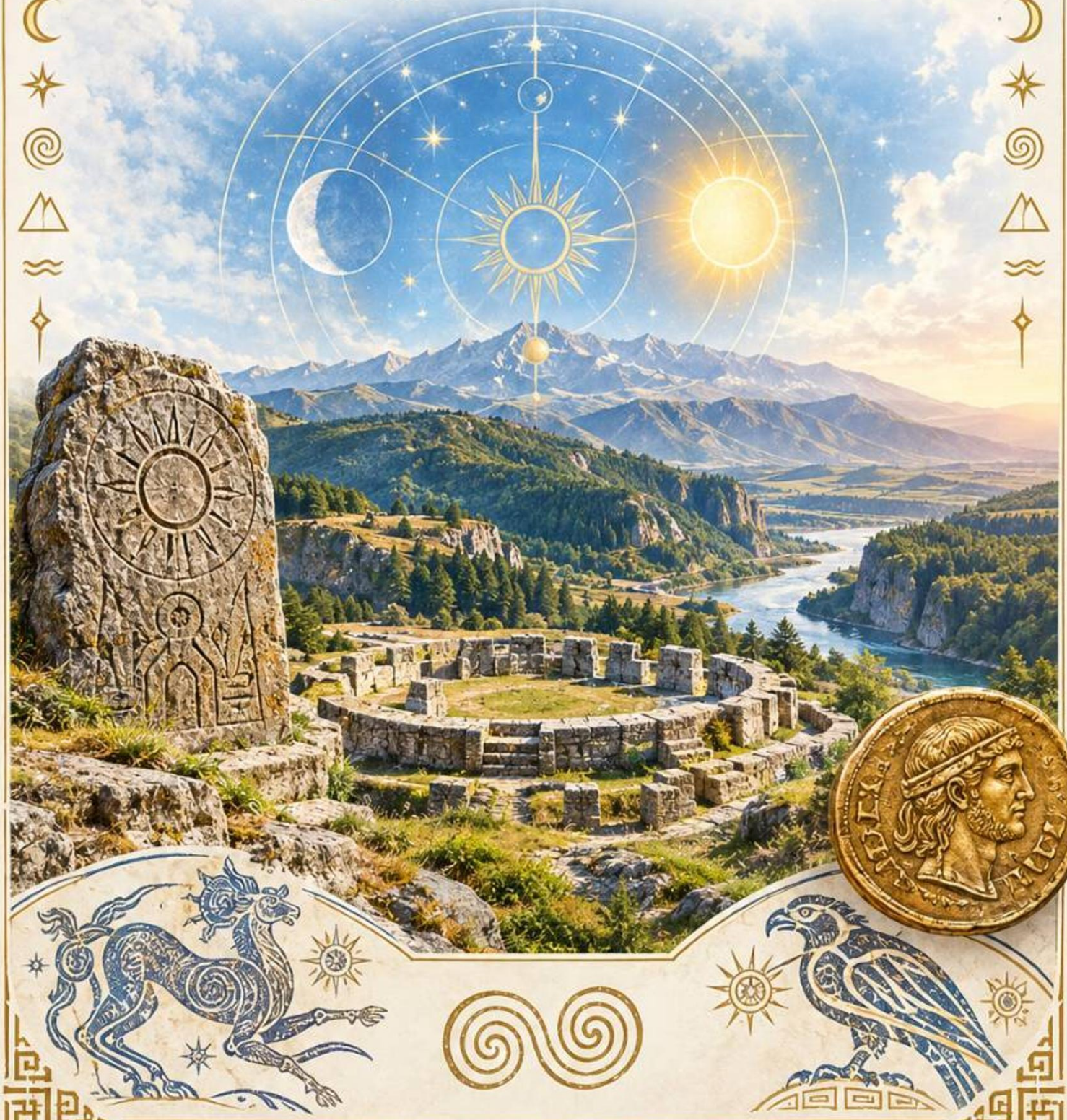
VUS HAAR

КОСМОЛОГИЯ ДОХРИСТИАНСКИХ РУМЫН

VUS HAAR

Космология дохристианских румын

«Автор»
2026

HAAR V.

Космология дохристианских румын / V. HAAR — «Автор», 2026

Эта книга — путешествие в небо, которое когда-то стояло над Карпатами, Дунаем и Понтом Эвксинским. Её герои — геты и даки, народы, чьи крепости, курганы, монеты и святилища сохранили следы сложной картины мира: Земля на оси, подземная бездна Замолксиса, небесный огонь Гебелейзиса, круг светил, высеченный в скале Сармизегетузы. Через свидетельства Геродота и Страбона, надписи, изображения на монетах и данные археоастрономии восстанавливается космология, в которой календарь был не канцелярской таблицей, а способом удержать мир от распада.Читатель проходит путь от фракийского корня и этногенеза гето-даков к их пантеону, обрядам, представлениям о Солнце, Луне, планетах, затмениях, ветрах, водах и конце мира. Отдельные главы посвящены письменным источникам, святилищам, андрограммме, солярным и лунарным знакам, антропогонии, погребальному обряду, бессмертию и эсхатологическим циклам.

© HAAR V., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Земля за Истром: пространство, в котором родилось небо 9
Глава 2. Фракийский корень: как из одного ствола выросли геты и даки 13
Глава 3. Геты Геродота: народ, который не верил в смерть 18
Глава 4. Даки Буребисты: царство, собравшее племена в кулак 23
Глава 5. Сармизегетуза: столица, построенная по мерке космоса 28
Глава 6. Децебал и последний рубеж: как гибнет мир, если рушится ось 33
Глава 7. Соседи и зеркала: греки, скифы, кельты, римляне о стране гетов 39
Глава 8. Фракийский треугольник: язык, имена, топонимы как осколки мифа 43
Глава 9. Гето-дакийский дом: очаг, двор, селение, мир 48
Глава 10. Немые свидетели: что рассказывают курганы и святилища до первого слова 53
Глава 11. Замолксис: бог, который ушел в землю и вернулся через четыре года 57
Глава 12. Гебелейзис: гром, молния и стрелы, летящие в небо 61
Глава 13. Два лика одного неба: Замолксис и Гебелейзис в споре исследователей 65
Глава 14. Богиня очага: Гестия у гетов и негасимый огонь дома 69
Глава 15. Арес без Олимпа: война как космическая сила 73
Глава 16. Боги, у которых нет имен: молчание источников и молчание камня 77
Конец ознакомительного фрагмента. 79

VUS HAAR
Космология дохристианских румын

Пролог

В предгорьях Шуреану, там, где известняковые террасы Сармизегетузы Регии спускаются к лесному хребту, есть плита, на которую стоит приходить ранним утром. В дни весеннего равноденствия первый луч выходит из-за гребня и ложится на её край так, что тень от соседнего блока прорезает камень наискось — медленно, будто кто-то ведёт невидимым резцом. Через полчаса картина меняется: тень уходит, свет заливает площадку, и всё вокруг становится обыденным, дневным, будничным. Но эти полчаса стоят целой библиотеки, потому что в них зашифрован главный вопрос этой книги: у народа, не оставившего ни одной космогонической поэмы, ни одного трактата о движении светил, ни одного списка богов с пояснениями, всё же была космология. Она не лежала на полке. Она была встроена в камень, в планировку святилищ, в расположение крепостей, в рисунок на монете, в порядок обряда, в четырёхлетний счёт времени, который Геродот счёл настолько странным, что посвятил ему отдельный абзац.

Геты и даки — два имени одного фракийского ствола, разошедшегося по обе стороны Дуная и по обоим склонам Карпат. О них писали греки, римляне, готы, византийцы; их крепости брали легионы Траяна; их последний царь вошёл в римскую хронику не как побеждённый, а как противник, достойный уважения. И всё же главный свидетель их космологии — не пергамент, а рельеф. Круговое святилище из известняковых блоков, поставленных по дуге с точностью, которая для III века до новой эры выглядит вызывающе; прямоугольное святилище рядом, ориентированное по сторонам света; алтари, чьи оси совпадают с направлениями солнцестояний; дороги, которые ведут не только из пункта в пункт, но и от равноденствия к равноденствию. Всё это нужно читать как текст, у которого нет букв, но есть синтаксис.

Проблема, с которой начинается любое исследование дохристианской румынской космологии, — это проблема молчания. Источники говорят о религии гетов поразительно мало и поразительно странно. Геродот сообщает, что геты верят в бессмертие души и что умирающий не умирает, а уходит к богу Замолксису; что раз в четыре года они посылают к этому богу посланника, выбирая его по жребию, и что посланник должен быть убит — такова цена вопроса, заданного небу. Страбон добавляет имя Декенея, который при царе Буребисте был чем-то большим, чем жрец, и что-то вроде законодателя, и что геты воздерживались от вина, а также от некоторых видов мяса. Иордан в «Гетике» пересказывает легенду о Замолксисе как о человеке, который побывал в подземелье и вернулся, чтобы учить бессмертию. Диодор Сицилийский упоминает Сабазия в связи с фракийцами. Овидий, сосланный в Томы, описывает местных жителей с раздражением столичного поэта, но попутно сообщает детали, которых нет у историков. На этом, по сути, всё. Ни теогонии, ни космогонии, ни описания сотворения человека, ни перечня планет, ни объяснения затмений.

Из этого молчания делали два противоположных вывода. Первый: космологии не было вовсе, был примитивный культ с одним богом и обрядами, а всё остальное — позднейшие домыслы. Второй: космология была, но устная, и от неё не осталось ничего, кроме намёков, и потому reconstructio невозможна в принципе. Оба вывода одинаково удобны и одинаково бесплодны. Между ними лежит третий путь, и он требует терпения: читать не только то, что сказано, но и то, как устроено сказанное; смотреть не только на слова, но и на формы, в которые слова вписаны; сопоставлять греческое свидетельство с дакийским камнем, а римскую надпись — с рисунком на монете. Космология гето-даков не сохранилась как доктрина. Она сохрани-

лась как система координат, в которой народ жил, строил, хоронил, считал дни и ждал конца мира.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на карту гето-дакийского мира, — его вертикальность. Дунай внизу, Карпаты наверху, Понт с востока. Реки стекают с гор к равнине, и это направление — сверху вниз — задаёт не только гидрологию, но и мифологию: вода приходит с высоты, где живут те, кто посылает дождь. Гора в такой системе не может быть просто горой. Она становится осью, вокруг которой вращается всё остальное, и не случайно священная гора гетов носит имя Когайонон — имя, которое античные авторы передают по-разному, но которое упорно связывают с местом, где царь и жрец встречаются с небом. Когайонон не локализован достоверно; его искали в разных массивах, и каждая локализация имеет своих защитников. Но важна не точка на карте, а принцип: у мира есть центр, и этот центр — высокое место, где земля ближе к небу, чем где-либо ещё.

Отсюда — ось. Мировая ось в гето-дакийском исполнении не обязательно выглядит как дерево или столп; она может быть горой, может быть рекой, текущей с горы, может быть дорогой, которая поднимается к святилищу. Но функция у неё одна: соединять. По этой оси движутся не только люди и товары, но и души — вверх, к светилам, и вниз, в подземелье, к Замолксису. Замолксис, фигура, вокруг которой сломано столько копий, в этой системе занимает место, которое трудно переоценить: он одновременно бог и человек, ушедший и возвратившийся, хозяин подземного знания и гарант бессмертия. Геродотова формула «они верят, что не умирают» — не метафора и не поэтическая вольность. Это сжатое изложение доктрины, в которой смерть есть переход, а не конец, и в которой человек, уходя, не исчезает, а меняет место в мироздании.

Четырёхлетний цикл, о котором пишет Геродот, — ключ к пониманию того, как эта доктрина работала на практике. Раз в четыре года община выбирала посланника и отправляла его к Замолксису; посланник не возвращался. Греческий историк, передавая этот обычай, явно испытывает неловкость — он описывает его сухо, почти протокольно, но сама сухость выдаёт, насколько он поражён. Для внешнего наблюдателя это жестокость. Для участника обряда — астрономия. Четыре года — это, грубо говоря, промежуток, за который солнечный и лунный счёт приводятся в относительное согласие; это цикл, который повторяется, как повторяется всё в мире, где время движется кругами, а не по прямой. Посланник уходит в тот момент, когда круг завершён, и его уход — не казнь, а событие календаря, встроенное в космос так же, как встроен в него восход.

Календарь гето-даков — отдельная тема, и ей в этой книге отведено много места, но одно наблюдение стоит сделать сразу. Святилища Сармизегетузы Регии устроены так, что их нельзя объяснить одной лишь культовой надобностью. Круговое сооружение из блоков, поставленных с интервалами, даёт при наблюдении из определённой точки последовательность теней, которая членит год на отрезки. Прямоугольное святилище рядом ориентировано по осям, которые совпадают с направлениями равноденствий. Это не случайность и не игра строителей: слишком много совпадений, слишком точны углы. Перед нами инструмент, и инструмент этот — календарный. Его создатели не оставили инструкции, но инструкция и не нужна: камень сам говорит, куда смотреть и когда.

Солнце и Луна в этой системе — не просто светила, а действующие лица. Солнце — глаз, колесо, всадник; оно проходит свой путь и возвращается, и его возвращение есть гарантия того, что мир не рассыпался. Луна — светило, которое меняет лицо; она управляет водой, и потому её фазы важны не меньше, чем солнечный год. Затмения — это момент, когда привычный порядок даёт сбой; их объясняют по-разному, но во всех объяснениях присутствует одно: светило кто-то или что-то закрывает. Дракон, волк, тень неизвестного тела — вариантов много, но структура одна. Звёзды — отдельная статья: они не просто точки, они гвозди, вбитые в твердь, и по ним можно ориентироваться; созвездия, которые знает современная астро-

номия, не совпадают с теми фигурами, которые видели на небе гето-даки, и это несоответствие само по себе информативно.

Земля в этой картине мира — не шар, плывущий в пустоте, и не бесконечная плоскость без края. У неё есть границы, и границы эти проходят по воде. Океан, омывающий сушу, — не просто большое море; это первичная вода, из которой поднялась земля и в которую она вернётся. Отсюда — постоянное внимание к рекам, к их истокам, к тому, почему вода в реках пресная, а в море солёная. Ответы, которые даёт традиция, могут казаться наивными, но они внутренне логичны: пресная вода — вода живых, солёная — вода мёртвых, граница между ними — устье, место, где миры соприкасаются. Подводные течения, которые античные авторы замечали, но не могли объяснить, в этой системе получают статус рек внутри моря — невидимых, но реальных, и их существование подтверждает, что океан живёт своей жизнью, не подчинённой человеку.

Воздух — интереснейший случай. В мифах о создании мира у многих народов воздух отсутствует как отдельный элемент: он не создан, он просто есть, он нечто такое, что не требует творения. Гето-дакийская космогония, насколько её можно реконструировать, следует той же логике. Воздух — среда, а не объект; он не имеет своего творца, потому что он и есть условие творения. Зато ветры имеют имена и хозяев, а бури — причины. Смерч, ураган, гроза — это не просто погода; это события, в которых небо вмешивается в дела земли, и потому они требуют объяснения и обряда. Гром — голос, молния — оружие, и оружие это принадлежит Гебелейзису, богу, чьё имя связано с блеском и громом. Обряд метания стрел в небо во время бури, о котором сообщают источники, — не суеверие, а попытка вступить в диалог: стрела летит вверх, как ответ на молнию, и в этом жесте больше теологии, чем в иных трактатах.

Человек в этой системе создан из земли — не в метафорическом, а в прямом смысле: земля — материал, из которого лепится тело, и потому погребальный обряд возвращает тело земле. Звери, птицы, гады — тоже творение, но их статус иной: они не несут той же ответственности, что человек, и их поведение — не моральный, а космический знак. Птица, летящая не туда, — знамение; змея, выползшая на солнце, — знак; еж и черепаха, фигурирующие в космогонических сюжетах соседних народов, появляются и здесь, но в иных ролях. Дерево жизни, змей-дракон, первоначальные воды и ныряльщик, достающий землю со дна, — эти мотивы кочуют по Евразии, и их присутствие в карпато-дунайском регионе не случайно; оно указывает на глубокую древность слоя, который старше любых письменных свидетельств.

Рай и ад в дохристианском понимании — не те места, которые знает христианская иконография. Подземный мир — не столько наказание, сколько иное состояние; туда уходит Замолксис, оттуда он возвращается, и его возвращение делает подземелье местом знания, а не только мрака. Кто в раю, кто в аду — вопрос, на который гето-дакийская традиция, судя по всему, отвечала не моральными категориями, а категориями причастности: причастен к бессмертию — идёшь к свету, не причастен — остаёшься в тени. Смерть — переход, тело — одежда, душа — то, что идёт дальше. Погребальный обряд с сожжением и трупоположением сосуществуют, и это сосуществование не противоречие, а два взгляда на одно и то же: огонь освобождает, земля принимает.

Конец мира — тема, которую гето-даки, насколько можно судить, разрабатывали не менее подробно, чем начало. Огонь, вода, молчание — три сценария, и все три присутствуют в реконструируемой картине. Разрушитель — не обязательно злая сила; в мире, где время движется кругами, конец есть начало следующего круга, и потому разрушение не трагедия, а функция. Зимнее солнцестояние — модель этого конца: тьма сгущается, свет уходит, но именно в этот момент рождается новое солнце. Потоп приходит снизу, небесный огонь — сверху, и в этой симметрии есть своя логика: мир, собранный из воды и огня, этими же стихиями и разбирается. Последняя битва, всадник, змей — образы, которые позже войдут в христианскую

эсхатологию, но здесь они ещё не несут того морального груза, который появится позже; они — участники космического процесса, а не судьи.

Наследие этой космологии не исчезло вместе с последней крепостью. Оно ушло вглубь — в язык, в обряд, в календарные праздники, в мотивы, которые христианство не столько вытеснило, сколько впитало и переосмыслило. Замолксис под именем святого, календарные следы в колядах, фракийские мотивы в румынской космогонии — всё это не романтическая реконструкция, а документированные линии преемственности, которые нужно прослеживать с той же тщательностью, с какой археолог читает слои. Камень, который ещё не прочитан, молчание источников, которое стало частью мифа, — это не поражение исследователя, а приглашение к работе. Небо, которое стояло над Сармизегетузой, не упало. Оно просто ждёт, когда его прочтут заново — без пафоса, без домыслов, с уважением к тому, что было, и с вниманием к тому, что осталось.

Глава 1. Земля за Истром: пространство, в котором родилось небо

Истр — так греки называли Дунай — был не просто рекой. Он был границей двух миров, и это ощущение границы не покидало никого, кто писал о землях к северу от него. Для грека из Ольвии или Том, для римлянина из дунайских легионов, для византийского хрониста Истр оставался чертой, за которой начиналось пространство с иными правилами: там жили люди, чьи обычаи вызывали недоумение, чьи боги не имели изображений, а чьи цари вели род от самих небес. Но для самих гето-даков Истр не был границей в том смысле, в каком граница понимается сегодня. Он был осью, вокруг которой располагался обитаемый мир, и всё, что находилось по обе стороны от него, составляло единое целое — не по политическому подчинению, а по кровному родству, по языку, по обряду, по взгляду на небо.

Пространство, в котором родилась эта космология, очерчивается не одной рекой и не одним хребтом. Это Карпатская дуга с её внутренними долинами и внешними склонами, это Нижний Дунай с его бесчисленными рукавами и заводями, это Понт Эвксинский — Чёрное море — с его западным берегом, изрезанным лиманами, и это равнина между Дунаем и Тисой, где горизонт открывается так широко, что небо кажется ближе, чем на самом деле. Каждая из этих зон накладывала свой отпечаток на представления о мире, и в совокупности они создавали ту систему координат, в которой гора была верхом, вода — низом, а человек — точкой пересечения между ними.

Начнём с гор. Карпаты не похожи на Альпы с их острыми пиками и ледниками; это старые, сглаженные горы, покрытые лесом до самых высоких отметок, с перевалами, которые открываются неожиданно и так же неожиданно закрываются. Для тех, кто жил в этих горах, они были не преградой, а домом: пастбища на верхних террасах, источники в расщелинах, пещеры, которые могли служить и укрытием, и святилищем. Высота в такой системе приобретала значение, которого она не имеет на равнине: подняться наверх означало приблизиться к тому, что находится над землёй, и потому именно в горах строились святилища, именно там искали место для общения с небом. Когайонон, священная гора гетов, упоминается античными авторами без точной локализации, но само имя указывает на функцию: это место, где небо открывается, где можно увидеть то, что с равнины не видно.

Реки, стекающие с Карпат, задавали вертикаль иного рода. Они текли сверху вниз, от истока к устью, и в этом движении был заложен смысл, который трудно переоценить. Вода приходила с высоты, где находились истоки, а истоки в традиционном сознании всегда связаны с тайной: там, где река рождается, начинается иной порядок вещей. Не случайно многие обряды гето-даков, насколько можно судить по археологическим данным, привязаны к местам слияния рек или к берегам, где вода образует заводь. Вода в такой системе не просто течёт — она несёт с собой силу, и эта сила имеет направление: сверху вниз, от неба к земле, от жизни к смерти и обратно.

Дунай занимает в этой картине особое место. Он не просто самая большая река региона; он — река, которая делит и соединяет одновременно. Верхнее и Нижнее Подунавье связаны с разными эпохами и разными археологическими культурами, но для гето-даков это была одна водная дорога, по которой двигались люди, товары и идеи. Греческие колонии на западном берегу Понта — Истрия, Томы, Каллатис, Ольвия — были не только торговыми факториями, но и точками, через которые в гето-дакийский мир проникали чужие представления о космосе, а обратно уходили местные культы и обряды. Замолксис, о котором писал Геродот, не был изобретением одного народа: его образ складывался на пересечении фракийской традиции и греческого любопытства, и Дунай был той артерией, по которой это пересечение происходило.

Понт Эвксинский, Чёрное море, в представлениях древних было не просто водоёмом. Греки называли его «негостеприимным» до колонизации и «гостеприимным» после, но для местного населения он был иным: морем, которое не имеет другого берега в пределах видимости, морем, которое соединяется с океаном через проливы, морем, на другом конце которого лежит край земли. Западный берег Понта с его лиманами — Днестровским, Днепровским, Бугским — был зоной контакта, где речная вода смешивалась с морской, а пресное с солёным. Эта граница между двумя видами воды занимала умы не меньше, чем граница между жизнью и смертью, и объяснения, которые давала традиция, были встроены в общую картину мира: пресная вода — вода живых, солёная — вода мёртвых, и там, где они встречаются, начинается особое пространство, требующее осторожности и обряда.

Равнина между Дунаем и Тисой, которую венгры позже назовут Альфёльдом, а румыны — Западной равниной, в гето-дакийские времена была зоной расселения дакийских племён, связанных с горными центрами, но живших по иным законам. Здесь горизонт не заслонён хребтами, и небо занимает половину видимого пространства. Для земледельца и скотовода, живущего на такой равнине, движение светил становится не просто ориентиром, а основой календаря: по Солнцу определяют время сева и жатвы, по Луне — время обрядов, по звёздам — время перегона скота. В горах небо фрагментировано, его видно кусками между вершинами; на равнине оно открыто целиком, и эта открытость формирует иной тип наблюдения — более систематический, более привязанный к горизонту, более внимательный к точкам восхода и захода.

Климат региона тоже вносил свою лепту. Зимы в Карпатах суровые, с устойчивым снежным покровом, и зимнее солнцестояние здесь ощущается физически: дни короткие, свет слабый, и возвращение Солнца становится событием, которое нельзя не заметить. Лето жаркое, с грозами, которые приходят с запада или с гор, и эти грозы воспринимаются как проявление небесной силы, требующей ответа. Весна и осень — переходные периоды, когда погода меняется быстро и непредсказуемо, и именно в эти периоды особенно важны обряды, призванные удержать равновесие между стихиями. Календарь, который складывался в этих условиях, не мог быть отвлечённым: он был привязан к конкретным явлениям, которые повторялись из года в год, и потому его точность была вопросом выживания, а не любознательности.

Почвы и растительность довершают картину. Плодородные равнины давали зерно, горные пастбища — скот, леса — строительный материал и топливо. Но лес в древней картине мира — не просто ресурс. Лес — это место, где человек не хозяин, где действуют иные силы, где можно заблудиться и откуда можно не вернуться. Гето-дакийские святилища часто располагаются на границе леса и открытого пространства, и это расположение не случайно: оно маркирует переход между зоной человеческого контроля и зоной, где контроль заканчивается. Сакральное пространство в такой системе — всегда пограничное, и святилище, построенное на опушке или на вершине, покрытой лесом, выполняет функцию медиатора: оно соединяет то, что разделено, и удерживает равновесие между ними.

Всё это вместе — горы, реки, море, равнина, климат, растительность — создаёт не просто географический фон, а систему условий, в которых космология не могла быть иной. Мир гето-даков был вертикальным, потому что реки текли с гор; он был бинарным, потому что вода делилась на пресную и солёную, а земля — на лесную и открытую; он был циклическим, потому что климат требовал точного счёта времени; он был пронизан границами, потому что география сама по себе состояла из переходов. Космология не придумывалась в отрыве от этой геграфии — она вырастала из неё, как дерево из почвы, и потому, читая античные свидетельства о гето-дакийских богах и обрядах, стоит помнить: за каждым именем и каждым обычаем стоит конкретное место, конкретная река, конкретная гора, конкретный восход, который можно наблюдать только здесь и нигде больше.

Римляне, придя в Дакию в начале II века, обнаружили мир, который был организован по этим принципам. Они построили свои дороги, свои лагеря, свои города, но топография осталась той же: те же реки текли с гор, те же перевалы соединяли долины, те же равнины простирались к западу. И космология, которую гето-даки создали до римского завоевания, не исчезла вместе с их независимостью: она ушла вглубь, в обряд, в календарь, в язык, и продолжала жить в новых формах. Провинция Дакия, созданная Траяном, была римской по управлению и по языку администрации, но её население оставалось носителем иных представлений о мире, и эти представления не могли не влиять на то, как строились новые святилища, как отмечались праздники, как хоронили умерших.

Пространство, в котором родилось небо гето-даков, было пространством контрастов и переходов. Оно не располагало к созданию единой, унифицированной космогонии, которая была бы обязательна для всех; оно располагало к множественности вариантов, каждый из которых был привязан к своему месту. В горах видели одно небо, на равнине — другое, на берегу моря — третье, и все они были частями одной системы, которая не требовала унификации, потому что была встроена в ландшафт. Эта встроенность — ключ к пониманию того, почему гето-дакийская космология так плохо поддаётся реконструкции в виде стройной доктрины: она не была доктриной, она была опытом, и опыт этот передавался не через текст, а через повторение, через обряд, через наблюдение, через жизнь в определённом месте в определённое время.

Истр, Дунай, был центром этой системы не потому, что он был самым большим или самым важным, а потому, что он соединял все остальные элементы. По нему шли товары с гор к морю и обратно; по нему двигались люди, несущие новые идеи; на его берегах стояли крепости, которые контролировали переправы; в его водах отражалось небо, и это отражение было таким же реальным, как само небо. Река, текущая с запада на восток, разделяла и объединяла, и в этом двойном качестве она была моделью всего мироздания: мир гето-даков был миром, в котором противоположности не исключают друг друга, а сосуществуют, и Дунай был самым наглядным доказательством этого принципа.

Карпатская дуга, замыкающая это пространство с севера и востока, была не стеной, а рамкой. Она ограничивала мир, но не отрезала его; она защищала, но не изолировала. За ней лежали земли других народов — бастарнов, костобоков, карпов, — с которыми гето-даки торговали, воевали и роднились. Эти контакты не проходили бесследно: в гето-дакийском пантеоне и обрядах есть следы влияний, пришедших с севера и востока, и эти следы нужно учитывать, чтобы не приписать всё исключительно местной традиции. Но при этом ядро космологии оставалось своим: оно держалось на горах, на реках, на наблюдении за небом, и это ядро было достаточно прочным, чтобы выдержать внешние воздействия и не рассыпаться.

Западная граница, проходившая по Тисе и далее к Дунаю, была зоной, где гето-дакийский мир соприкасался с кельтским и германским. Здесь тоже шло взаимодействие, и здесь тоже складывались свои варианты космологии, которые отличались от карпатских и понтийских. Единой, жёстко определённой системы не было ни в одном из регионов; была общая основа, которая варьировалась в зависимости от места и времени. Эта вариативность — не слабость, а сила: она позволяла традиции выживать в меняющихся условиях, приспосабливаться к новым обстоятельствам и сохранять при этом главное — связь между человеком и небом, которая не зависела от политических границ и этнических перестановок.

Пространство, в котором родилось небо гето-даков, было пространством, где земля и небо не противостояли друг другу, а составляли единое целое. Гора соединяла их, река несла воду с неба на землю, море замыкало горизонт, а человек жил на пересечении всех этих линий. Космология этого мира не нуждалась в том, чтобы её записывали: она была в самом ландшафте, в самом ритме жизни, в самом способе смотреть на восход и закат. И когда античные авторы писали о гето-даках, они часто не понимали, что описывают не экзотический обычай, а иную

систему координат, в которой небо было не далёкой абстракцией, а близкой реальностью, влияющей на всё — от времени сева до выбора места для могилы.

Истр оставался этой осью на протяжении столетий. Менялись цари, приходили и уходили легионы, строились и разрушались крепости, но река текла так же, как текла всегда, и небо над ней оставалось тем же небом, которое видели первые поселенцы на этих берегах. В этом постоянстве — ключ к пониманию того, почему космология гето-даков пережила своих создателей: она была привязана к тому, что не меняется, к тому, что можно наблюдать каждое утро и каждый вечер, и потому она не могла исчезнуть полностью. Она уходила вглубь, в подтекст, в обычай, в календарь, но не умирала, потому что небо над Карпатами и Дунаем оставалось тем же, и человек, живущий под этим небом, не мог не замечать его движения.

Глава 2. Фракийский корень: как из одного ствола выросли геты и даки

Геродот, перечисляя народы, известные ему за пределами греческого мира, делает замечание, которое стоило бы высечь на камне каждому, кто берётся рассуждать о древней Фракии. Он говорит, что фракийцы — самый многочисленный народ после индийцев, и что если бы они имели единого правителя и говорили в один голос, никто не смог бы их одолеть. Эта фраза драгоценна по двум причинам. Во-первых, она показывает масштаб: речь идёт не о племени, а о целой семье народов, занимавшей пространство от Эгейского моря до Карпат и от Чёрного моря до Моравы. Во-вторых, она объясняет, почему от этой семьи не осталось ни державы, ни свода законов, ни единой столицы: сила, которая могла бы их объединить, так и не была собрана в одну руку, и потому история фракийцев — это история ветвления, а не слияния.

Ветвление началось задолго до того, как о нём узнали греки. Фракийский язык, насколько его можно восстановить по сохранившимся именам, топонимам и глоссам, принадлежал к индоевропейской семье и был близок к дакийскому, но не совпадал с ним полностью. Страбон прямо пишет, что даки говорят на том же языке, что и геты, и это свидетельство стоит многого: оно означает, что для античного географа различие между двумя народами было не языковым, а пространственным и политическим. Геты жили к югу от Дуная, в равнинах Валахии и Добруджи, и были известны грекам раньше, потому что стояли ближе к колониям на Понте. Даки жили к северу, в Карпатах и за ними, и вошли в письменную историю позже, когда римляне подошли к их границам. Один народ, два имени, два соседа, которые смотрели на одно небо с разных сторон одной горной дуги.

Фракийский ствол не был однородным и в более ранние эпохи. Археологические культуры, которые связывают с фракийцами, образуют мозаику, где каждая ячейка имеет свои особенности: керамика, украшения, погребальный обряд, планировка поселений различаются от долины к долине, от одного речного бассейна к другому. Эта мозаичность не означает разобщённости; она означает, что общая основа — язык, пантеон, представления о мире — допускала местные варианты, и эти варианты были устойчивы, потому что держались на ландшафте. Горы, реки и леса создавали естественные ячейки, в которых традиция шлифовалась до местного совершенства, и когда потомки этих ячеек встречались на равнине или на берегу моря, они узнавали друг в друге родственников, но не близнецов.

Северная ветвь, та, что дала гетов и даков, складывалась в условиях, отличных от южной. Фракийцы Эгейского побережья жили в зоне прямого влияния греческих городов, и их культура испытала мощное воздействие средиземноморских образцов: монета, каменная архитектура, изображение божества в человеческом облике пришли к ним рано и прочно. Северяне были дальше от этого влияния, и потому их традиция сохранила больше архаики — в обряде, в символике, в способе обозначать сакральное. Это не значит, что они были «примитивнее»; это значит, что они дольше сохраняли те формы, которые юг уже успел переработать под чужим воздействием.

Скифы сыграли в формировании северной ветви роль, которую трудно переоценить. Степь к северу от Понта была коридором, по которому двигались народы, и гето-дакийский мир постоянно соприкасался с этим коридором. Влияние шло в обе стороны: скифские мотивы видны в дакийском оружии и украшениях, а гето-дакийские элементы встречаются в скифских комплексах. Но главное не в отдельных вещах, а в принципе: кочевая степь приучила северных фракийцев к мысли, что мир не ограничен их долиной, что за горизонтом есть другие люди, другие боги и другие обычаи, и что с этим нужно как-то жить. Открытость к внешнему — черта, которая отличает гето-дакийскую традицию от более замкнутых горных культур.

Кельты пришли позже, но оставили след не менее заметный. В III веке до новой эры кельтские племена продвинулись в Подунавье и достигли Карпат, и их присутствие ощущается в дакийской материальной культуре: формы фибул, тип оружия, некоторые приёмы обработки металла. Но кельтское влияние не было поглощением; оно было скрещиванием, в котором местная основа сохраняла главенство. Дакийские крепости, построенные в эту эпоху, несут следы и кельтской строительной техники, и местной традиции, и это сочетание — лучшее доказательство того, что народ, принимающий чужое, не перестаёт быть собой.

Греческие колонии на западном берегу Понта были третьим источником внешнего воздействия, и, пожалуй, самым важным для истории идей. Истрия, Томы, Каллатис, Ольвия, Тира — эти города были не только торговыми пунктами, но и окнами, через которые гето-дакийский мир видел греческую космологию, а греческий мир видел гето-дакийскую. Именно через эти окна дошло до нас свидетельство Геродота о Замолксисе, и именно через них в местную среду проникали греческие представления о подземном мире, о бессмертии души, о круговороте стихий. Взаимодействие было не односторонним: греки, жившие на Понте, перенимали местные культы и имена, и в надписях этих городов встречаются божества, которые не имеют аналогов на родине колонистов.

Римское завоевание поставило точку в истории независимых гето-даков, но не в истории их ветви. Провинция Дакия, созданная в 106 году, была римской по управлению, но её население оставалось смешанным, и космология, унаследованная от доримских времён, продолжала жить в обрядах, в календаре, в языке. Романизация шла медленно и неравномерно: в городах и лагерях латынь вытесняла местную речь быстрее, чем в деревнях и горах, где старые обычаи держались столетиями. Эта неравномерность объясняет, почему румынская народная культура сохранила такое количество архаических элементов, которые не имеют прямых аналогов в других романских культурах: они не были заимствованы у Рима, они были унаследованы от той основы, на которую Рим наслоился.

Этногенез гето-даков — тема, вокруг которой сломано немало копий, и споры эти не закончены. Одна точка зрения выводит их непосредственно от фракийцев бронзового века, другая настаивает на значительной роли миграций, третья ищет компромисс, признавая и преемственность, и приток нового населения. Для космологии важен не столько сам механизм сложения народа, сколько результат: к концу I тысячелетия до новой эры на пространстве от Дуная до Карпат сложилась общность, которая имела общий язык, общий пантеон в его главных чертах и общий взгляд на устройство мира. Различия между отдельными племенами были, но они не касались основ: и гет, и дак знали, что Замолксис ушёл в землю и вернулся, что Солнце движется по кругу, что мир имеет ось и что смерть есть переход.

Имена, которые античные авторы дают этому народу, сами по себе составляют сюжет. Греки называли их гетами, и это имя встречается уже у Геродота, который пишет о них в связи с походом Дария против скифов. Римляне называли их даками, и это имя появляется в источниках позже, когда легионы подходят к Дунаю. Существует предположение, что оба имени — не этнонимы в современном смысле, а скорее обозначения, которые давались соседями и могли отражать либо территорию, либо характер, либо особенности культа. Геты, возможно, связаны с фракийским корнем, означающим «люди» или «род»; даки — с корнем, который мог означать «волки» или «воины». Точных данных нет, и любые утверждения здесь остаются гипотезами, но сама двойственность имени говорит о том, что народ жил на границе двух миров и был известен каждому из них под своим именем.

Политическая история северной ветви до Буребисты известна плохо. Отдельные племена — карпы, костобоки, сукосты, биефы, альбоцисы — упоминаются в источниках, но их внутренняя организация остаётся тёмной. Известно, что у гето-даков существовала развитая система крепостей, что они умели строить стены из камня и дерева, что у них было развитое металлургическое производство, что они чеканили монеты. Всё это указывает на общество, которое

прошло путь от вождества к государству или, по крайней мере, к его преддверию. Объединение, которое совершил Буребиста в первой половине I века до новой эры, было не созданием с нуля, а увенчанием долгого процесса, в котором племена уже имели опыт совместных действий — торговых, военных, культовых.

Буребиста важен для нашей темы не только как полководец, но и как фигура, вокруг которой кристаллизуется космологическая идея. Страбон сообщает, что при нём жил Декеней, который был не просто жрецом, а законодателем и советником царя, и что геты в это время воздерживались от вина и от некоторых видов мяса. Это свидетельство драгоценно: оно показывает, что объединение племён сопровождалось реформой обряда, а реформа обряда — это всегда реформа календаря и представлений о мире. Декеней, чьё имя родственно имени дакийского бога, выступает как фигура, связывающая политику и космологию: царь объединяет землю, жрец упорядочивает небо, и вместе они создают то, что можно назвать державой в древнем смысле — пространством, в котором действует единый закон, единый календарь и единый культ.

После гибели Буребисты объединение распалось, но идея осталась. Децебал, последний царь даков, собрал земли заново, и его государство было не просто военной коалицией, а системой, в которой крепости, святилища и дороги составляли единое целое. Войны с Траяном, длившиеся с перерывами несколько лет, были столкновением двух мировых порядков: римского, основанного на дорогах, законах и гарнизонах, и дакийского, основанного на горах, обрядах и родовых связях. Победа Рима не означала исчезновения второго порядка; она означала его уход в подполье, в деревню, в обряд, в язык, где он продолжал жить, пока не проступил снова в новых формах.

Фракийский корень — это не метафора и не романтическая конструкция. Это историческая реальность, засвидетельствованная языком, именами, обрядами и археологией. Геты и даки не были двумя разными народами, случайно оказавшимися по соседству; они были двумя ветвями одного ствола, разошедшимися по двум склонам одной горной дуги. Их космология выросла из этого корня, и потому в ней так много общего с тем, что известно о фракийцах юга: культ умирающего и возвращающегося божества, внимание к подземному миру, представление о бессмертии, отсутствие изображений богов в человеческом облике до контакта с греками. Различия тоже объяснимы: северная ветвь жила в горах и в степи, где небо шире, а зима суровее, и потому её календарь, её обряды и её представления о конце мира приобрели черты, которых не было у южан.

Взаимодействие с соседями не размывало эту основу, а обогащало её. Скифы дали гето-дакам опыт степи и, возможно, некоторые космологические мотивы, связанные с конём и солнцем. Кельты принесли новые технологии и новые формы искусства, которые были переработаны на местный лад. Греки открыли путь к письменной фиксации и к диалогу с чужими представлениями о мире. Римляне, победив, не смогли уничтожить то, что держалось на камне и на обычае, и потому их провинция стала не могилой, а мостом, по которому древняя космология перешла в новую эпоху.

Карпатская дуга сыграла в этом процессе роль, которую можно сравнить с ролью сосуда. Она собрала разные потоки в одно русло, не дав им смешаться до потери лица. Внутри дуги сложилась та плотность традиции, которая позволила ей выжить в условиях римского завоевания и последующих переселений. Горы не были крепостью, которая пала; они были средой, которая хранила. И когда римские легионы ушли, а на их место пришли новые народы, старая основа не исчезла, а проступила сквозь новое, как проступает камень сквозь почву после дождя.

Смысл этого ветвления для космологии состоит в том, что единая основа допускает множество форм. Гет и дак, жившие на разных берегах Дуная, могли по-разному называть одно и то же божество, по-разному строить святилища, по-разному отмечать праздники, но при

этом знать, что небо над ними одно и что законы, по которым движутся светила, не зависят от того, на каком берегу ты родился. Эта общность не была декларирована; она была очевидна, как очевиден восход, который видят все, кто стоит лицом на восток. Именно поэтому фракийский корень так важен для понимания гето-дакийской космологии: он объясняет, почему у народа, не создавшего единого государства, оказалась единая картина мира, и почему эта картина пережила и государство, и его создателей.

Дунай, разделявший гетов и даков, был не только границей, но и общим элементом их мира. Обе ветви смотрели на одну реку и видели в ней одно и то же: путь, преграду, источник силы, место, где вода смешивается с землёй. Река не мешала общности; она её поддерживала, потому что давала общий ориентир и общий предмет культа. Культ воды, следы которого видны в гето-дакийских обрядах, был тем звеном, которое связывало обе ветви независимо от политических обстоятельств. И когда римляне построили мост через Дунай, чтобы перейти на другой берег, они перешли не просто реку; они перешли черту, за которой начинался мир, устроенный по иным законам, и эти законы им предстояло изучать, не понимая до конца, с чем имеют дело.

Фракийское наследие в гето-дакийской космологии прослеживается и в именах богов. Замолксис, чьё имя имеет фракийские параллели, не был изобретением северян; его корни уходят в общий фракийский слой. Гебелейзис, бог грома и молнии, тоже имеет аналоги южнее Дуная. Богиня очага, которую греки отождествляли с Гестией, почиталась и у фракийцев, и у гето-даков. Это совпадение не случайно: оно указывает на то, что пантеон сложился до разделения ветвей или в период, когда связи между ними были ещё живыми. Разделение не привело к разрыву; оно привело к расхождению акцентов, при котором общая основа сохранилась, а местные черты усилились.

Северная ветвь со временем приобрела черты, которые отличали её от южной не только в политическом, но и в космологическом отношении. В горах, где небо видно фрагментами, наблюдение за светилами требует иного подхода, чем на равнине: нужно выбирать точки, откуда открывается нужный сектор горизонта, и строить святилища с учётом рельефа. Эта необходимость сформировала ту традицию каменного строительства, которая дала Сармизегетузу и её святилища. Южане, жившие на открытых равнинах, могли обходиться более простыми средствами; северяне были вынуждены изобретать инструменты, которые сохранились до наших дней в виде каменных кругов и прямоугольных площадок.

Различие в ландшафте отразилось и на погребальном обряде. На юге, под влиянием греков и южных фракийцев, раньше распространилось трупоположение с богатым инвентарём. На севере дольше держалось сожжение, которое связано с представлением об огне как о среде перехода. Оба обряда сосуществовали, и это сосуществование не было противоречием: оно отражало разные стороны одного учения о смерти как о переходе. Огонь освобождает душу, земля принимает тело, и выбор между двумя способами зависел от того, какой аспект перехода считался более важным в данный момент и в данном месте.

Этногенез, таким образом, не был единовременным актом, после которого народ появился в готовом виде. Это был длительный процесс, в котором смешивались потоки, отбирались элементы, отбрасывались лишние, и в результате сложилась та форма, которую мы знаем по античным свидетельствам. Космология этого народа не была создана в один момент; она росла вместе с ним, вбирая в себя то, что приходило извне, и сохраняя то, что было своим. Фракийский корень дал ей исходный материал; северная среда дала ей форму; соседи дали ей поводы для развития. В итоге получилась система, которая не сводится ни к одному из источников, но объяснима только через их взаимодействие.

Дунайская граница, разделявшая две провинции Римской империи — Мезию и Дакию, — пережила и империю, и её провинции. Но для гето-даков эта граница никогда не была абсолютной. Они переходили реку, торговали с обеих сторон, роднились, воевали и мирились, и их

космология не признавала политических рубежей. Небо над обоими берегами было одним, и законы, по которым двигались светила, не менялись при переправе. Эта простая истина лежит в основе всего дальнейшего разговора: народ, разделённый рекой, сохранил единство взгляда на мир, и именно это единство позволяет говорить о гето-дакийской космологии как о целостной системе, а не как о наборе местных суеверий.

Фракийский корень, уходящий в глубину веков, — это не только родословная, но и способ объяснить, почему у народа, не оставившего письменных трактатов, оказалась такая сложная и устойчивая картина мира. Она не была придумана философами; она была выращена в течение столетий в определённых условиях, и потому её элементы так тесно связаны с местом, где они возникли. Гора, река, море, лес, степь — всё это вошло в космологию не как декорация, а как действующая сила. И когда речь заходит о богах, о календаре, о конце мира, за каждым сюжетом стоит реальный ландшафт, реальное наблюдение, реальный опыт народа, который жил на этой земле и смотрел на это небо.

Ветвь, выросшая из фракийского корня, дала два побега, и оба оказались жизнеспособными. Геты раньше вошли в письменную историю и раньше исчезли как политическая сила. Даки дольше сопротивлялись и оставили более заметный след в материальной культуре. Но их космология была общей, и потому изучать её нужно как единое целое, не разделяя там, где разделение искусственно. Река, которая их разъединяла, была и тем, что их соединяло, и в этом парадоксе — ключ к пониманию всей дальнейшей истории: народ, живущий на границе, всегда носит в себе обе стороны, и его небо вмещает оба берега.

Глава 3. Геты Геродота: народ, который не верил в смерть

Геродот из Галикарнаса писал о гетах с той смесью любопытства и недоверия, с какой обычно пишут о людях, чьи обычаи не укладываются в привычную систему координат. Его рассказ о них короток — всего несколько пассажей в четвёртой и пятой книгах «Истории», — но плотность сведений в этих пассажах такова, что они до сих пор служат отправной точкой для любого разговора о гето-дакийской религии. Греческий историк не был этнографом в современном смысле; он собирал то, что рассказывали ему греки, жившие на берегах Понта и Геллеспонта, а те, в свою очередь, передавали ему сведения из вторых и третьих рук, обработанные и приглаженные в соответствии с ожиданиями аудитории. И всё же в этом пересказе сохранилось нечто такое, что не могло быть придумано и что не укладывается ни в одну из готовых схем, которыми располагала греческая мысль того времени.

Главное, что сообщает Геродот о гетах, звучит почти как парадокс: они считают себя бессмертными. Греческое выражение, которое он использует, — «oi athanatizontes» — можно перевести и как «те, кто верит в бессмертие», и как «те, кто делает себя бессмертными», и эта двусмысленность не случайна. Греки знали разные формы веры в загробную жизнь: у Гомера тени умерших ведут призрачное существование в подземном царстве, у орфиков душа проходит череду перерождений, у пифагорейцев она переселяется из тела в тело. Но геты, по словам Геродота, утверждали нечто иное. Они не просто верили, что душа переживёт смерть; они верили, что не умрут вовсе, что смерть есть не конец, а переход к божеству, и что этот переход доступен каждому, кто принадлежит к общине. Греческий историк, передавая это, явно испытывает затруднение: он не может назвать их веру ни варварской, ни нелепой, потому что в ней есть внутренняя логика, но и принять её как истину он не может. Он сообщает факт и оставляет его висеть в воздухе, как будто ждёт, что читатель сам решит, что с ним делать.

Имя божества, к которому уходят геты, Геродот передаёт в нескольких вариантах. Он называет его Замолксисом, но тут же добавляет, что некоторые из гетов зовут его Гебелейзисом, и это указание на двойное имя — ключ ко многому. Замолксис и Гебелейзис не обязательно два разных бога; возможно, речь идёт об одном божестве, которое в разных местах и в разных обстоятельствах называли по-разному, или о двух аспектах одного культа, из которых один был связан с подземным миром и бессмертием, а другой — с небом, громом и молнией. Греческая привычка отождествлять чужих богов со своими здесь не срабатывает: Геродот не говорит, что Замолксис — это Зевс или Аид, он оставляет его под собственным именем, и это само по себе показательно. Греки, которые жили на Понте, рассказывали ему рационализированную версию: Замолксис был человеком, рабом Пифагора на Самосе, который, освободившись и разбогатев, вернулся на родину и стал учить своих соотечественников бессмертию. Геродот передаёт этот рассказ, но не вполне ему верит; он замечает, что Замолксис, по его мнению, жил намного раньше Пифагора, и что если он и был человеком, то человеком незаурядным, а если божеством, то местным, гетоским.

Рационализированная версия, которую сообщают греки с Геллеспонта, заслуживает отдельного внимания, потому что в ней сохранились детали, которых нет в других источниках. Замолксис, согласно этому рассказу, устроил пир для самых именитых граждан и учил их, что ни он сам, ни его сотрапезники, ни их потомки не умрут, а отправятся в место, где будут жить вечно и пользоваться всеми благами. Пока он это говорил, он тайком выкопал себе подземное жилище и, когда оно было готово, исчез из среды фракийцев. Три года он провёл в этом подземелье, а фракийцы тем временем оплакивали его как мёртвого. На четвёртый год он вышел на свет, и это возвращение убедило их в истинности его слов. Рассказ этот имеет

все признаки эвгемеристической обработки: реальный человек, реальная хитрость, реальное подземелье, а в конце — эффектный жест, который превращает хитрость в откровение. Но под этой обработкой проступает иная структура, которая гораздо старше любого эвгемеризма. Три года в подземелье и возвращение на четвёртый — это не просто трюк; это формула, которая повторяется в мифах о умирающих и воскресающих божествах, в обрядах инициации и в календарных циклах. Замолксис, каким его описывают греки, не просто обманщик, который использовал подземелье для того, чтобы внушить доверие; он фигура, которая проходит через смерть и возвращается, и его возвращение есть модель того, что обещано каждому гету.

Четырёхлетний цикл, о котором пишет Геродот, — это не только календарная деталь, но и ключ к пониманию того, как вера в бессмертие работала на практике. Раз в четыре года геты выбирали по жребию посланника и отправляли его к Замолксису. Посланника подбрасывали в воздух, и он падал на острия трёх копий; если он погибал, это считалось благоприятным знаком, если выживал — отправляли другого. Греческий историк описывает это сухо, почти протокольно, но за сухостью скрывается сцена, которая не может не поражать воображение. Человек, выбранный общиной, становится вестником; его смерть — не казнь и не наказание, а исполнение поручения. Он идёт к божеству с просьбами и вопросами, которые община не может передать иначе. Это не просто человеческое жертвоприношение в обычном смысле; это акт коммуникации, в котором смерть одного становится условием благополучия многих. И четырёхлетний интервал здесь не случаен: он соответствует тому же ритму, в котором Замолксис уходил в подземелье и возвращался, и потому каждый посланник, уходящий к богу, повторяет путь самого Замолксиса, а община, отправляя его, повторяет акт веры, который когда-то был подтверждён возвращением.

Геродот добавляет к этому ещё один обычай, который на первый взгляд не имеет отношения к бессмертию, но при ближайшем рассмотрении оказывается тесно с ним связан. Когда гремит гром и сверкает молния, геты пускают в небо стрелы и угрожают богу, говоря, что нет другого бога, кроме их собственного. Этот жест — вызов небу — может показаться странным для народа, который верит в бессмертие и почитает подземное божество. Но если вспомнить, что у Замолксиса есть второе имя, Гебелейзис, и что это имя связано с блеском и громом, всё становится на свои места. Геты не отрицают существования небесных сил; они отрицают их власть над собой. Бог, который посылает гром и молнию, не является их богом, и потому они отвечают ему стрелами, как отвечают врагу. В этом жесте есть та же логика, что и в вере в бессмертие: смерть не имеет над ними окончательной власти, и небесные знаки, которые для других народов служат предвестием гибели, для гетов суть лишь повод для того, чтобы показать свою независимость. Греческий историк, описывая это, вероятно, не до конца понимает, что имеет в виду, но он фиксирует обычай, и обычай этот говорит больше, чем любой трактат.

Рационализированная версия о Замолксисе-рабе Пифагора, которую Геродот слышал от греков, содержит ещё одну деталь, которая обычно остаётся в тени. Замолксис, согласно этому рассказу, устроил пир и учил своих гостей бессмертию, и это учение было связано с совместной трапезой. Пища, разделённая с учителем, становится не просто пищей, а причастием к бессмертию; те, кто ел с ним за одним столом, получали обещание, что не умрут. Эта связь между едой, общением и бессмертием проходит через многие религии древности, и её присутствие в гетоском контексте не случайно. Община, которая собирается на ритуальную трапезу, воспроизводит тот пир, который Замолксис устроил для избранных, и каждый участник трапезы становится причастен к обещанию. Греки, которые пересказывали эту историю, вероятно, видели в ней лишь хитрость ловкого человека, но для гетов она была моделью: то, что произошло с Замолксисом и его гостями, может произойти с каждым, кто разделит с общиной хлеб и вино — или, как уточняет Страбон, воздержится от вина, потому что геты при Буребисте воздерживались от него по указанию Декенея.

Страбон, писавший через несколько столетий после Геродота, добавляет к картине несколько штрихов, которые меняют её оптику. Он сообщает, что при царе Буребисте жил человек по имени Декеней, который был не просто жрецом, а законодателем и советником царя, и что геты в это время воздерживались от вина и от некоторых видов мяса. Это свидетельство драгоценно, потому что оно показывает: вера в бессмертие не была пассивным убеждением, она требовала аскезы, дисциплины и организации. Декеней, чьё имя, возможно, родственно имени самого божества, выступает как фигура, которая упорядочивает обряд и подчиняет его политической задаче — объединению племён. Если Геродот описывает гетов как народ, у которого есть обычай, то Страбон показывает, как этот обычай превращается в институт, в закон, в инструмент власти. Жрец, который говорит от имени бога, становится тем, кто определяет, что можно есть и пить, когда начинать войну и как хоронить умерших. Космология здесь уже не просто вера; она становится порядком, который регулирует повседневную жизнь.

Иордан, писавший в VI веке, пересказывает легенду о Замолксисе в ещё одной версии, которая восходит к готской традиции. У него Замолксис предстаёт как человек, который был у гетов чем-то вроде философа и законодателя, и который учил их бессмертию. Иордан, как и Геродот, не может полностью принять эту легенду, но передаёт её как часть истории народа, который он описывает. Разница между версиями Геродота и Иордана не столько в фактах, сколько в акцентах: греческий историк интересуется обычаем и его странностью, готский историк интересуется происхождением и древностью. Но обе версии сходятся в главном: у гетов был учитель, который обещал бессмертие, и община, которая в это бессмертие верила настолько, что готова была отправлять к богу посланников.

Что даёт весь этот корпус свидетельств для понимания космологии? Прежде всего, он показывает, что гето-дакийская картина мира была устроена вокруг оси, которая соединяет землю и подземный мир. Замолксис не просто бог мёртвых; он бог, который прошёл через смерть и вернулся, и потому его подземелье — не место наказания, а место знания. Тот, кто уходит к нему, уходит не в пустоту, а к источнику силы, которая поддерживает мир. Четырёхлетний цикл посланничества связывает эту вертикаль с календарём: раз в четыре года община воспроизводит путь своего бога, и каждый раз это воспроизведение подтверждает, что мир устроен правильно. Гром и молния, которым геты угрожают стрелами, — это небесная сторона той же оси: небо посылает знаки, но земля имеет свою силу, и эта сила не подчиняется небу.

Вера в бессмертие, которую Геродот приписывает гетам, не была абстрактным философским убеждением. Она была встроена в обряд, в календарь, в повседневную жизнь. Человек, который знал, что не умрёт, вёл себя иначе, чем тот, кто этого не знал; он мог идти в бой без страха, потому что смерть не была для него концом, и он мог участвовать в ритуальной трапезе без тревоги, потому что пища, разделённая с общиной, была причастием к вечности. Греки, которые смотрели на это со стороны, видели в поведении гетов вызов, который не могли объяснить; они приписывали его то хитрости Замолксиса, то влиянию Пифагора, то врождённой воинственности. Но сами геты, вероятно, не нуждались в объяснениях: для них бессмертие было не теорией, а фактом, который подтверждался каждый раз, когда посланник уходил к богу и когда община собиралась на трапезу.

Геродот, передавая эти сведения, совершает нечто большее, чем просто фиксацию обычаев. Он вводит гетов в круг народов, о которых греческая мысль должна была что-то сказать. До него о северных фракийцах знали мало и говорили с презрением; после него они стали предметом сравнения с греками, а сравнение — это уже признание. Гетский обычай отправлять посланника к богу мог казаться варварским, но он же указывал на серьёзность, с которой этот народ относится к вопросам жизни и смерти. Греческий читатель, знакомый с орфическими и пифагорейскими учениями, не мог не заметить сходства между гетской верой в бессмертие и теми идеями, которые ходили в греческих кругах. Это сходство было одновременно и пово-

дом для гордости (греки уже знали то, что варвары только начинают понимать), и поводом для беспокойства (варвары жили в соответствии с учением, которое греки чаще всего обсуждали теоретически).

Свидетельство Геродота имеет ещё одно измерение, которое часто упускают. Он пишет о гетах в связи с походом Дария против скифов, и это помещает их в конкретный исторический контекст. Геты, по его словам, были покорены персами, но не изменили своим обычаям. Это значит, что их вера в бессмертие была не хрупким цветком, который гибнет при первом столкновении с внешней силой, а устойчивой системой, которая выдержала завоевание и сохранилась. Политическое подчинение не означало культурной капитуляции; геты могли платить дань персидскому царю и одновременно пускать стрелы в небо, угрожая своему богу. Эта способность сохранять идентичность под давлением — черта, которая будет характерна для гето-даков на протяжении всей их истории, вплоть до римского завоевания и после него.

Геродот не оставил описания гетоской космогонии, и это молчание красноречиво. Он рассказывает о том, что геты делают и во что верят, но не о том, как, по их мнению, возник мир. Это может означать, что греческие информаторы не знали космогонических мифов, или что эти мифы не входили в тот набор сведений, который считался интересным для греческой аудитории, или что сами геты не рассказывали их чужакам. Но отсутствие космогонии в источнике не означает её отсутствия в культуре. Космогония может быть встроена в обряд, в календарь, в расположение святилищ, и именно так она, вероятно, и существовала у гетов. Геродот дал нам ключ, но не дал замка; замок придётся искать в других местах — в камне, в монетах, в обрядах, которые сохранились до наших дней.

Геты Геродота — это народ на границе между мифом и историей. С одной стороны, они предстают как реальная политическая сила, с которой считаются персы и греки; с другой — их обычаи описаны так, что граница между реальностью и легендой стирается. Замолксис, который был рабом Пифагора и вернулся из подземелья, — фигура, которую трудно поместить в хронологию; посланник, который уходит к богу и не возвращается, — обряд, который трудно объяснить рационально. Но именно эта двойственность делает гетов интересными для истории космологии. Они стоят на пороге между устной традицией и письменной фиксацией, между местным культом и греческой интерпретацией, и их вера в бессмертие — тот узел, в котором сходятся все линии.

Четырёхлетний цикл, о котором пишет Геродот, заслуживает того, чтобы задержаться на нём дольше. Четыре года — это не просто произвольный отрезок времени; это период, за который солнечный и лунный счёт приводятся в относительное согласие, и потому он естественно становится единицей ритуального времени. Община, которая отправляет посланника раз в четыре года, живёт в ритме, который связывает её с движением светил. Посланник уходит в момент, когда цикл завершён, и его уход знаменует начало нового цикла. Это не просто жертва; это календарный акт, который поддерживает порядок мира. Если бы посланник не был отправлен, цикл прервался бы, и мир мог бы рассыпаться. В таком понимании человеческая жизнь приобретает космическое значение: смерть одного человека становится условием стабильности целого, и община, которая это принимает, берёт на себя ответственность за поддержание порядка, установленного при создании мира.

Геродот, описывая этот обычай, не делает таких выводов; он просто сообщает то, что ему рассказали. Но его рассказ, если читать его внимательно, содержит все элементы, необходимые для реконструкции. Замолксис, ушедший в подземелье и вернувшийся, — это модель; посланник, уходящий к нему, — это повторение модели; четырёхлетний цикл — это ритм повторения; община, которая оплакивает ушедшего и радуется его возвращению (в лице нового посланника), — это субъект, который поддерживает модель в живом состоянии. Вся система держится на вере в то, что смерть не окончательна, и эта вера не требует доказательств, потому что она подтверждается самим существованием общины. Пока община существует и отправ-

ляет посланников, Замолксис жив, и его бессмертие гарантирует бессмертие каждого, кто к нему придёт.

Греческий историк, который смотрел на всё это со стороны, не мог не испытывать смешанных чувств. С одной стороны, он видел народ, который не боится смерти, и это вызывало уважение. С другой стороны, обычаи этого народа были жестоки и непонятны, и это вызывало отторжение. Геродот не разрешает это противоречие; он оставляет его читателю, и в этом его величие как историка. Он не говорит, что геты правы или неправы; он говорит, что они верят в бессмертие и действуют в соответствии с этой верой. Всё остальное — домыслы, и он их избегает.

Свидетельство Геродота о гетах — это не просто этнографическая заметка. Это окно в мир, где космология была не отвлечённой теорией, а практическим руководством к жизни и смерти. Геты не писали трактатов о бессмертии; они отправляли посланников. Они не строили храмов в греческом смысле; они собирались на трапезы и пускали стрелы в грозу. Их вера была встроена в действие, и потому она пережила века. Когда римляне пришли в Дакию, они столкнулись с народом, который сражался с яростью людей, знающих, что смерть не имеет над ними власти. И когда последние крепости пали, эта вера не исчезла; она ушла вглубь, в обычаи, в календарь, в песни, которые поются до сих пор. Замолксис, о котором писал Геродот, не был забыт; он просто сменил имя и облик, но остался тем же богом, который обещал своим людям то, чего не мог обещать ни один римский император: что они не умрут.

Геты Геродота — это народ, который поставил на бессмертие и выиграл, потому что даже его поражение стало частью истории, которую рассказывают до сих пор. Их космология не сохранилась в виде системы, но она сохранилась в виде следа, который оставила в источниках, в камне, в обычаях. Геродот, сам того не желая, стал её первым историком, и его краткие заметки — это не просто фрагмент античной этнографии, а ключ к пониманию того, как древний народ представлял себе мир и своё место в нём.

Глава 4. Даки Буребисты: царство, собравшее племена в кулак

Буребиста появляется в источниках внезапно, как река, которая долго текла под землёй и вдруг вышла на поверхность. Страбон, единственный автор, сообщающий о нём сколько-нибудь связно, уделяет ему несколько десятков строк, и из этих строк складывается образ человека, который сделал то, чего до него не делал никто: собрал разрозненные племена северной ветви фракийцев в единое целое и заставил соседей считаться с этим целым. Годы его правления обычно помещают между 82 и 44 годами до новой эры, и этот промежуток совпадает с эпохой, когда Рим сотрясали гражданские войны, когда Митридат Понтийский ещё пытался удержать остатки своей державы, а на востоке набирала силу Парфия. В этой суматохе у человека, сидевшего в карпатских горах, оказалось достаточно времени и пространства, чтобы действовать без оглядки на великие державы, и он этим временем воспользовался сполна.

Страбон сообщает, что Буребиста поднял свой народ, изнурённый долгой войной, и сделал его настолько сильным, что за короткое время создал огромное царство, подчинив большую часть соседних племён. Он же упоминает, что дакский царь дошёл до пределов Македонии и Иллирии, разорил фракийские земли до Аполлонии и Фессалоники и внушил такой страх римлянам, что они отправили против него войско. Это описание рисует полководца, который действовал быстро, жёстко и с размахом, не свойственным ни одному из его предшественников. Но Страбон добавляет деталь, которая меняет всё: Буребиста действовал не один. Рядом с ним стоял Декеней, человек, которого греческий географ называет не просто жрецом, а законодателем и советником царя, и который, по его словам, научил гетов воздерживаться от вина и от некоторых видов мяса.

Эта пара — царь и жрец — не случайна. В традиционных обществах, где политическая власть ещё не отделилась от сакральной, фигура правителя почти всегда окружена фигурой того, кто говорит от имени богов. Но в случае Буребисты и Декенея соотношение сил выглядит необычно: Страбон говорит о Декенее как о человеке, который давал законы, и это значит, что реформа обряда, реформа календаря и реформа повседневной жизни были не следствием объединения, а его инструментом. Царь собирал землю, жрец собирал время; вместе они создавали порядок, в котором каждое племя находило своё место, а каждое действие получало космическое обоснование. Объединение племён было не просто военной кампанией; это была операция по приведению разрозненных ритмов к единому ритму, и в этом смысле её можно сравнить с тем, что позже делали римские императоры, вводя единый календарь на всей территории империи.

Декеней, чьё имя перекликается с именем самого божества — Замолксиса, — выступает как фигура, которая связывает земную власть с небесной. Если Замолксис ушёл в подземелье и вернулся, чтобы учить бессмертию, то Декеней остаётся на земле, чтобы это учение превратить в закон. Он не просто жрец, совершающий обряды; он законодатель, который определяет, что можно есть, что можно пить, когда начинать войну и как хоронить умерших. Воздержание от вина, о котором сообщает Страбон, — не мелочь и не прихоть. Вино в древних культурах было не просто напитком; оно было средством, которое открывает доступ к иным состояниям сознания, и отказ от него означал отказ от одного способа общения с богами в пользу другого. Геты, воздерживаясь от вина, сохраняли трезвость, которая позволяла им видеть мир таким, каков он есть, и действовать в нём без иллюзий. Это была аскеза, но аскеза, направленная не на умерщвление плоти, а на обострение восприятия.

Воздержание от некоторых видов мяса имеет другую логику. В обществах, где животные играют роль в космологии, запрет на употребление их мяса часто связан с представлением о

том, что эти животные принадлежат иному миру или несут в себе силу, которую нельзя присваивать без риска. Страбон не уточняет, о каких именно животных идёт речь, и это молчание оставляет простор для догадок. Но важен принцип: пища была не просто средством насыщения, а способом поддержания порядка, и тот, кто нарушал запрет, нарушал не только правило, но и связь между миром людей и миром богов. Декеней, устанавливая эти запреты, действовал как законодатель, который определяет границы дозволенного, и его законы были не менее обязательны, чем законы царя, потому что за ними стояла сила, которую нельзя было оспорить.

Страбон сообщает ещё одну деталь, которая обычно остаётся в тени: геты, по его словам, верили в бессмертие и считали, что умирающие не умирают, а уходят к Замолксису. Это свидетельство повторяет то, что уже сказал Геродот, но в новом контексте оно приобретает иной смысл. Геродот описывал веру как обычай, который существует сам по себе; Страбон показывает, как эта вера используется для управления. Если люди верят, что смерть есть переход к божеству, то смерть на войне становится не потерей, а приобретением, и воин, идущий в бой, знает, что он не исчезнет, а перейдёт в иное состояние. Это не делает войну лёгкой, но это делает её осмысленной, и правитель, который может объяснить своим людям, почему они не должны бояться смерти, получает власть, которой не обладает ни один полководец, полагающийся только на дисциплину.

Буребиста, если верить Страбону, использовал эту веру в полной мере. Его армия, поднятая из народа, изнурённого долгой войной, действовала с той степенью решимости, которая возможна только тогда, когда солдаты знают, что смерть не имеет над ними окончательной власти. Походы против кельтов и фракийцев, дошедшие до Македонии и Иллирии, были не просто грабительскими набегами; это была экспансия, в которой каждый воин нёс с собой не только оружие, но и определённую картину мира. Где бы ни появлялись дакийские отряды, они приносили с собой представление о том, что мир устроен определённым образом, и это представление было не менее действенным, чем меч.

Держава Буребисты была не только военной коалицией, но и системой, в которой святилища, крепости и дороги составляли единое целое. Археологические данные показывают, что в этот период в Карпатах и за их пределами появляются укрепления нового типа, построенные по единому плану, с использованием камня и дерева, с учётом рельефа и с ориентацией, которая явно имела сакральное значение. Эти крепости не были просто убежищами; они были центрами, из которых контролировалась территория, и одновременно местами, где совершались обряды, связанные с небом. Святилища, построенные в это время, отличаются той геометрической точностью, которая позже достигнет совершенства в Сармизегетузе. Круговые и прямоугольные площадки, ориентированные по сторонам света, появляются именно в эпоху Буребисты, и это не случайно: объединение племён требовало единого календаря, а единый календарь требовал инструментов, которые позволяли бы наблюдать за светилами в разных местах и приходить к согласованным выводам.

Культовая реформа Декенея была не только аскетической, но и календарной. Воздержание от вина и мяса — это внешние проявления; внутренняя суть реформы состояла в том, чтобы привести обряды разных племён к общему знаменателю. Если каждое племя имело свой календарь, свои праздники и свои запреты, то объединение оставалось бы формальным. Декеней, устанавливая единые правила, создавал единое время, в котором жило всё царство. Это время было привязано к движению светил, и потому оно не зависело от местных обычаев. Человек, живший в горах, и человек, живший на равнине, могли по-разному называть богов и по-разному строить дома, но они должны были одинаково считать дни и одинаково отмечать праздники, потому что иначе царство распалось бы на части, каждая из которых жила бы в своём ритме.

Страбон не описывает календарь, который установил Декеней, и это молчание приходится заполнять по косвенным данным. Святилища, построенные в эпоху Буребисты, дают

ключ к пониманию того, как считалось время. Круговые площадки с блоками, поставленными через равные промежутки, позволяют наблюдать за тенями и определять моменты солнцестояний и равноденствий. Прямоугольные святилища, ориентированные по осям, служат для фиксации точек восхода и захода Солнца в ключевые дни года. Всё это вместе составляет инструмент, который позволяет не только считать дни, но и приводить местные наблюдения к единой системе. Если в разных крепостях стоят одинаково ориентированные святилища, то наблюдатели в этих крепостях могут получать согласованные результаты, и это значит, что календарь, установленный Декенеем, был не абстрактной схемой, а практической системой, которая работала на всей территории царства.

Четырёхлетний цикл, о котором писал Геродот, в эпоху Буребисты приобретает новое значение. Если раньше он был обычаем отдельных племён, то теперь он становится государственным ритуалом, который поддерживает единство царства. Посланник, отправляемый к Замолксису, — это уже не просто жертва, приносимая общиной, а акт, в котором участвует всё царство. Выбор посланника по жребию означает, что никто не может быть исключён из этого акта; каждый знает, что жребий может пасть на него, и потому каждый чувствует свою причастность к общему делу. Смерть посланника становится событием, которое объединяет людей, живущих в разных концах державы, потому что все они знают, что это смерть ради них и вместо них. В этом смысле четырёхлетний цикл — это не просто календарный ритуал, а механизм, который поддерживает единство, не требуя от людей постоянного присутствия в одном месте.

Буребиста погиб в 44 году до новой эры, и его держава распалась почти сразу. Страбон сообщает, что царство распалось на несколько частей, и это свидетельство часто используют для того, чтобы показать: объединение было непрочным и держалось только на личности царя. Но распад державы не означал распада того порядка, который был установлен. Святилища остались, календарь остался, обычаи остались, и когда через несколько десятилетий Децебал снова собрал земли, он опирался на ту основу, которая была заложена при Буребисте и Декенее. Держава может распасться, но система координат, в которой люди живут, не исчезает вместе с ней. Она переходит к тем, кто приходит на смену, и они, сами того не желая, продолжают дело, начатое предшественниками.

Распад державы Буребисты имел и ещё одно последствие, которое важно для космологии. Когда единая власть исчезла, племена снова начали жить каждое своим ритмом, и это привело к расхождению обрядов, которое позже, при Децебале, пришлось преодолевать заново. Но само воспоминание о единстве сохранилось, и оно стало моделью, к которой возвращались всякий раз, когда возникала необходимость собрать земли. Децебал, создавая своё государство, действовал как второй Буребиста, и в его действиях можно увидеть те же элементы: укрепление крепостей, упорядочение обрядов, привлечение жрецов, которые говорили от имени богов. Это не было простым повторением; это было восстановлением порядка, который уже однажды существовал и который, следовательно, можно было восстановить снова.

Декеней, чья судьба после смерти Буребисты неизвестна, оставил след, который трудно переоценить. Он был не просто жрецом, а фигурой, которая соединила политику и космологию в единое целое. Его законы о пище и питье были не мелочными предписаниями, а способом поддержания того состояния, в котором человек способен воспринимать божественное. Трезвость, которую он требовал, была не просто воздержанием; она была условием ясности, без которой невозможно правильное наблюдение за небом и правильное исполнение обрядов. Если человек пьян, он не может различить, где восходит Солнце и где оно заходит; если он ест всё без разбора, он теряет связь с теми силами, которые стоят за пищей. Декеней, устанавливая запреты, создавал условия для того, чтобы община могла жить в согласии с космосом, и это согласие было не менее важным, чем военная мощь.

Страбон, сообщая о Декенее, называет его «неким человеком», и это «некий» звучит почти как пренебрежение. Но за пренебрежением скрывается непонимание: греческий географ, писавший для римской аудитории, не мог до конца оценить роль жреца, который стоит за троном. Для него царь был главной фигурой, а жрец — лишь советником, чьё влияние ограничено обрядом. Но в гето-дакийском мире соотношение было иным. Жрец, который говорит от имени бога, обладает властью, которую нельзя купить или отнять; он может подтвердить или не подтвердить право царя на власть, и потому царь нуждается в нём не меньше, чем жрец в царе. Буребиста и Декеней были не просто союзниками; они были двумя опорами одного порядка, и порядок этот держался на том, что каждый из них делал своё дело: царь собирал землю, жрец собирал время.

Держава Буребисты была первой попыткой создать государство, которое объединяло бы разные племена на основе не только военной силы, но и общей системы представлений. Эта попытка не удалась в том смысле, что держава распалась, но она удалась в другом смысле: она показала, что единство возможно, и заложила те основы, на которые позже опирались Децебал и его предшественники. Космология, которая стояла за этим единством, была не абстрактной теорией, а практическим инструментом, который позволял людям, живущим в разных местах, находить общий язык. Когда мы говорим о гето-дакийской космологии, мы говорим не только о мифах и обрядах, но и о том, как эти мифы и обряды использовались для создания порядка, который пережил своих создателей.

Походы Буребисты, которые дошли до Македонии и Иллирии, были не просто военными экспедициями. Они были способом распространить тот порядок, который был установлен в Карпатах, на новые земли. Где бы ни появлялись дакийские отряды, они приносили с собой не только оружие, но и представление о том, как должно быть устроено время. Это представление не всегда принималось, но оно оставляло след. Греческие города на побережье Понта, которые платили дань Буребисте, не могли не заметить, что дакийский царь считает время иначе, чем они, и что его календарь связан с теми движениями светил, которые они сами наблюдали веками. Взаимодействие было не только военным, но и культурным, и его результаты можно увидеть в тех изменениях, которые произошли в обрядах и календарях греческих колоний в этот период.

Буребиста погиб от рук заговорщиков, и это убийство часто объясняют недовольством знати, которая не хотела подчиняться единой власти. Но за этим недовольством стояло и другое: реформа Декенея, которая ограничивала привычные удовольствия и требовала дисциплины, не могла не вызывать сопротивления. Люди, привыкшие жить по-старому, не хотели отказываться от вина и мяса, и их недовольство находило выход в заговоре. Это не значит, что реформа была отменена; она, вероятно, продолжалась в той или иной форме, потому что её основания были слишком глубоки, чтобы исчезнуть вместе с царем. Но политическое единство, которое она поддерживала, распалось, и на смену ему пришла раздробленность, которая длилась до нового объединения.

История Буребисты и Декенея — это история о том, как космология становится политикой, а политика становится космологией. Царь, который собирает землю, нуждается в жреце, который собирает время, и жрец, который собирает время, нуждается в царе, который защищает порядок. Вместе они создают систему, в которой каждый человек знает своё место и своё время, и эта система держится не на страхе, а на вере в то, что мир устроен правильно. Когда вера ослабевает, система распадается, но когда она сохраняется, даже поражение не может её уничтожить.

Даки Буребисты оставили после себя не только крепости и святилища, но и пример того, как можно объединить разные племена на основе общей картины мира. Эта картина мира не была записана, но она была встроена в камень, в обряд, в календарь, и потому она пережила века. Когда римляне пришли в Дакию, они столкнулись не просто с народом, а с системой, кото-

рая имела свою логику и свою историю. Они победили, но не смогли уничтожить то, что было создано до них. Святилища продолжали стоять, календарь продолжал действовать, и люди, которые жили на этой земле, продолжали смотреть на небо так, как смотрели их предки. Буребиста и Декеней не были забыты; их дело продолжалось в новых формах, и когда через столетия румынские крестьяне выходили в поле, чтобы наблюдать за восходом Солнца в день весеннего равноденствия, они, сами того не зная, повторяли то, что было установлено в эпоху, когда царь и жрец собрали племена в кулак и научили их жить в едином ритме.

Глава 5. Сармизегетуза: столица, построенная по мерке космоса

Дорога в Сармизегетузу поднимается из долины Хацега серпантином, который кажется бесконечным. Сначала идёт лес, потом скалы, потом открываются террасы, вырубленные в известняке, и только тогда становится видно, что гора не просто гора, а крепость, у которой камень служит и стеной, и полом, и алтарём. Римляне, осаждавшие её в начале II века, оставили описание, из которого ясно: они понимали, что берут не обычный город, а место, где устроено что-то такое, чего они не встречали ни в Галлии, ни в Германии, ни в Британии. Сармизегетуза Регия — «царская» — была не только столицей Дакии и не только твердыней в горах Орестие. Она была моделью мира, высеченной в известняке, и её планировка, её террасы, её святилища и её дороги складываются в текст, который читается без букв.

Первое, что поражает в этом месте, — это вертикаль. Сармизегетуза построена не на вершине и не у подножия, а на склоне, который поднимается уступами, и каждый уступ отделён от другого стеной или обрывом. Такая планировка не случайна: она воспроизводит ту ось, которая в гето-дакийской космологии соединяет землю и небо. Поднимаясь по террасам, человек проходит путь от нижнего мира к верхнему, и каждый уровень имеет своё назначение. Внизу — жилые кварталы, мастерские, склады; выше — административные постройки; ещё выше — святилища; на самом верху — площадка, откуда открывается вид на долину и на небо. Это не просто удобная планировка; это иерархия пространства, в которой каждая ступень соответствует ступени космической.

Святилища Сармизегетузы — сердце этого места, и о них нужно говорить подробно, потому что именно они дают ключ к пониманию того, как гето-даки представляли себе движение светил. В северо-западной части верхней террасы стоят два сооружения, которые археологи называют круглым и прямоугольным святилищами. Круглое святилище сложено из известняковых блоков, поставленных по дуге с интервалами, и эти интервалы не одинаковы: они членят круг на сектора, которые соответствуют определённым отрезкам года. Если встать в центр круга и смотреть через определённые блоки, можно зафиксировать точки восхода и захода Солнца в дни солнцестояний и равноденствий. Блоки, которые служат визирами, отличаются от остальных по размеру и положению, и это различие не случайно. Перед нами инструмент, созданный для наблюдения, и его точность для своего времени вызывает уважение.

Прямоугольное святилище стоит рядом и ориентировано по сторонам света с такой тщательностью, которая говорит о том, что строители понимали, что делают. Его длинная ось совпадает с направлением восток — запад, а короткая — с направлением север — юг, и это совпадение не приблизительное, а выверенное. Внутри прямоугольника стоят столбы или колонны, расположение которых тоже подчинено определённому порядку: они делят пространство на части, соответствующие дням или месяцам. Вместе с круглым святилищем прямоугольное образует систему, в которой одно сооружение служит для наблюдения за годовым движением Солнца, а другое — для членения года на отрезки. Это не два отдельных памятника, а два элемента одного календарного механизма, и механизм этот работал не на абстрактную любознательность, а на практические нужды: определение времени сева, жатвы, праздников, обрядов и военных походов.

К югу от этих святилищ находится ещё одно сооружение, которое часто называют «солнечным диском» или «андрограмммой». Это круг, вымощенный камнем, с блоками, выступающими над поверхностью, и расположение этих блоков таково, что тень от них в определённые дни падает на определённые точки. Гипотеза о том, что этот круг служил для вычисления дней года, остаётся гипотезой, но она хорошо согласуется с общей системой святилищ. Если круглое

святилище даёт грубую фиксацию ключевых точек, то диск позволяет уточнить счёт внутри года, и вместе они образуют календарь, который не уступает по точности многим античным системам. Строители Сармизегетузы не оставили инструкций, но сама конструкция говорит за них: они знали, что год делится на части, и умели эти части измерять.

Святилища Сармизегетузы не одиноки. Подобные сооружения найдены в других дакийских крепостях — в Костети, в Блидару, в Пиатра-Рошие, — и это означает, что календарная система, разработанная в столице, распространялась на всю территорию царства. Единый календарь был не роскошью, а необходимостью: без него невозможно было согласовывать действия войск, время праздников и сроки сельскохозяйственных работ в разных частях державы. Декеней, о котором писал Страбон, вероятно, был одним из тех, кто заложил эту систему, и Сармизегетуза стала её главным инструментом. Царь, который правил из этой крепости, мог быть уверен, что в любой точке его земли люди считают дни так же, как он, и что праздники, которые он отмечает, отмечаются и в других местах.

Сармизегетуза была не только календарным центром, но и крепостью, и её оборонительная система заслуживает внимания, потому что она тоже подчинена космологической логике. Стены сложены из известняка, добытого тут же, на месте, и их толщина и высота таковы, что они могли выдержать осаду. Но расположение стен не случайно: они идут по гребням и обрывам так, что естественный рельеф усиливает их, а башни стоят в тех местах, откуда открывается вид на долину и на небо. Башни не только оборонительные сооружения; они и наблюдательные пункты, и это значит, что защита крепости и наблюдение за светилами были связаны. Воин, стоявший на башне, смотрел не только на дорогу, по которой мог подойти враг, но и на небо, по которому двигались светила, и его взгляд охватывал оба порядка — земной и небесный.

Вода в Сармизегетузе — отдельная тема. Крепость снабжалась водой из источников, которые находились за её стенами, и для этого были построены водопроводы и цистерны. Вода в гето-дакийской космологии — не просто ресурс; она связана с подземным миром и с силами, которые там действуют. То, что крепость, стоящая на вершине, получает воду снизу, из источников, которые бьют в скале, означает, что связь между верхом и низом не прерывается. Вода, поднимающаяся из глубины, символически соединяет подземный мир с миром людей, и её присутствие в крепости делает эту крепость не просто военным объектом, а местом, где встречаются все три уровня мироздания: подземный, земной и небесный.

Сокровища Сармизегетузы, о которых писали античные авторы, тоже имеют космологическое измерение. Речь идёт не только о золоте и серебре, которые Траян вывез в Рим, но и о тех предметах, которые хранились в святилищах и которые не были предназначены для продажи. Это были дары божествам, и их ценность определялась не весом металла, а связью с теми силами, которым они были посвящены. Когда римляне захватили эти сокровища, они захватили не просто богатство, а знаки власти, которые подтверждали право царя на правление. Потеря сокровищ была не только материальной утратой; она была утратой сакральной легитимности, и это объясняет, почему падение Сармизегетузы было воспринято как конец мира, а не просто как военное поражение.

Разрушение Сармизегетузы римлянами было актом, который имел не только военное, но и космологическое значение. Римляне срыли стены, разрушили святилища, вывезли сокровища, но они не смогли уничтожить то, что было встроено в камень. Ориентация стен и святилищ сохранилась даже в руинах, и когда через столетия археологи начали раскапывать это место, они обнаружили, что планировка крепости читается и в развалинах. Святилища, которые были разрушены, продолжали указывать на те точки горизонта, на которые указывали всегда, и это значит, что календарная система, созданная в Сармизегетузе, пережила своих создателей. Римляне могли разрушить стены, но они не могли изменить движение Солнца, и потому порядок, установленный в крепости, продолжал существовать даже после того, как сама крепость перестала быть центром власти.

Сармизегетуза была не только столицей, но и моделью мира в миниатюре. В ней были представлены все элементы гето-дакийской космологии: вертикаль, соединяющая подземный мир с небесным; календарные инструменты, позволяющие измерять время; вода, поднимающаяся из глубины; стены, защищающие порядок от хаоса; сокровища, подтверждающие связь между земной властью и небесными силами. Всё это вместе составляло систему, в которой каждый элемент имел своё место и своё значение. Строители Сармизегетузы не оставили текстов, но они оставили камень, который говорит больше, чем любой текст, потому что он говорит на языке пространства и времени, а этот язык понятен без перевода.

Планировка крепости отражает и социальную структуру. Верхняя терраса, где находятся святилища, была доступна не всем; это было пространство, где царь и жрецы совершали обряды, и доступ туда был ограничен. Средние террасы, где стояли административные здания, были местом, где решались дела управления. Нижние террасы, где жили ремесленники и воины, были местом повседневной жизни. Такая иерархия пространства соответствовала иерархии небесной: чем выше, тем ближе к богам, тем более сакральным является место. Человек, который поднимался по террасам, проходил путь от профанного к сакральному, и этот путь был не только физическим, но и духовным.

Сармизегетуза была также центром ремесла и торговли. В мастерских, расположенных на нижних террасах, работали кузнецы, ювелиры, гончары, и их изделия расходились по всей Дакии и за её пределы. Ремесло в таком обществе не было отделено от культа: кузнец, который выковывал меч, знал, что этот меч может быть использован не только для войны, но и для обряда; ювелир, который делал украшение, знал, что это украшение может быть амулетом. Материальная культура Сармизегетузы пронизана космологическими мотивами: на металле и керамике встречаются солярные и лунарные знаки, и эти знаки не просто украшения, а обозначения тех сил, которым служит вещь.

Дороги, которые вели в Сармизегетузу, тоже были частью системы. Они шли по долинам, через перевалы, и их направление определялось не только рельефом, но и задачей связи между крепостями. Дорога, которая соединяет Сармизегетузу с другими центрами, — это не просто путь для войск и товаров; это линия, по которой распространяется порядок, установленный в столице. Гонец, который везёт приказ царя, движется по этой дороге, и вместе с приказом он несёт и определённое представление о времени, которое в столице считается правильным. Дороги связывают не только пункты, но и ритмы, и потому их значение в космологической системе не меньше, чем значение святилищ.

Климат и природные условия Сармизегетузы тоже играли роль. Крепость стоит на высоте, где зима сурова, а лето прохладно, и это означает, что наблюдение за небом здесь имеет свои особенности. Зимой небо часто закрыто облаками, и потому зимние наблюдения требуют особого терпения; летом небо ясное, и летние наблюдения более надёжны. Строители святилищ должны были учитывать эти особенности, и их инструменты, вероятно, были рассчитаны на то, чтобы работать в условиях переменчивой погоды. Это говорит о высоком уровне практического знания: люди, которые строили Сармизегетузу, не просто верили в небесные силы, они умели наблюдать за ними и делать выводы.

Сармизегетуза была разрушена, но её значение не исчезло. Когда римляне основали свою колонию Ульпия Траяна Сармизегетуза в двух милях от разрушенной столицы, они, вероятно, не осознавали, что строят новый город на месте, которое было сакральным центром побеждённого народа. Но само это место продолжало притягивать людей, и через столетия, когда римская колония тоже стала руинами, осталось только название и камни, которые помнили то, что здесь было. Археологи, которые начали раскапывать Сармизегетузу в XX веке, обнаружили, что святилища сохранили свою ориентацию, и это открытие стало отправной точкой для всей современной реконструкции гето-дакийской космологии.

Сармизегетуза учит важной вещи: космология может быть встроена в пространство. Народ, который не оставил текстов, оставил город, и этот город устроен так, что его планировка говорит о том, как люди представляли себе мир. Вертикаль террас, ориентация святилищ, расположение стен, направление дорог, присутствие воды — всё это элементы системы, которая существовала не в головах философов, а в повседневной жизни людей. Человек, который жил в Сармизегетузе, каждый день поднимался и спускался по террасам, видел святилища, проходил мимо стен, пил воду из источников, и всё это напоминало ему о том, что мир устроен определённым образом. Космология была не теорией, которую нужно было учить, а опытом, который нужно было переживать, и Сармизегетуза была местом, где этот опыт переживался с наибольшей полнотой.

Падение Сармизегетузы в 106 году было концом независимости Дакии, но не концом её космологии. Святилища были разрушены, но их ориентация осталась в камне. Сокровища были вывезены, но их образы остались в памяти. Жрецы были убиты или изгнаны, но их знания ушли в народ, в обряд, в календарь, который продолжал жить в деревнях и в горах. Сармизегетуза перестала быть столицей, но она осталась моделью, и эта модель продолжала влиять на тех, кто приходил на эту землю позже. Когда в средние века на месте Дакии возникли новые княжества, их правители не знали о Сармизегетузе, но их представления о времени и о мире несли в себе отголоски той системы, которая была создана в этой крепости.

Сармизегетуза была и остаётся местом, где камень говорит о небе. Святилища, которые стоят на верхней террасе, — это не просто руины, а инструменты, которые продолжают указывать на те точки, на которые указывали две тысячи лет назад. Солнце по-прежнему восходит в день весеннего равноденствия в той точке, которую отметили строители, и тень от блоков по-прежнему падает туда, куда падала всегда. Это постоянство — лучшее доказательство того, что космология гето-даков была не фантазией, а знанием, основанным на наблюдении. Люди, которые построили Сармизегетузу, знали небо лучше, чем многие из тех, кто писал о них, и их знание было воплощено в камне, который пережил и их, и их завоевателей.

В Сармизегетузе есть ещё одна деталь, которая заслуживает внимания. Крепость построена так, что из неё видна значительная часть долины Хацега и окрестных гор, но при этом она не видна с большинства точек долины. Это означает, что те, кто жил в крепости, могли наблюдать за тем, что происходит внизу, оставаясь невидимыми. Такое расположение имеет не только военное, но и космологическое значение: крепость находится в точке, откуда можно видеть, но не быть увиденным, и это соответствует положению наблюдателя, который смотрит на мир с высоты, не вмешиваясь в него. Царь и жрецы, которые поднимались на верхнюю террасу, оказывались в положении тех, кто видит, но не видим, и это положение давало им власть, которая не нуждалась в демонстрации.

Сармизегетуза была не только крепостью и святилищем, но и некрополем. Вокруг неё найдены погребения, которые показывают, что люди, жившие здесь, хоронили своих умерших по обрядам, которые соответствуют тем представлениям о смерти, которые мы знаем по письменным источникам. Сожжение и трупоположение сосуществуют, и это сосуществование отражает ту двойственность, которая характерна для гето-дакийской космологии: смерть есть переход, и способ перехода может быть разным, но результат один. Те, кто уходил к Замолксису, не исчезали; они меняли место в мироздании, и Сармизегетуза, как место, где соединяются все уровни мира, была естественным местом для того, чтобы начать этот переход.

Сармизегетуза Регия — это не просто археологический памятник. Это документ, написанный на языке камня, и этот документ говорит о том, что гето-даки были народом, который умел смотреть на небо и делать выводы. Их космология не была примитивной; она была практичной, точной и встроенной в жизнь. Крепость, которую они построили, была моделью их мира, и эта модель пережила их потому, что была основана на законах, которые не зависят от политических обстоятельств. Солнце и Луна продолжают двигаться по тем же путям,

по которым двигались всегда, и Сармизегетуза продолжает указывать на них, как указывала две тысячи лет назад. В этом постоянстве — сила гето-дакийской космологии и причина того, почему она до сих пор вызывает интерес у тех, кто изучает историю человеческой мысли.

Глава 6. Децебал и последний рубеж: как гибнет мир, если рушится ось

Децебал входит в историю через чужие голоса. Дакийских хроник не сохранилось, и всё, что известно о последнем царе, известно со слов тех, кто с ним воевал, торговал или писал о нём с почтительным раздражением. Дион Кассий, автор наиболее подробного рассказа о войнах Траяна, уделяет Децебалу столько места, сколько обычно уделяют не побеждённому, а равному. Он описывает его как человека, который умел говорить и умел молчать, который мог поднять народ и мог удержать его от опрометчивого шага, который знал цену слову и цену камню. В этих описаниях Децебал предстаёт не просто полководцем, а фигурой, вокруг которой сходится всё: война, власть, обряд, календарь и представление о том, что будет, если мир потеряет свой центр. Ибо в гето-дакийской системе координат царь был не только правителем, но и той точкой, через которую ось мира проходит на землю. Пока царь стоит, стоит и мир; когда царь падает, рушится всё, что держалось на нём.

Чтобы понять, почему падение Сармизегетузы воспринималось не как военное поражение, а как конец порядка вещей, нужно вернуться к тому, что уже было сказано о столице. Сармизегетуза была не просто крепостью на горе; она была моделью мироздания, в которой вертикаль террас соответствовала вертикали миров, святилища отмечали движение светил, а стены отделяли порядок от хаоса. Царь, живший на верхней террасе, находился в точке, где земля ближе всего к небу, и его власть имела не столько политическое, сколько космологическое обоснование. Он был тем, кто поддерживает равновесие между подземным миром, миром людей и небесным миром, и его присутствие в центре этой системы было условием её устойчивости. Когда римляне подошли к стенам Сармизегетузы, они, вероятно, не до конца понимали, что атакуют не только крепость, но и ось, на которой держится мир побеждённого народа. Но сам народ понимал это очень хорошо, и потому сопротивление было таким упорным.

Войны Траяна с Децебалом длились с перерывами несколько лет, и их ход хорошо известен по рельефам колонны Траяна в Риме, по свидетельствам Диона Кассия и по археологическим данным. Первая война, начавшаяся в 101 году, привела к тому, что Децебал был вынужден заключить мир на условиях, которые были унизительны для него, но приемлемы для Рима: он признал верховную власть императора, выдал часть оружия и обязался не принимать перебежчиков. Вторая война, начавшаяся в 105 году, закончилась осадой Сармизегетузы и гибелью царя. Между этими двумя войнами был короткий период, в который Децебал, по словам Диона Кассия, укреплял крепости и собирал силы, а римляне, со своей стороны, готовились к решающему удару. Этот период важен для нашей темы, потому что он показывает, как царь, потерявший часть своей сакральной легитимности после первого поражения, пытался восстановить её через строительство и обряд.

Децебал, если верить источникам, был не только воином, но и человеком, который понимал значение символов. Он укреплял Сармизегетузу, строил новые крепости в горах, собирал сокровища в святилищах и, вероятно, уделял большое внимание календарным обрядам, которые поддерживали его власть. Первое поражение нанесло удар по его положению: царь, который не смог защитить свои земли, терял часть той сакральной силы, которая делала его посредником между людьми и богами. Чтобы восстановить эту силу, ему нужно было не только собрать войско, но и подтвердить, что ось мира по-прежнему проходит через него. Строительство крепостей и укрепление святилищ были не просто военными мерами; они были способом вернуть равновесие, которое нарушилось после первого столкновения с Римом.

Римляне, со своей стороны, понимали, что имеют дело не с обычным противником. Траян, готовясь ко второй войне, принял меры, которые говорят о том, что он оценивал Дакию

как противника, требующего особого подхода. Он построил мост через Дунай у Дробеты — сооружение, которое само по себе было вызовом, потому что мост через великую реку означал, что Рим намерен утвердиться на другом берегу не временно, а навсегда. Он собрал войско, в которое входили не только легионы, но и вспомогательные части со всей империи, и он вёл войну методично, шаг за шагом оттесняя даков от равнины к горам. Эта методичность была не только военной стратегией, но и способом разрушить ту систему координат, в которой Децебал черпал свою силу. Римляне не просто брали крепости; они перерезали дороги, которые связывали эти крепости, и тем самым разрывали сеть, через которую распространялся порядок, установленный в Сармизегетузе.

Осада Сармизегетузы была кульминацией этой стратегии. Римляне подошли к крепости с нескольких сторон, перерезали водопроводы, которые снабжали её водой, и начали методичную осаду, которая длилась несколько месяцев. Защитники крепости, понимая, что происходит, сражались с отчаянием людей, которые знают, что защищают не просто стены, а нечто большее. Дион Кассий сообщает, что Децебал пытался договориться о мире, но условия, которые предлагал Траян, были неприемлемы: они требовали не только подчинения, но и выдачи тех, кто был связан с обрядом, и передачи сокровищ, которые хранились в святилищах. Эти требования были не просто политическими; они были направлены на то, чтобы лишить Дакию её сакрального центра. Траян, вероятно, понимал, что пока Сармизегетуза остаётся целой, сопротивление будет продолжаться, и потому он настаивал на том, что должно было уничтожить саму основу дакийской космологии.

Когда крепость пала, римляне срыли стены, разрушили святилища и вывезли сокровища. Это было не просто разграбление; это был акт, который в представлениях побеждённых означал конец мира. Святилища, которые указывали на точки восхода и захода Солнца, были разрушены, и вместе с ними исчезла та система, которая позволяла людям ориентироваться во времени. Царь, который был осью этой системы, погиб, и его смерть означала, что мир потерял свой центр. Для человека, воспитанного в традиции, где космология была не отвлечённой теорией, а опытом повседневной жизни, падение Сармизегетузы было равносильно тому, что небо упало на землю. И именно так это событие, вероятно, и было воспринято теми, кто пережил осаду и видел, как рушатся стены, которые считались вечными.

Гибель Децебала описана по-разному. Дион Кассий сообщает, что царь, видя, что крепость пала и сопротивление невозможно, покончил с собой, чтобы не попасть в плен. Другие источники добавляют детали, которые расходятся между собой, но сходятся в одном: Децебал не сдался, и его смерть была актом, который сохранил ему достоинство в глазах потомков. Эта смерть имеет космологическое измерение, которое нельзя игнорировать. Царь, который был осью мира, не мог позволить, чтобы эта ось была вырвана из земли и увезена в Рим как трофей. Его уход в смерть был повторением того пути, который прошёл Замолксис: уход в подземелье, из которого нет возврата в прежнем облике, но который открывает иное существование. Децебал, умирая, не просто избегал плена; он восстанавливал равновесие, которое нарушилось, когда римляне взяли крепость. Его смерть была последним обрядом, который он совершил как царь и как носитель той силы, которая делала его посредником между людьми и богами.

Римляне, захватив Дакию, создали провинцию, которая должна была стать частью империи. Они построили новые города, проложили дороги, ввели свои законы и свой календарь. Но они не смогли уничтожить ту систему координат, которая существовала до них. Святилища были разрушены, но их ориентация сохранилась в камне. Календарь был заменён римским, но старые праздники продолжали отмечаться в деревнях, где римская администрация не могла контролировать каждый шаг. Жрецы были убиты или изгнаны, но их знания ушли в народ, и эти знания продолжали жить в обрядах, которые совершались тайно или под видом новых праздников. Провинция Дакия была римской по форме, но её население оставалось носителем иной картины мира, и эта картина мира не исчезла вместе с последней крепостью.

Падение Сармизегетузы и гибель Децебала стали моделью конца мира, которая, вероятно, вошла в устную традицию и сохранилась в памяти народа. В этой модели есть все элементы, которые мы находим в эсхатологических мифах других народов: разрушение святилищ, потеря сокровищ, гибель царя, который был осью мироздания. Но есть и отличие: конец мира не был окончательным. Мир не исчез; он изменился, но продолжил существовать. Святилища были разрушены, но небо осталось на месте, и Солнце продолжало восходить в те же дни, что и раньше. Это означает, что космология, которая держалась на этих святилищах, могла пережить их разрушение, потому что она была основана не на камне, а на наблюдении за тем, что не зависит от камня. Люди, которые потеряли свои святилища, могли продолжать считать дни по Солнцу и Луне, и это счётное знание было тем ядром, которое не могло быть уничтожено никаким завоеванием.

Децебал, умирая, оставил своим людям не только память о сопротивлении, но и модель поведения в ситуации, когда мир рушится. Эта модель была проста: не сдаваться, не отдавать врагу то, что является святыней, и уходить в смерть так, как уходили те, кто шёл к Замолксису. Смерть царя была не поражением, а переходом, и в этом переходе он сохранял ту роль, которую играл при жизни: он был тем, кто идёт впереди и показывает путь. Для общины, которая верила в бессмертие, смерть царя не была концом его связи с народом; она была изменением формы этой связи. Царь, ушедший в подземный мир, становился там тем же, чем был на земле: посредником между людьми и богами, и его смерть делала его ещё более близким к тем силам, которым он служил.

Римские источники, описывая гибель Децебала, не скрывают уважения к побеждённому. Дион Кассий, который писал для римской аудитории и не был склонен к сентиментальности, всё же находит слова, которые показывают, что он понимал масштаб личности царя. Это уважение имеет свои причины: римляне ценили мужество даже у врагов, но в случае Децебала было и другое. Царь, который предпочёл смерть плену, вёл себя так, как должен вести себя правитель в представлениях самого Рима, и это делало его в некотором смысле «своим» в глазах тех, кто читал о нём. Но за этим уважением скрывалось и непонимание: римляне не могли до конца понять, что смерть Децебала была не просто актом личного мужества, а обрядом, который завершал определённый цикл и открывал новый.

Космологический смысл падения Сармизегетузы состоит в том, что ось мира не может быть уничтожена внешней силой. Её можно разрушить только изнутри, и римляне, разрушив святилища и убив царя, сделали именно это: они разорвали связь между народом и его сакральным центром. Но связь эта не исчезла; она ушла вглубь, в те слои культуры, которые не поддаются внешнему контролю. Праздники, которые отмечались в деревнях, обряды, которые совершались в лесах и у источников, песни, которые пелись за работой, — всё это несло в себе отголоски той системы, которая была создана в Сармизегетузе. Римская провинция просуществовала около ста семидесяти лет, но за это время старая космология не была забыта; она приспособилась к новым условиям и продолжала жить в тех формах, которые были доступны побеждённым.

Войны Траяна и падение Дакии часто описывают как столкновение двух миров, и это описание верно, но его нужно уточнить. Римский мир был миром дорог, законов и гарнизонов; дакийский мир был миром гор, обрядов и родовых связей. Римляне победили потому, что их система была более приспособлена к экспансии, но их победа не означала, что дакийская система была слабее. Она была иной, и её сила заключалась в том, что она держалась на вещах, которые нельзя разрушить мечом. Святилища можно срыть, но нельзя срыть небо; царя можно убить, но нельзя убить идею царя как оси мира. Эта идея продолжала жить в народной памяти, и когда через столетия на землях Дакии возникли новые государства, их правители, сами того не зная, воспроизводили ту модель, которая была создана в Сармизегетузе. Царь,

который стоит в центре мира и поддерживает равновесие, — это модель, которая пережила и Рим, и все последующие империи.

Гибель Децебала была не только концом династии, но и концом определённого способа существования космологии. До этого космология была встроена в государственные институты: святилища, календарь, обряд, царская власть. После падения Сармизегетузы она ушла в подполье, в народную культуру, где продолжала жить в формах, которые не требовали государственной поддержки. Это изменение было болезненным, но оно обеспечило выживание. Космология, которая держится на государстве, исчезает вместе с государством; космология, которая держится на народе, может пережить любые потрясения. Гето-дакийская космология пережила падение своего государства потому, что она была не только государственной, но и народной, и эта народная основа оказалась прочнее, чем стены Сармизегетузы.

Римляне, создавая провинцию Дакия, столкнулись с проблемой, которую они не могли решить: они победили государство, но не победили народ. Население провинции продолжало жить по своим обычаям, и римская администрация, которая была достаточно прагматичной, не пыталась искоренить эти обычаи полностью. Она вводила свои законы, но оставляла место для местных традиций, и это место оказалось достаточно широким, чтобы старая космология могла сохраниться. Праздники, которые отмечались в деревнях, не исчезли; они лишь приобрели новые имена и новые обоснования. Обряды, которые совершались у источников и в лесах, не прекратились; они лишь стали менее заметными для властей. Календарь, который был встроен в святилища, не исчез; он продолжал жить в наблюдениях за Солнцем и Луной, которые крестьяне вели так же, как вели их предки.

Падение Сармизегетузы было концом мира в том смысле, в каком концом мира является смерть царя для тех, кто верит, что царь есть ось мироздания. Но это был не абсолютный конец, а переход. Мир не исчез; он изменил форму, и эта новая форма была менее блестящей, но более устойчивой. Космология, которая раньше была встроена в стены и святилища, теперь жила в обычаях и песнях, и это означало, что она стала более доступной для тех, кто не имел доступа к святилищам. Римское завоевание, разрушив сакральный центр, невольно демократизировало космологию: то, что раньше было достоянием царя и жрецов, стало достоянием народа, и это обеспечило её выживание.

Децебал, умирая, не мог знать, что его смерть станет началом новой жизни для той системы, которую он защищал. Но он, вероятно, понимал, что ось мира не может быть уничтожена внешней силой, и что его смерть — это не конец, а переход. В представлениях народа, который верил в бессмертие, смерть царя была не поражением, а возвращением к тому источнику, из которого он пришёл. Замолксис ушёл в подземелье и вернулся; Децебал ушёл в смерть и остался в памяти. Его смерть стала моделью для тех, кто продолжал жить под римской властью: не сдаваться, не отдавать святыни, сохранять своё время даже тогда, когда чужое время навязывается силой.

Сармизегетуза была разрушена, но её камни остались. Святилища были срыты, но их ориентация сохранилась. Сокровища были вывезены, но их образы остались в памяти. Царь был убит, но его смерть стала частью той традиции, которая продолжала жить. Космология, которая была создана в этой крепости, не исчезла; она ушла вглубь и продолжала существовать в тех формах, которые были доступны побеждённым. Падение Сармизегетузы было концом мира, но не концом космологии. Мир, который рухнул, был миром государства; космология, которая пережила этот рухнувший мир, была космологией народа. И эта космология оказалась прочнее, чем стены, которые были срыты, и чем царь, который погиб. Она продолжала жить в обычаях, в песнях, в наблюдениях за небом, и когда через столетия на землях Дакии возникли новые государства, их правители, сами того не зная, воспроизводили ту модель, которая была создана в Сармизегетузе. Царь, который стоит в центре мира и поддерживает равновесие, — это модель, которая пережила и Рим, и все последующие империи, и в этом переживании —

лучшее доказательство того, что гето-дакийская космология была не фантазией, а знанием, основанным на наблюдении и опыте.

Войны Траяна и падение Дакии обычно описывают как столкновение двух миров, и это описание верно, но его нужно уточнить. Римский мир был миром дорог, законов и гарнизонов; дакийский мир был миром гор, обрядов и родовых связей. Римляне победили потому, что их система была более приспособлена к экспансии, но их победа не означала, что дакийская система была слабее. Она была иной, и её сила заключалась в том, что она держалась на вещах, которые нельзя разрушить мечом. Святилища можно срыть, но нельзя срыть небо; царя можно убить, но нельзя убить идею царя как оси мира. Эта идея продолжала жить в народной памяти, и когда через столетия на землях Дакии возникли новые государства, их правители, сами того не зная, воспроизводили ту модель, которая была создана в Сармизегетузе. Царь, который стоит в центре мира и поддерживает равновесие, — это модель, которая пережила и Рим, и все последующие империи.

Гибель Децебала была не только концом династии, но и концом определённого способа существования космологии. До этого космология была встроена в государственные институты: святилища, календарь, обряд, царская власть. После падения Сармизегетузы она ушла в подполье, в народную культуру, где продолжала жить в формах, которые не требовали государственной поддержки. Это изменение было болезненным, но оно обеспечило выживание. Космология, которая держится на государстве, исчезает вместе с государством; космология, которая держится на народе, может пережить любые потрясения. Гето-дакийская космология пережила падение своего государства потому, что она была не только государственной, но и народной, и эта народная основа оказалась прочнее, чем стены Сармизегетузы.

Римляне, создавая провинцию Дакия, столкнулись с проблемой, которую они не могли решить: они победили государство, но не победили народ. Население провинции продолжало жить по своим обычаям, и римская администрация, которая была достаточно прагматичной, не пыталась искоренить эти обычаи полностью. Она вводила свои законы, но оставляла место для местных традиций, и это место оказалось достаточно широким, чтобы старая космология могла сохраниться. Праздники, которые отмечались в деревнях, не исчезли; они лишь приобрели новые имена и новые обоснования. Обряды, которые совершались у источников и в лесах, не прекратились; они лишь стали менее заметными для властей. Календарь, который был встроен в святилища, не исчез; он продолжал жить в наблюдениях за Солнцем и Луной, которые крестьяне вели так же, как вели их предки.

Падение Сармизегетузы было концом мира в том смысле, в каком концом мира является смерть царя для тех, кто верит, что царь есть ось мироздания. Но это был не абсолютный конец, а переход. Мир не исчез; он изменил форму, и эта новая форма была менее блестящей, но более устойчивой. Космология, которая раньше была встроена в стены и святилища, теперь жила в обычаях и песнях, и это означало, что она стала более доступной для тех, кто не имел доступа к святилищам. Римское завоевание, разрушив сакральный центр, невольно сделало космологию достоянием народа, и это обеспечило её выживание.

Децебал, умирая, не мог знать, что его смерть станет началом новой жизни для той системы, которую он защищал. Но он, вероятно, понимал, что ось мира не может быть уничтожена внешней силой, и что его смерть — это не конец, а переход. В представлениях народа, который верил в бессмертие, смерть царя была не поражением, а возвращением к тому источнику, из которого он пришёл. Замолксис ушёл в подземелье и вернулся; Децебал ушёл в смерть и остался в памяти. Его смерть стала моделью для тех, кто продолжал жить под римской властью: не сдаваться, не отдавать святыни, сохранять своё время даже тогда, когда чужое время навязывается силой.

Сармизегетуза была разрушена, но её камни остались. Святилища были срыты, но их ориентация сохранилась. Сокровища были вывезены, но их образы остались в памяти. Царь

был убит, но его смерть стала частью той традиции, которая продолжала жить. Космология, которая была создана в этой крепости, не исчезла; она ушла вглубь и продолжала существовать в тех формах, которые были доступны побеждённым. Падение Сармизегетузы было концом мира, но не концом космологии. Мир, который рухнул, был миром государства; космология, которая пережила этот рухнувший мир, была космологией народа. И эта космология оказалась прочнее, чем стены, которые были срыты, и чем царь, который погиб. Она продолжала жить в обычаях, в песнях, в наблюдениях за небом, и когда через столетия на землях Дакии возникли новые государства, их правители, сами того не зная, воспроизводили ту модель, которая была создана в Сармизегетузе.

Глава 7. Соседи и зеркала: греки, скифы, кельты, римляне о стране гетов

Ольвия стоит на правом берегу Бугского лимана, там, где вода смешивается с морской, и в ясную погоду с городской стены видно, как лиман уходит к югу, к морю, а за ним начинается степь, которая тянется до самого горизонта. Греки, основавшие город в VI веке до новой эры, называли его Борисфеном — по имени реки, которую мы теперь зовём Днепром, — и торговали с местным населением зерном, рыбой, скотом и рабами. Но торговля была лишь одной стороной отношений; другой стороной было наблюдение. Греки смотрели на своих соседей с любопытством, смешанным с настороженностью, и записывали то, что видели, в формы, которые были им привычны. Эти записи, дошедшие до нас в виде фрагментов, случайных упоминаний и целых пассажей у Геродота, Страбона и других авторов, составляют тот корпус свидетельств, по которым мы сегодня реконструируем гето-дакийскую космологию. Но у этих свидетельств есть особенность, которую нужно постоянно держать в уме: они — зеркала, а не окна. В них отражается не только то, что было, но и то, что наблюдатель ожидал увидеть, и то, что он мог понять, исходя из собственных категорий.

Греки, жившие на берегах Понта, были людьми практичными. Их интересовали торговые пути, цены на зерно, обычаи местных племён в той мере, в какой эти обычаи влияли на торговлю. Когда Геродот рассказывает о гетах, он делает это не из чистой любознательности; он собирает сведения, которые могут быть полезны его читателям, и потому его рассказ неизбежно оказывается отфильтрованным. Он сообщает о вере в бессмертие, о посланнике к Замолксису, о стрелах, пускаемых в грозу, но он не сообщает о том, как геты представляют себе движение Луны или почему в их мифах нет создания воздуха. Эти вопросы не входили в круг его интересов, и потому ответы на них приходится искать в других местах — в археологии, в сравнительном материале, в позднейших пережитках. Греческое зеркало отражает лишь часть картины, и эта часть искажена перспективой.

Скифы были другим зеркалом, и их отражение ещё более сложно. Скифы и гето-даки жили рядом на протяжении столетий, торговали, воевали, роднились, и их культуры влияли друг на друга. В дакийских комплексах встречаются предметы скифского типа: наконечники стрел, украшения, детали конской упряжи. В скифских курганах, в свою очередь, находят вещи, которые могли быть сделаны на землях к северу от Дуная. Это взаимопроникновение означает, что граница между двумя мирами была не стеной, а зоной контакта, и в этой зоне складывались гибридные формы, которые не принадлежат ни одному из двух миров в чистом виде. Когда греки описывали гетов, они часто путали их со скифами, и эта путаница не была случайной: для внешнего наблюдателя оба народа были частью одного и того же варварского мира, и различия между ними казались несущественными. Но для самих гето-даков различие было важным, и их космология, вероятно, содержала элементы, которые отличали её от скифской, даже если внешне они выглядели похожими.

Скифское влияние на гето-дакийскую космологию можно проследить в нескольких направлениях. Во-первых, это культ коня и всадника, который был центральным в скифской религии и который нашёл отражение в дакийском искусстве. Во-вторых, это представление о небесном огне и о божестве, которое посылает молнию; скифский культ меча, воткнутого в землю, имеет параллели в дакийских обрядах, связанных с оружием. В-третьих, это календарные представления, которые у скифов были связаны с движением Солнца и с четырёхлетним циклом, и которые, вероятно, повлияли на гето-дакийский счёт времени. Но все эти влияния были переработаны на местной основе, и потому нельзя говорить о простом заимствовании. Скифы дали гето-дакам материал, но форму этому материалу придала местная традиция.

Кельты пришли в Подунавье позже, в III веке до новой эры, и их влияние было иным. Кельты были не степняками, а земледельцами и ремесленниками, и они принесли с собой новые технологии обработки металла, новые формы оружия и украшений, новые типы поселений. В дакийской материальной культуре кельтское влияние ощущается в формах фибул, в типах мечей, в приёмах ковки. Но кельтское влияние не ограничивалось вещами; оно затрагивало и представления о мире. Кельтская космология, насколько она известна по ирландским и валлийским текстам, была сложной и включала представления о трёх мирах, о священных деревьях, о календарных праздниках, связанных с солнечными точками. Некоторые из этих представлений могли найти отклик у гето-даков, и их следы можно обнаружить в тех обрядах, которые сохранились до наших дней.

Кельтское зеркало, однако, имеет свою особенность: кельты не оставили письменных свидетельств о гето-даках. Их влияние мы реконструируем по материальным остаткам, и потому оно предстаёт перед нами в виде вещей, а не в виде слов. Это означает, что мы видим результат влияния, но не видим процесса. Мы знаем, что в дакийских крепостях появились вещи кельтского типа, но мы не знаем, как сами даки объясняли их присутствие и как они вписывали их в свою картину мира. Кельтское зеркало отражает лишь материальную сторону, и эта сторона важна, но недостаточна для понимания космологии.

Римляне были четвёртым зеркалом, и их отражение самое подробное, но и самое искажённое. Римляне пришли в Дакию как завоеватели, и их описания побеждённых несут на себе отпечаток победной риторики. Они изображают даков как храбрых, но диких, как народ, который не знает законов и не имеет городов, как варваров, которых нужно цивилизовать. Эти описания не были полностью ложными, но они были односторонними: они фиксировали то, что римляне считали важным, и игнорировали то, что не вписывалось в их схему. Римское зеркало отражает Дакию глазами победителя, и потому в нём многое преувеличено, многое упрощено и многое упущено.

Римские свидетельства о гето-дакийской космологии немногочисленны, но среди них есть несколько важных. Дион Кассий, описывая войны Траяна, упоминает о святилищах и сокровищах, которые были захвачены в Сармизегетузе, и это упоминание даёт ключ к пониманию того, что римляне видели в дакийской религии. Они видели в ней силу, которую нужно уничтожить, и потому разрушение святилищ было не случайным актом вандализма, а сознательной политикой. Римляне понимали, что пока святилища стоят, сопротивление будет продолжаться, и потому они срывали их с той же методичностью, с какой строили свои дороги. Это понимание было практическим, но оно свидетельствует о том, что римляне признавали за дакийской религией определённую силу, даже если не понимали её содержания.

Другим важным римским свидетельством является колонна Траяна в Риме, которая изображает сцены из дакийских войн. На рельефах колонны можно увидеть дакийских воинов, их оружие, их одежду, их крепости, а также сцены, которые, вероятно, изображают обряды. Эти изображения были созданы римскими скульпторами, которые, возможно, никогда не видели Дакии, и потому они несут на себе отпечаток римских представлений о варварах. Но даже в этих искажённых изображениях можно найти детали, которые соответствуют археологическим данным: например, форма дакийских щитов или устройство крепостных стен. Колонна — это зеркало, в котором отражается не только Дакия, но и Рим, и потому она интересна не только как источник сведений о даках, но и как источник сведений о том, как римляне представляли себе своих противников.

Греческое, скифское, кельтское и римское зеркала дают разные отражения, и ни одно из них не является полным. Полная картина складывается только тогда, когда мы учитываем все эти отражения вместе и принимаем во внимание их искажения. Греки дают слова, скифы дают вещи, кельты дают формы, римляне дают контекст. Взаимодействие этих четырёх источников

позволяет реконструировать то, что ни один из них не даёт в отдельности: систему координат, в которой жили гето-даки и которая определяла их представления о мире.

Но есть и пятое зеркало, о котором часто забывают: сами гето-даки, какими они предстают в археологических данных. Это зеркало не говорит словами, но оно говорит вещами, и вещи эти часто более красноречивы, чем слова. Расположение святилищ, ориентация крепостей, устройство погребений, рисунки на керамике и металле — всё это образует текст, который нужно читать на языке пространства и времени. Археология даёт то, чего не дают письменные источники: она показывает, как идеи воплощались в материи, и это воплощение часто оказывается более точным, чем любое описание. Греки могли ошибаться в деталях, римляне могли искажать факты, но камень, на котором высечены знаки, не ошибается и не искажает. Он просто есть, и его можно измерить, датировать и сравнить с другими камнями.

Проблема всех зеркал вместе состоит в том, что они отражают гето-дакийский мир в тот момент, когда он уже начал меняться под воздействием внешних сил. Греки описали гетов в эпоху, когда греческое влияние уже было значительным; римляне описали даков в эпоху, когда римское давление уже изменило их общество. Мы никогда не увидим гето-дакийскую космологию в её «чистом» виде, потому что такого вида, вероятно, никогда и не было. Культура всегда находится в движении, и то, что мы называем «традицией», есть лишь моментальный снимок процесса, который продолжается. Это не означает, что реконструкция невозможна; это означает, что она должна быть осторожной и учитывать динамику.

Соседи гето-даков были не только зеркалами, но и действующими лицами. Они влияли на гето-дакийский мир не меньше, чем гето-даки влияли на них. Греческие колонии на Понте были не просто наблюдателями; они были торговыми партнёрами, кредиторами, культурными посредниками. Скифы были не просто соседями; они были союзниками и соперниками, и их военные походы затрагивали гето-дакийские земли. Кельты были не просто пришельцами; они были поселенцами, которые жили рядом с гето-даками и вступали с ними в браки. Римляне были не просто завоевателями; они были администраторами, которые после завоевания управляли Дакией и влияли на её культуру. Взаимодействие было постоянным и многосторонним, и космология гето-даков формировалась в этом взаимодействии, а не в изоляции.

Греческое влияние на гето-дакийскую космологию можно проследить в тех именах богов, которые античные авторы передают в греческой огласовке. Замолксис, Гебелейзис, Декеней — все эти имена дошли до нас в греческой передаче, и мы не знаем, как они звучали на самом деле. Греки, записывая чужое имя, неизбежно приспосабливали его к своей фонетике, и потому в их записи оно теряло часть своего первоначального звучания. Это означает, что мы имеем дело не с подлинными именами, а с их греческими отражениями, и эти отражения могут скрывать от нас те связи, которые существовали между гето-дакийскими богами и богами других народов. Греческое зеркало искажает даже имена, и это искажение нужно учитывать при любой реконструкции.

Скифское влияние на гето-дакийскую космологию было иным. Скифы не записывали имён; они передавали свои представления через образы, и эти образы сохранились в искусстве. Скифский звериный стиль, с его изображениями оленей, грифонов, хищников, был не просто декоративным; он нёс в себе космологический смысл. Животные, изображённые на скифских вещах, были связаны с определёнными силами и с определёнными частями мироздания. Когда эти образы появлялись на гето-дакийских вещах, они приносили с собой часть этого смысла, и гето-даки, вероятно, переосмысливали их в соответствии со своей традицией. Скифское зеркало отражает не слова, а образы, и это отражение более устойчиво, чем словесное, потому что образы не зависят от перевода.

Кельтское влияние на гето-дакийскую космологию проявляется в тех элементах материальной культуры, которые связаны с обрядом. Кельтские фибулы, которые находят в дакийских комплексах, были не просто застёжками; они были амулетами, которые носили на себе

определённый смысл. Кельтские мечи, которые попадали в дакийские руки, были не просто оружием; они были предметами, которые несли в себе силу. Кельтское зеркало отражает предметы, и через предметы — представления, которые эти предметы воплощали. Это отражение фрагментарно, но оно позволяет увидеть те стороны гето-дакийской космологии, которые не попали в поле зрения греческих и римских авторов.

Римское влияние на гето-дакийскую космологию было наиболее разрушительным и наиболее продолжительным. Римляне не просто завоевали Дакию; они создали провинцию, которая просуществовала около ста семидесяти лет, и за это время римские порядки, римский календарь, римские боги вошли в жизнь местного населения. Но римское влияние не было односторонним: римляне, поселившиеся в Дакии, перенимали местные обычаи, и в надписях провинции встречаются имена божеств, которые не имеют аналогов в римском пантеоне. Римское зеркало отражает не только римское, но и местное, и это отражение позволяет увидеть, как гето-дакийская космология продолжала жить под римской властью.

Соседи гето-даков были зеркалами, но они были и участниками. Они не просто отражали; они формировали. Гето-дакийская космология не была создана в изоляции; она складывалась в диалоге с греками, скифами, кельтами и римлянами. Этот диалог был не всегда мирным, но он был постоянным, и его результаты видны в тех элементах гето-дакийской культуры, которые нельзя объяснить только местной традицией. Признание этого факта не умаляет оригинальной гето-дакийской космологии; оно делает её более сложной и более интересной. Народ, который жил на перекрёстке путей, не мог не впитывать то, что шло по этим путям, но он перерабатывал впитанное в соответствии со своими представлениями о мире, и эта переработка и есть то, что мы называем гето-дакийской космологией.

Греки, скифы, кельты и римляне видели в гето-даках разное, и это разное не всегда совпадало. Греки видели народ, который верит в бессмертие; скифы видели соседей, с которыми можно торговать и воевать; кельты видели землю, на которой можно поселиться; римляне видели противника, которого нужно победить. Ни одно из этих видений не было полным, но каждое из них оставило след в источниках, и эти следы вместе позволяют реконструировать то, что ни один из наблюдателей не видел целиком. Соседи были зеркалами, но зеркала эти были разной кривизны, и потому их отражения нужно сопоставлять, а не принимать на веру.

Страна гетов, какой она предстаёт в этих зеркалах, была страной на границе миров. Греки называли её варварской, римляне — дикой, но за этими названиями скрывалась сложная культура, которая имела свою космологию, свою историю и своё представление о мире. Соседи не понимали этой культуры до конца, но они её замечали, и их замечания, при всей их ограниченности, являются ценнейшим источником. Они позволяют увидеть гето-дакийский мир с разных сторон, и каждая из этих сторон добавляет что-то к общей картине. Греческое слово, скифский образ, кельтская вещь, римская надпись — всё это части одного пазла, и пазл этот складывается только тогда, когда мы принимаем во внимание все части и учитываем их искажения.

Гето-дакийская космология была не изолированной системой, а открытой. Она впитывала влияние соседей и перерабатывала его, сохраняя при этом своё ядро. Это ядро было связано с наблюдением за небом, с календарём, с обрядом, с верой в бессмертие, и оно оставалось устойчивым даже тогда, когда внешние формы менялись. Соседи видели эти внешние формы и описывали их, но они редко проникали вглубь, к тому ядру, которое определяло суть. Именно поэтому реконструкция гето-дакийской космологии требует не только чтения источников, но и понимания того, что источники не сказали. Молчание соседей — это тоже свидетельство, и оно говорит о том, что гето-даки не раскрывали перед чужаками своих самых глубоких представлений о мире.

Глава 8. Фракийский треугольник: язык, имена, топонимы как осколки мифа

Фракийский язык не оставил ни поэмы, ни закона, ни молитвы, записанной рукой жреца. Он оставил только осколки: имена богов и царей, названия рек и гор, несколько глосс, сохранённых греческими лексикографами, несколько надписей, выбитых на камне или процарапанных на металле. Из этих осколков пытаются сложить целое уже два столетия, и каждый раз получается не ваза, а мозаика, в которой не хватает половины камней. И всё же эти осколки драгоценны, потому что язык — это не просто средство общения, а способ хранения мира. В названиях мест и имён богов закодированы представления о пространстве, о времени, о силах, которые управляют жизнью. Читать эти названия — значит проникать в тот слой культуры, который старше любых письменных свидетельств.

Начнём с того, что известно о языке гето-даков. Страбон прямо говорит, что даки и геты говорят на одном языке, и это свидетельство античного географа подтверждается данными топонимики: названия рек, гор и поселений на обоих берегах Дуная обнаруживают общие корни и общие модели образования. Фракийский язык принадлежит к индоевропейской семье, и его ближайшие родственники — фригийский, армянский, возможно, балтские языки. Эта близость не означает, что гето-даки были родственны армянам или литовцам в этническом смысле; она означает, что их язык сохранил черты, которые в других индоевропейских языках исчезли или видоизменились. Фракийский слой в топонимике Балкан и Карпат так же древен, как кельтский слой в Западной Европе, и так же трудно поддаётся расшифровке.

Главная проблема изучения фракийского языка состоит в том, что он не имел письменности, по крайней мере, до контакта с греками, а когда контакт произошёл, письменность, которая была заимствована, оказалась греческой, и потому все записи фракийских слов сделаны чужими буквами. Греческий алфавит не передавал фракийских звуков с той точностью, которая нужна для лингвистического анализа; он приспосабливал чужую речь к своей фонетике, и потому в записях неизбежны искажения. Имя, которое грек записывал как «Замолксис», могло звучать иначе; имя, которое римлянин записывал как «Децебал», могло иметь другой первый звук. Эти искажения не делают реконструкцию невозможной, но они требуют осторожности: нельзя строить выводы на одной букве, нельзя предполагать, что греческая передача точно соответствует фракийскому произношению.

Имена богов — первый и самый важный осколок. Замолксис, Гебелейзис, Дерзелас, Бендида, Сабазий — все эти имена дошли до нас в греческой или латинской передаче, и все они содержат корни, которые можно сопоставить с другими индоевропейскими языками. Замолксис, чьё имя имеет варианты в разных источниках, вероятно, содержит корень, связанный с землёй или с подземным миром; фракийское слово, от которого оно происходит, могло означать «тот, кто в земле» или «тот, кто под землёй». Это согласуется с рассказами о том, что Замолксис ушёл в подземелье и вернулся. Гебелейзис, чьё имя содержит элемент, родственный греческому слову, обозначающему блеск или молнию, связан с небесным огнём и громом. Дерзелас, имя, которое встречается во фракийских надписях, может быть связано с корнем, обозначающим «сильный» или «могучий». Бендида, имя богини, которую греки отождествляли с Артемидой или с Кибелой, содержит корень, который в разных индоевропейских языках связан с идеей связи или узла.

Эти сопоставления не являются доказательствами, но они указывают направление. Имена богов не были произвольными звуками; они несли в себе смысл, и этот смысл был доступен тем, кто говорил на языке. Человек, который произносил имя Замолксиса, слышал в нём указание на подземный мир; человек, который произносил имя Гебелейзиса, слышал в нём

отзвук грома. Это означает, что космология была встроена в язык, и язык хранил её даже тогда, когда письменные свидетельства исчезли. Имена богов — это не просто ярлыки; это сгустки мифа, которые можно развернуть в целые сюжеты, если знать корни и параллели.

Топонимы — второй осколок, и он не менее важен. Названия рек, гор, крепостей и поселений на землях гето-даков часто содержат корни, которые можно интерпретировать в космологическом ключе. Название реки, которая теперь называется Олт, в древности звучало иначе, но его фракийская основа, вероятно, была связана с идеей течения или воды. Название горы, которая теперь называется Ретезат, в древности могло звучать как «Ретезатис» и содержать корень, связанный с воротами или проходом. Названия крепостей, которые римляне передавали как «Сармизегетуза» или «Костети», содержат элементы, которые указывают на местоположение, на функцию или на связь с определённым родом. Каждое такое название — это не просто адрес; это указание на то, как место понималось теми, кто его так назвал.

Особый интерес представляют названия, которые содержат элемент «дава» — слово, которое в фракийском языке, вероятно, означало «поселение» или «город». На землях гето-даков известно множество таких названий: Аргидава, Дробета, Потаисса, Капса, Зиридава. Элемент «дава» в этих названиях указывает на то, что перед нами поселение, но первая часть названия говорит о чём-то другом: о характере места, о его расположении, о роде, который там жил, или о божестве, которому оно было посвящено. Аргидава, возможно, содержит корень, связанный с блеском или с серебром; Дробета, возможно, связана с идеей переправы или брода; Потаисса, возможно, содержит корень, связанный с водой или с падением. Эти интерпретации остаются гипотезами, но они показывают, как язык мог хранить космологическую информацию: название поселения было не просто меткой на карте, а указанием на место в системе мира.

Гидронимы — названия рек — занимают особое место. Реки в древних культурах были не просто водными путями; они были границами, осями, связями между мирами. Названия рек на землях гето-даков часто содержат корни, которые можно связать с идеей течения, с идеей воды, с идеей жизни или смерти. Дунай, который греки называли Истром, а римляне — Данувием, имеет имя, которое в разных индоевропейских языках связано с идеей воды или реки. Название реки Муреш, которое в древности звучало иначе, могло содержать корень, связанный с идеей болота или влаги. Название реки Сирет, которое в древности передавалось как «Гиерасус», содержит греческий элемент, но его фракийская основа могла быть иной. Каждое такое название — это не просто звук; это след представления о том, что вода есть сила, которая имеет своё имя и свой характер.

Имена людей — третий осколок. Фракийские и дакийские имена, которые дошли до нас в надписях и в передаче античных авторов, часто содержат элементы, которые можно сопоставить с именами богов или с топонимами. Имя царя Буребисты содержит корень, который, возможно, связан с идеей борьбы или силы; имя Декенея перекликается с именем Замолксиса и, вероятно, указывает на связь с культом; имя Децебала содержит элемент, который может означать «сильный» или «могучий». Личные имена в таком обществе были не просто ярлыками; они несли в себе информацию о роде, о покровителе, о месте рождения. Человек, носящий имя, которое содержало имя бога, находился под защитой этого бога; человек, носящий имя, которое содержало название места, был связан с этим местом. Имена были частью космологической системы, и их анализ позволяет увидеть, как люди вписывали себя в мир.

Глоссы — четвёртый осколок. Греческие и латинские авторы иногда сохраняли фракийские слова, которые они слышали от местных жителей, и эти слова, снабжённые переводом, дают ключ к пониманию языка. Например, греческий лексикограф Гесихий сохранил несколько фракийских слов, среди которых есть обозначения растений, животных, предметов быта. Эти слова не всегда имеют космологическое значение, но они показывают, как фракийский язык описывал мир: какие категории были важны для его носителей, какие различия они проводили, какие явления они замечали. Слово, которое обозначает определённый вид травы,

может показаться незначительным, но если эта трава использовалась в обряде, то слово становится ключом к обряду. Глоссы — это фрагменты словаря, который утрачен, и каждый фрагмент может оказаться частью большой картины.

Надписи — пятый осколок, и он самый редкий. Фракийских надписей известно немного, и большинство из них коротки: имена, посвящения, отдельные слова. Но даже эти короткие тексты дают ценную информацию. Надпись, которая содержит имя божества и имя посвятителя, показывает, кто кому поклонялся; надпись, которая содержит название места, показывает, как это место называлось на местном языке; надпись, которая содержит формулу, показывает, какие грамматические конструкции были в ходу. Каждая надпись — это не просто текст; это акт, который связывал человека с богом, с местом, с общиной. Читая надписи, мы читаем не только слова, но и отношения, которые эти слова выражали.

Проблема всех этих осколков состоит в том, что они не складываются в систему. Мы знаем отдельные имена, отдельные слова, отдельные названия, но мы не знаем, как они соединялись в предложения, как они образовывали мифы, как они передавались из поколения в поколение. Фракийский язык не оставил текстов, и потому мы не можем увидеть, как работала грамматика, как строились нарративы, как оформлялись обряды. Мы имеем дело с фрагментами, и эти фрагменты приходится реконструировать, опираясь на сравнительный материал и на логику. Это не означает, что реконструкция невозможна; это означает, что она всегда будет вероятностной, всегда будет гипотезой, которая может быть опровергнута новыми данными.

Сравнительный метод — единственный инструмент, который позволяет извлекать смысл из осколков. Сопоставляя фракийские имена с именами в других индоевропейских языках, можно выявить корни и их значения. Сопоставляя топонимы с топонимами в других регионах, можно увидеть общие модели образования названий. Сопоставляя глоссы с словами в родственных языках, можно восстановить утраченные значения. Этот метод не даёт абсолютной уверенности, но он даёт направление, и в отсутствие текстов направление — это всё, что есть.

Фракийский треугольник — язык, имена, топонимы — это не просто набор данных; это система, в которой каждый элемент связан с другими. Имя бога связано с топонимом, потому что место, где бог почитался, называлось по его имени; топоним связан с глоссой, потому что слово, которое обозначало место, сохранилось в языке; глосса связана с именем человека, потому что человек носил имя, которое содержало это слово. Взаимосвязи образуют сеть, и эта сеть — то, что мы называем культурой. Космология в этой сети занимает центральное место, потому что она объясняет, почему вещи называются так, а не иначе, почему места расположены так, а не иначе, почему имена даются такие, а не иные.

Имена богов — это узлы сети, в которых сходятся язык, миф и обряд. Замолксис, чьё имя содержит корень, связанный с землёй, — это бог, который ушёл в землю и вернулся; его имя, его миф и его обряд составляют единое целое, которое можно понять только вместе. Гебелейзис, чьё имя содержит корень, связанный с блеском, — это бог грома и молнии; его имя, его функция и его культ связаны с небесными явлениями. Бендида, чьё имя содержит корень, связанный с узлом, — это богиня, которая связывает людей и богов; её имя, её образ и её обряд составляют единство, которое раскрывается через анализ корня. Каждое имя — это не просто звук; это сгусток смысла, который можно развернуть в миф, в обряд, в представление о мире.

Топонимы — это узлы, в которых сходятся язык, пространство и память. Название реки, которое содержит корень, связанный с водой, — это не просто метка на карте; это указание на то, что вода в этом месте имеет определённый характер, что она связана с определёнными силами, что она требует определённого отношения. Название горы, которое содержит корень, связанный с воротами, — это указание на то, что гора является проходом между мирами, что через неё можно попасть в иное пространство. Название поселения, которое содержит элемент «дава», — это указание на то, что поселение является центром, вокруг которого организуется

мир. Каждое название — это не просто адрес; это способ вписать место в космологическую систему.

Глоссы — это узлы, в которых сходятся язык, быт и обряд. Слово, которое обозначает растение, — это не просто ботанический термин; это указание на то, как растение использовалось, какое место оно занимало в жизни людей, какие силы с ним связывались. Слово, которое обозначает животное, — это не просто зоологический термин; это указание на то, как животное воспринималось, какое место оно занимало в мифах и обрядах. Слово, которое обозначает предмет, — это не просто название вещи; это указание на то, как вещь делалась, как она использовалась, какой смысл она несла. Каждая глосса — это фрагмент мира, который можно восстановить, если знать контекст.

Надписи — это узлы, в которых сходятся язык, власть и вера. Надпись, которая содержит имя царя, — это не просто запись; это акт, который утверждает власть царя и его связь с богами. Надпись, которая содержит посвящение богу, — это не просто текст; это акт, который связывает человека с богом и обеспечивает защиту. Надпись, которая содержит название места, — это не просто метка; это акт, который утверждает принадлежность места к определённой общине. Каждая надпись — это действие, и язык в ней — не просто средство, а сила, которая производит действие.

Фракийский треугольник — язык, имена, топонимы — это не просто набор осколков; это система, которая позволяет реконструировать космологию даже в отсутствие текстов. Язык хранит корни, которые указывают на значения; имена хранят связи, которые указывают на функции; топонимы хранят структуры, которые указывают на пространство. Вместе они образуют сеть, в которой каждый элемент поддерживает другие, и эта сеть — то, что мы называем культурой. Космология в этой сети — не отдельная область, а измерение, которое пронизывает все элементы. Имена богов, названия мест, слова, которые обозначают вещи, — всё это части одной картины, и картина эта становится видимой, когда мы смотрим на неё через язык.

Проблема фракийского треугольника состоит в том, что он неполон. Многие имена не поддаются интерпретации; многие топонимы не имеют параллелей; многие глоссы остаются неясными. Это не означает, что реконструкция невозможна; это означает, что она всегда будет частичной. Но частичная реконструкция лучше, чем никакая, и она позволяет увидеть то, что без неё было бы скрыто. Язык гето-даков не оставил поэмы, но он оставил слова, и эти слова — осколки мифа, которые можно собрать в картину, если иметь терпение и осторожность.

Космология гето-даков была встроена в язык не в том смысле, что существовали специальные термины для обозначения космических явлений, а в том смысле, что сам язык был организован вокруг определённых представлений о мире. Имена богов, названия мест, слова, которые обозначают вещи, — всё это было частью системы, в которой каждый элемент имел своё место и своё значение. Язык был не просто средством общения; он был способом хранения мира, и этот мир включал в себя небо, землю, подземный мир, богов, людей, животных, растения. Когда мы анализируем фракийские слова, мы анализируем не просто звуки; мы анализируем следы той системы, которая существовала в сознании людей и которая определяла их поведение.

Фракийский треугольник — язык, имена, топонимы — это ключ к пониманию того, как гето-даки видели мир. Этот ключ не открывает все двери, но он открывает некоторые, и за этими дверями видны очертания той картины, которая была создана народом, не оставившим текстов. Язык говорит даже тогда, когда молчат источники; имена говорят даже тогда, когда молчат мифы; топонимы говорят даже тогда, когда молчат обряды. Нужно только уметь слушать, и это умение приходит с терпением, с осторожностью и с уважением к тем осколкам, которые дошли до нас через века.

Гето-дакийский язык исчез, но его следы остались в топонимике Румынии, в названиях рек и гор, в словах, которые перешли в румынский из субстрата. Эти следы — не просто линг-

вистические курьёзы; это память о народе, который жил на этой земле и смотрел на это небо. Когда румынский крестьянин называет реку именем, которое восходит к фракийскому корню, он, сам того не зная, повторяет слово, которое произносили его предки две тысячи лет назад. Это повторение — не просто звук; это связь, которая пережила империи и переселения. Язык, даже исчезнувший, продолжает говорить, и его голос слышен в тех словах, которые мы произносим каждый день, не задумываясь о их происхождении.

Фракийский треугольник — это не только лингвистическая проблема; это проблема культурной памяти. Народ, который не оставил текстов, оставил слова, и эти слова — не просто звуки; это следы той картины мира, которая была создана в глубокой древности и которая продолжала жить в языке даже тогда, когда её создатели исчезли. Космология гето-даков не была записана, но она была встроена в язык, и язык сохранил её осколки. Эти осколки — имена богов, названия мест, слова, которые обозначают вещи, — это не просто данные для лингвистов; это ключи к пониманию того, как древний народ представлял себе мир и своё место в нём. И эти ключи, при всей их неполноте, открывают двери, за которыми видна картина, не похожая ни на что другое.

Глава 9. Гето-дакийский дом: очаг, двор, селение, мир

Дом начинается с ямы. Прежде чем поставить стены, гето-дакий строитель копал котлован, и в этом котловане уже была заложена первая космологическая идея: жилище не ставится на земле, оно опускается в землю, укореняется в ней, берёт от неё силу. Археологи, раскапывавшие поселения на территории Румынии, Молдовы и юга Украины, обнаружили сотни таких котлованов — квадратных, прямоугольных, иногда округлых, глубиной от полуметра до метра, с остатками столбов по углам и с очагом в центре или ближе к одной из стен. Эти котлованы — не просто строительная техника; это способ вписать дом в мир, где земля и небо связаны через вертикаль, и дом является точкой, в которой эта связь становится осязаемой.

Полуземлянка — основной тип жилища у гето-даков на протяжении столетий, и её конструкция отражает представление о мире, в котором верх и низ не противостоят друг другу, а составляют единое целое. Крыша такого дома опиралась на столбы, вкопанные в землю, и покрывалась соломой, камышом или дёрном. Снаружи дом выглядел как холм, поросший травой, и это сходство с холмом не было случайным: холм в древней картине мира — это место, где земля поднимается к небу, где происходит встреча двух стихий. Дом, построенный как холм, повторял эту модель в малом масштабе, и человек, входивший в него, оказывался внутри модели мира, где потолок был небом, пол — землёй, а очаг — центром, вокруг которого всё вращалось.

Очаг — сердце дома, и его устройство заслуживает подробного разговора. В гето-дакийских жилищах очаг чаще всего располагался в центре или ближе к одной из стен, и он был не просто местом для приготовления пищи. Это был алтарь, на котором горел огонь, и этот огонь был не только источником тепла, но и связью с теми силами, которые управляли миром. Огонь в очаге поддерживался постоянно; погасить его означало разорвать связь с предками, с богами, с космосом. Женщина, которая следила за очагом, выполняла не просто хозяйственную работу; она была хранительницей той связи, которая соединяла дом с небом, и её роль в общине определялась этим служением.

Очаг имел и вертикальное измерение. Дым, поднимавшийся от огня, уходил через отверстие в крыше, и этот путь дыма был моделью пути, который проходят молитвы и жертвы, поднимаясь от земли к небу. Отверстие в крыше было не просто вентиляцией; это было окно в иной мир, через которое дом сообщался с небом. В некоторых гето-дакийских жилищах над очагом устраивалось специальное отверстие с глиняной трубой, и эта труба была не только функциональной, но и символической: она обозначала ось, вокруг которой вращается мир, и дом, имеющий такую трубу, был не просто укрытием, а моделью космоса.

Двор вокруг дома был продолжением жилища, и его организация тоже подчинялась определённым правилам. В гето-дакийских поселениях двор часто обносился забором или частоколом, и внутри этого ограждения располагались хозяйственные постройки: амбары для зерна, загоны для скота, мастерские. Двор был пространством, где человек контролировал мир, где он был хозяином, и граница между двором и внешним пространством была границей между порядком и хаосом. Человек, выходивший за пределы двора, покидал зону безопасности и вступал в зону, где действовали иные силы, и потому выход за пределы двора часто сопровождался обрядами, которые должны были обеспечить защиту.

Яма для хранения зерна — характерная деталь гето-дакийского двора, и она тоже имеет космологическое значение. Зерно, которое хранилось в яме, было не просто запасом пищи; оно было семенем, которое обеспечивало продолжение жизни, и яма, в которой оно лежало, была моделью земли, из которой всё произрастает. Зерно, положенное в яму, умирало для того, чтобы возродиться весной, и этот цикл смерти и возрождения был повторением того цикла, который проходил Замолксис, уходя в подземелье и возвращаясь на четвёртый год. Яма была

не просто хранилищем; она была местом, где совершался обряд, и зерно, которое в ней лежало, было причастно к той силе, которая управляла жизнью и смертью.

Скот в гето-дакийском хозяйстве играл роль, которую трудно переоценить, и его содержание тоже было вписано в космологическую систему. Коровы, овцы, козы, свиньи — все эти животные были не просто источником мяса и молока; они были частью того мира, который человек создавал вокруг себя. Загон для скота располагался во дворе, и его расположение подчинялось тем же правилам, что и расположение дома: он должен был быть защищён от внешних сил и связан с центром. Скот, который выходил за пределы двора на пастбище, вступал в зону, где действовали иные силы, и пастух, который вёл его, выполнял роль посредника между миром дома и миром внешним.

Поселение — следующий уровень организации пространства, и он тоже имеет космологическое измерение. Гето-дакийские поселения располагались на возвышенностях, у рек, на опушках лесов, и их расположение определялось не только удобством, но и представлением о том, где должно находиться человеческое жильё. Поселение на возвышенности было ближе к небу, поселение у реки было связано с водой, поселение на опушке было на границе между лесом и открытым пространством. Каждое из этих положений накладывало отпечаток на жизнь общины, и каждое из них имело свои обряды, которые должны были обеспечить защиту и благополучие.

Планировка гето-дакийских поселений часто имеет круговую или радиальную структуру, и эта структура отражает представление о мире, в котором центр и периферия связаны через радиусы. Дома располагаются вокруг центральной площади или вокруг святилища, и это расположение создаёт сеть связей, в которой каждый дом связан с центром и с другими домами. Центр поселения — это место, где собирается община, где совершаются обряды, где решаются важные вопросы. Периферия — это место, где живут те, кто стоит ближе к внешнему миру, и эта близость определяет их роль в общине.

Укрепления, которые окружают некоторые гето-дакийские поселения, — это не только военные сооружения, но и границы, которые отделяют порядок от хаоса. Стены, рвы, валы — всё это обозначает ту черту, за которой кончается зона, контролируемая человеком, и начинается зона, где действуют иные силы. Человек, который переходил через ров, покидал мир дома и вступал в мир внешний, и этот переход часто сопровождался обрядами, которые должны были обеспечить защиту от тех сил, которые обитали за пределами укреплений.

Святилище в поселении — это место, где небо встречается с землёй, и его расположение подчиняется тем же правилам, что и расположение очага в доме. Святилище может быть круглым или прямоугольным, и его ориентация по сторонам света определяет, как община смотрит на мир. Если святилище ориентировано на восток, то община смотрит на восход, на начало дня, на начало жизни; если на юг, то на полдень, на полноту света, на полноту жизни. Ориентация святилища задаёт ту систему координат, в которой живёт община, и человек, который входит в святилище, оказывается в точке, где все направления сходятся воедино.

Дороги, которые соединяют поселения, — это не только пути сообщения, но и линии, по которым распространяется порядок. Дорога, которая ведёт из одного поселения в другое, проходит через поля, леса, реки, и каждый из этих переходов требует особого отношения. Человек, который отправляется в путь, покидает свой дом и вступает в пространство, где действуют иные силы, и потому путешествие часто сопровождается обрядами, которые должны обеспечить защиту. Дорога в гето-дакийском мире — это не просто маршрут; это линия, которая связывает разные точки мира и делает их частью единой системы.

Границы полей и угодий — это тоже космологическая категория. Поле, которое обрабатывается, — это пространство, где человек трудится и где он подчиняет землю своей воле. Лес, который не обрабатывается, — это пространство, где человек не хозяин, где действуют иные силы. Граница между полем и лесом — это граница между порядком и хаосом, и её часто обо-

значали камнями, столбами или деревьями, которые несли на себе сакральный смысл. Человек, который переходил эту границу, вступал в зону, где нужно было соблюдать особые правила, и нарушение этих правил могло привести к беде.

Вода в гето-дакийском доме и поселении играет роль, которую нельзя игнорировать. Колодцы, источники, реки — всё это места, где человек встречается с силой, которая не подчиняется ему. Вода в колодце — это вода, которая приходит из подземного мира, и потому колодец является окном в иное пространство. Вода в реке — это вода, которая течёт из иных мест, и потому река является связью между разными частями мира. Человек, который берёт воду из колодца или из реки, вступает в контакт с теми силами, которые стоят за водой, и потому этот контакт часто сопровождается обрядами.

Домашняя утварь — это ещё один слой, в котором закодирована космология. Глиняные сосуды, которыми пользовались гето-даки, часто украшены орнаментом, который имеет не только декоративное, но и символическое значение. Круги, спирали, волны, зигзаги — все эти элементы являются знаками, которые обозначают определённые силы и явления. Сосуд с таким орнаментом — это не просто посуда; это предмет, который несёт на себе знаки космоса, и человек, который пользуется им, находится в контакте с теми силами, которые эти знаки обозначают.

Одежда и украшения — это тоже часть космологической системы. Фибулы, которые носили гето-даки, были не просто застёжками; они были амулетами, которые защищали человека от злых сил. Браслеты, шейные гривны, перстни — всё это предметы, которые несли на себе знаки принадлежности к определённому роду, к определённому статусу, к определённой системе верований. Человек, который носил такие предметы, был вписан в космологическую систему, и его место в мире определялось теми знаками, которые он носил на себе.

Семья в гето-дакийском доме — это не просто группа родственников, а ячейка, в которой космология передаётся из поколения в поколение. Старшие в семье хранят знания об обрядах, о календаре, о богах, и они передают эти знания младшим. Ребёнок, который растёт в таком доме, с раннего детства впитывает представления о мире, которые не требуют объяснений, потому что они встроены в повседневную жизнь. Он видит, как мать поддерживает огонь в очаге, как отец уходит на поле, как старшие совершают обряды, и всё это становится частью его собственного опыта, который он позже передаст своим детям.

Гостеприимство в гето-дакийском доме — это не просто обычай, а обряд, который связывает человека с внешним миром. Гость, который входит в дом, вступает в пространство, где действуют особые правила, и хозяин, который принимает гостя, берёт на себя ответственность за его безопасность. Гость и хозяин обмениваются дарами, и этот обмен создаёт связь, которая сохраняется на всю жизнь. Гостеприимство в таком обществе — это не просто вежливость; это способ поддерживать порядок в мире, где внешние силы могут быть враждебными, и где союз между людьми является условием выживания.

Похороны в гето-дакийском доме — это событие, которое затрагивает всю общину. Умерший не просто исчезает; он переходит в иное состояние, и его переход требует обрядов, которые должны обеспечить ему благополучный путь. Тело умершего готовят к погребению, совершают жертвоприношения, произносят слова, которые должны помочь ему в пути. Дом, в котором произошла смерть, становится местом, где граница между миром живых и миром мёртвых становится особенно тонкой, и потому в этом доме соблюдаются особые правила, которые должны защитить живых от влияния мёртвых.

Праздники в гето-дакийском доме и поселении — это события, которые связывают землю и небо. Календарные праздники, которые отмечаются в определённые дни года, — это не просто развлечения; это обряды, которые поддерживают порядок в мире. Весенние праздники, которые отмечают пробуждение природы, летние, которые отмечают полноту жизни, осенние,

которые отмечают сбор урожая, зимние, которые отмечают смерть и возрождение, — все они являются частью той системы, в которой человек живёт в согласии с космосом.

Дом в гето-дакийском мире — это не просто здание, а модель мира, в которой каждый элемент имеет своё значение. Очаг — центр, крыша — небо, пол — земля, стены — граница между порядком и хаосом. Человек, который живёт в таком доме, каждый день сталкивается с этой моделью и усваивает её без специального обучения. Дом передаёт космологию не через слова, а через опыт, и этот опыт оказывается более прочным, чем любое учение.

Селение в гето-дакийском мире — это сеть домов, связанных между собой дорогами, обрядами, родственными узами. Эта сеть образует пространство, в котором человек чувствует себя дома, и границы этого пространства определяются не столько географией, сколько культурой. Человек, который выходит за пределы этой сети, вступает в мир, где действуют иные правила, и потому путешествие в таком обществе — это всегда переход из одного мира в другой.

Мир в гето-дакийском понимании — это не просто совокупность мест, а система, в которой каждое место имеет своё значение и свою функцию. Дом, двор, поселение, поле, лес, река, гора — все эти элементы связаны между собой, и человек, который живёт в этом мире, знает своё место в этой системе. Космология гето-даков была не отвлечённой теорией, а практическим знанием, которое воплощалось в повседневной жизни. Дом был её первой школой, и то, что человек узнавал в доме, он проносил через всю жизнь.

Полуземлянка, которая кажется нам примитивным жилищем, на самом деле была сложным сооружением, в котором каждая деталь имела значение. Котлован, столбы, крыша, очаг, отверстие для дыма — всё это были элементы системы, которая связывала человека с космосом. Человек, который жил в такой полуземлянке, не чувствовал себя отделённым от мира; он чувствовал себя частью мира, и эта часть имела своё место в целом. Дом был не просто укрытием от непогоды; он был способом быть в мире, способом понимать мир и способом жить в согласии с ним.

Двор с его постройками, ямами для зерна, загонами для скота был продолжением дома и продолжением космологии. Хозяйственная деятельность была не просто способом выживания; она была способом поддерживать порядок, который был установлен при создании мира. Зерно, которое клали в яму, скот, который выгоняли на пастбище, вода, которую брали из колодца, — всё это были действия, которые связывали человека с силами, управляющими миром, и потому они сопровождались обрядами, которые должны были обеспечить благополучие.

Поселение с его планировкой, укреплениями, святилищем было следующей ступенью той же системы. Община, которая жила в поселении, была не просто совокупностью семей; она была организмом, который имел своё место в мире и свои отношения с богами. Святилище было местом, где община встречалась с небом, укрепления — границей, которая отделяла порядок от хаоса, дороги — связями, которые соединяли поселение с другими частями мира. Всё это вместе составляло ту систему координат, в которой человек жил и действовал.

Космология гето-даков была встроена в повседневность, и потому она не нуждалась в записи. Человек, который жил в доме с очагом в центре, который обрабатывал поле, который ходил на охоту в лес, который участвовал в обрядах, каждый день подтверждал ту картину мира, которая была создана его предками. Эта картина мира передавалась через опыт, через повторение, через жизнь, и потому она была устойчива к любым потрясениям. Дом был её первой школой, и то, что человек узнавал в доме, он проносил через всю жизнь.

Гето-дакийский дом исчез, но его модель осталась в народной архитектуре Румынии, в планировке крестьянских усадеб, в устройстве очага, в расположении построек во дворе. Румынский крестьянин, который строит дом по старинке, повторяет ту модель, которая была создана в глубокой древности, и хотя он не знает о её космологическом значении, он воспроизводит её с точностью, которая говорит о том, что эта модель укоренена в культуре глубже, чем любые письменные тексты. Дом, двор, селение, мир — это не просто уровни организации

пространства; это ступени той лестницы, по которой человек поднимается от повседневности к космосу, и каждая ступень имеет своё значение, свою функцию и свою красоту.

Глава 10. Немые свидетели: что рассказывают курганы и святилища до первого слова

Курган на равнине виден издалека. Он поднимается над полем как холм, поросший травой, и его форма — правильный полусферический купол — не оставляет сомнений в том, что он создан руками человека. Таких курганов на землях гето-даков сотни, может быть, тысячи, и каждый из них — это не просто могила, а сообщение, которое было отправлено в будущее и которое до сих пор не прочитано до конца. Археолог, который раскапывает курган, имеет дело с текстом, написанным землёй, камнем и костями, и этот текст старше любых письменных свидетельств. Он говорит о том, как люди представляли себе смерть, как они относились к своим умершим, как они связывали себя с небом и с подземным миром. Читать этот текст трудно, потому что он не имеет букв, но возможно, потому что его элементы — форма, размер, расположение, содержимое — подчиняются определённым правилам, которые повторяются от кургана к кургану.

Начнём с формы. Гето-дакийские курганы чаще всего имеют полусферическую или коническую форму, и эта форма не случайна. Полусфера — это модель неба, которое накрывает землю; конус — это модель горы, которая соединяет землю с небом. Курган, насыпанный над могилой, воспроизводит ту ось, которая в космологии гето-даков соединяет верх и низ. Умерший, положенный в могилу под курганом, оказывается в точке, где встречаются земля и небо, и его положение в этой точке определяет его судьбу в ином мире. Курган — это не просто памятник; это машина, которая обеспечивает переход, и его форма — часть этой машины.

Размер кургана тоже имеет значение. Некоторые курганы невелики, их высота не превышает метра, и они насыпаны над обычными общинниками. Другие достигают высоты в несколько метров и содержат богатые погребения, которые принадлежат вождям или жрецам. Разница в размере отражает разницу в статусе, но не только. Большой курган — это больше земли, поднятой к небу, и потому он обеспечивает более мощную связь между умершим и небесными силами. Вождь, который при жизни был посредником между людьми и богами, после смерти нуждается в более мощной машине перехода, и его курган должен быть больше, чем курган обычного человека. Размер кургана — это не только знак статуса; это показатель той силы, которая необходима для перехода.

Расположение курганов в пространстве — следующий уровень чтения. Курганы часто располагаются группами, и эти группы образуют структуры, которые можно интерпретировать как модели мира. Некоторые группы вытянуты в линию, которая ориентирована по оси восток — запад, и эта ориентация связывает курганы с движением Солнца. Другие группы образуют круги или дуги, и эти формы повторяют те круги, которые мы видим в святилищах. Курган, который стоит в центре группы, часто бывает больше остальных, и это указывает на то, что он является главным, что вокруг него организуется пространство. Такая организация курганов отражает ту же логику, которая действует в планировке поселений: центр и периферия, главное и подчинённое, ось и окружение.

Ориентация могил внутри курганов — ещё один ключ. Гето-дакийские погребения часто ориентированы по сторонам света, и эта ориентация не случайна. Погребение, ориентированное головой на восток, связывает умершего с восходом, с началом дня, с началом жизни. Погребение, ориентированное головой на запад, связывает его с закатом, с концом дня, с концом жизни. Выбор ориентации зависит от того, какой аспект перехода считается более важным в данном случае, и этот выбор отражает представления общины о том, куда уходит умерший и что его там ждёт. Ориентация могилы — это не просто техническая деталь; это указание на то, как понимается смерть.

Погребальный обряд — следующий уровень. Гето-даки практиковали как трупоположение, так и сожжение, и сосуществование этих двух обрядов говорит о многом. Трупоположение сохраняет тело в земле, и это означает, что умерший остаётся связан с землёй, с тем миром, из которого он пришёл. Сожжение уничтожает тело и освобождает душу, и это означает, что умерший переходит в иное состояние, где тело больше не нужно. Оба обряда имеют одну цель — обеспечить переход, но пути к этой цели разные. Выбор между ними зависит от эпохи, от региона, от статуса умершего, и каждый выбор несёт информацию о том, как люди представляли себе смерть в данный момент и в данном месте.

Инвентарь погребения — это язык, на котором говорят вещи. В гето-дакийских могилах находят керамику, оружие, украшения, орудия труда, кости животных. Каждый из этих предметов имеет своё значение. Керамика — это сосуды для пищи и питья, и их присутствие в могиле означает, что умерший будет нуждаться в пище и питье в ином мире. Оружие — это мечи, копья, щиты, и их присутствие означает, что умерший остаётся воином даже после смерти. Украшения — это фибулы, браслеты, гривны, и их присутствие означает, что умерший сохраняет свой статус в ином мире. Кости животных — это остатки жертвоприношений, и их присутствие означает, что умерший получает пищу от живых. Все эти предметы вместе создают картину того мира, в который уходит умерший, и эта картина соответствует тем представлениям, которые мы знаем по письменным источникам: смерть есть переход, и в этом переходе умерший сохраняет то, что имел при жизни.

Особое место в погребальном инвентаре занимают предметы, связанные с небом. В некоторых гето-дакийских могилах находят диски, которые могли служить моделями Солнца или Луны; находят фигурки, которые могли изображать богов; находят предметы с солярными и лунарными знаками. Эти предметы указывают на то, что умерший связан с небесными силами, и что его переход находится под покровительством этих сил. Диск, положенный в могилу, — это не просто украшение; это знак того, что умерший принадлежит к тем, кто связан с Солнцем, и что его путь в ином мире будет путём света.

Курганы с оружием — особая категория. Воин, похороненный с мечом и копьём, сохраняет свою роль и после смерти, и эта роль связана с той силой, которая управляет миром. В гето-дакийской космологии война была не просто способом решения конфликтов; она была способом поддержания порядка, и воин, который погибал в бою, переходил в иное состояние, где продолжал служить тем же силам. Оружие в могиле — это не только знак статуса; это инструмент, который нужен умершему для продолжения его пути.

Курганы с сокровищами — ещё одна категория, и она наиболее загадочна. В некоторых гето-дакийских курганах находят золотые и серебряные предметы, которые не имеют аналогов в других местах. Эти предметы часто украшены сложными орнаментами, которые включают солярные и лунарные мотивы, изображения животных и растений. Сокровища в кургане — это не просто богатство; это дары, которые община приносит умершему, чтобы обеспечить его переход. Эти дары имеют космологическое значение: они связывают умершего с теми силами, которые управляют миром, и обеспечивают ему защиту в ином мире.

Святилища — второй тип немых свидетелей, и они говорят о небе больше, чем курганы. Гето-дакийские святилища, которые мы уже рассматривали в связи с Сармизегетузой, имеют свои аналоги в других местах, и эти аналоги позволяют увидеть общую систему. Круглые святилища с блоками, расставленными по дуге, встречаются не только в столице; они найдены в Костети, в Блидару, в Пиатра-Рошие, и это означает, что календарная система, разработанная в одном месте, распространялась на всю территорию. Прямоугольные святилища с ориентацией по сторонам света тоже встречаются в разных местах, и их единообразие говорит о том, что строители следовали общим правилам.

Святилища, которые стоят на вершинах холмов, имеют особое значение. Вершина — это место, где земля ближе всего к небу, и святилище, построенное на вершине, находится в точке,

где связь между миром людей и миром богов наиболее сильна. Круглое святилище на вершине — это модель неба, которое накрывает землю, и человек, который входит в него, оказывается в центре этой модели. Прямоугольное святилище на вершине — это модель земли, которая ориентирована по сторонам света, и человек, который входит в него, оказывается в точке, где все направления сходятся. Святилища на вершинах — это не просто места для обрядов; это инструменты, которые позволяют людям вступать в контакт с небесными силами.

Святилища в долинах и у рек имеют другое значение. Вода в гето-дакийской космологии связана с подземным миром, и святилище, построенное у воды, находится в точке, где связь между миром людей и подземным миром наиболее сильна. Обряды, которые совершались в таких святилищах, были связаны с водой, с плодородием, с силами, которые управляют жизнью и смертью. Святилище у реки — это не просто место для обрядов; это окно в иной мир, через которое можно видеть то, что скрыто от обычного взгляда.

Пещеры — третий тип немых свидетелей, и они наиболее загадочны. Гето-даки, как и многие другие народы, связывали пещеры с подземным миром, и пещеры, которые использовались для обрядов, часто содержат следы ритуальной деятельности. В некоторых пещерах находят остатки жертвоприношений, керамику, предметы, которые были оставлены в дар богам. Пещера — это естественное святилище, которое не требует строительства, и потому она особенно близка к тому представлению о мире, в котором подземный мир является частью космоса. Человек, который входит в пещеру, вступает в контакт с теми силами, которые обитают под землёй, и этот контакт требует особого отношения.

Пещеры, связанные с культом Замолксиса, имеют особое значение. Замолксис, который ушёл в подземелье и вернулся, связан с пещерами, и пещеры, которые использовались для обрядов, могли быть местами, где люди вступали в контакт с этим богом. В пещере человек оказывается в темноте, которая символизирует смерть, и выход из пещеры символизирует возрождение. Обряд, который совершался в пещере, был повторением пути Замолксиса, и человек, который проходил через него, получал опыт смерти и возрождения, который подтверждал его веру в бессмертие.

Мегалитические сооружения — четвёртый тип немых свидетелей. На землях гето-даков встречаются каменные круги, менгиры, дольмены, и эти сооружения связаны с космологическими представлениями. Каменный круг — это модель неба, и его ориентация по сторонам света связывает его с движением светил. Менгир — это вертикальный камень, который обозначает ось мира, и его положение в пространстве определяет центр, вокруг которого организуется территория. Дольмен — это каменная камера, которая служит могилой или святилищем, и его конструкция отражает представление о переходе между мирами. Все эти сооружения вместе образуют сеть, которая покрывает территорию и связывает её с небом.

Наскальные изображения — пятый тип немых свидетелей. На скалах в Карпатах и в других местах встречаются изображения, которые могли быть созданы гето-даками. Эти изображения включают солярные знаки, фигуры людей и животных, сцены, которые можно интерпретировать как обряды. Наскальные изображения — это текст, который написан на камне и который сохранился до наших дней. Читать этот текст трудно, потому что он не имеет букв, но возможно, потому что его элементы — форма, положение, сочетание — подчиняются определённым правилам.

Керамика — шестой тип немых свидетелей, и она наиболее многочисленна. Гето-дакийская керамика украшена орнаментами, которые включают круги, спирали, волны, зигзаги, треугольники. Эти орнаменты не случайны; они являются знаками, которые обозначают определённые силы и явления. Круг — это Солнце или Луна; спираль — это движение светил или путь души; волна — это вода; зигзаг — это молния. Керамика с такими орнаментами — это не просто посуда; это предмет, который несёт на себе знаки космоса, и человек, который пользуется им, находится в контакте с теми силами, которые эти знаки обозначают.

Металлические изделия — седьмой тип немых свидетелей. Гето-дакийские фибулы, браслеты, гривны, мечи, щиты украшены орнаментами, которые включают те же знаки, что и керамика. Солярные и лунарные символы на металле имеют особую силу, потому что металл сам по себе является материалом, который связан с небесными силами. Кузнец, который выковывал меч, знал, что этот меч будет использоваться не только для войны, но и для обряда, и потому он украшал его знаками, которые должны были обеспечить защиту и силу.

Монеты — восьмой тип немых свидетелей, и они наиболее информативны. Гето-дакийские монеты, которые чеканились в разных местах и в разное время, несут на себе изображения, которые связаны с космологией. На некоторых монетах изображено Солнце в виде колеса или диска; на других — Луна в виде серпа; на третьих — фигуры всадников, которые могут изображать богов или царей. Монета — это не просто средство обмена; это предмет, который несёт на себе знаки власти и веры, и изображения на монетах позволяют увидеть, какие символы считались важными теми, кто их чеканил.

Все эти немые свидетели вместе образуют систему, которая позволяет реконструировать космологию гето-даков даже в отсутствие письменных текстов. Курганы говорят о смерти и переходе; святилища говорят о небе и времени; пещеры говорят о подземном мире; мегалиты говорят об оси мира; наскальные изображения, керамика, металл и монеты говорят о знаках, которые обозначают силы. Всё это вместе создаёт картину мира, в которой земля, небо и подземный мир связаны через вертикаль, в которой время движется кругами, в которой смерть есть переход, а жизнь есть путь.

Проблема немых свидетелей состоит в том, что они не говорят словами. Они не объясняют, что означают их знаки, и потому интерпретация всегда остаётся гипотезой. Но эта гипотеза может быть проверена через сопоставление с письменными источниками, через сравнение с другими культурами, через логику самой системы. Когда курган, святилище и пещера указывают на одно и то же, когда керамика, металл и монета несут одни и те же знаки, когда расположение могил и ориентация святилищ подчиняются одним и тем же правилам, — тогда гипотеза становится убедительной, и картина мира, которую она описывает, приобретает плоть.

Немые свидетели говорят не только о космологии, но и о людях, которые её создали. Курган, насыпанный над могилой, говорит о том, что люди заботились о своих умерших и верили, что смерть не есть конец. Святилище, построенное на вершине, говорит о том, что люди умели наблюдать за небом и делать выводы. Пещера, в которой совершались обряды, говорит о том, что люди не боялись тьмы и умели находить в ней свет. Керамика, украшенная орнаментами, говорит о том, что люди видели в повседневных вещах знаки космоса. Всё это вместе говорит о народе, который жил в согласии с миром и умел читать его знаки.

Немые свидетели не исчезли. Они стоят на полях и в лесах, они лежат в земле и в музеях, они ждут тех, кто умеет их читать. Каждый курган, каждое святилище, каждая пещера — это страница книги, которая была написана до того, как появились буквы, и эта книга продолжает говорить с теми, кто готов слушать. Гето-дакийская космология не была записана, но она была встроена в землю, в камень, в вещи, и потому она пережила своих создателей. Немые свидетели говорят, и их голос слышен тем, кто умеет смотреть и думать.

Глава 11. Замолксис: бог, который ушел в землю и вернулся через четыре года

Имя Замолксиса звучит в источниках как заклинание, которое произносят с осторожностью, потому что за ним стоит нечто такое, что не укладывается в привычные рамки. Геродот называет его божеством гетов, но тут же оговаривается, что некоторые считают его человеком, жившим задолго до Пифагора. Страбон упоминает его в связи с верой в бессмертие, но не пытается объяснить, кто он такой. Иордан пересказывает легенду о нём как о законодателе и учителе, но делает это так, будто сам не уверен, где кончается история и начинается миф. Ни один античный автор не даёт полного описания Замолксиса, и эта неполнота не случайна: она отражает природу самого божества, которое существует на границе между известным и неизвестным, между человеческим и божественным, между жизнью и смертью.

Первое, что нужно понять о Замолксисе, — это его двойственность. Он одновременно бог и человек, учитель и ученик, тот, кто ушёл, и тот, кто вернулся. Геродот передаёт две версии его истории, и эти версии не противоречат друг другу, а составляют единое целое. Согласно первой, Замолксис был рабом Пифагора на Самосе, который, освободившись, вернулся на родину и стал учить своих соотечественников бессмертию. Согласно второй, он был местным божеством, которое геты почитали испокон веку. Геродот склоняется ко второй версии, замечая, что Замолксис жил намного раньше Пифагора, и это замечание важно: оно означает, что гето-дакийский бог не был изобретён под греческим влиянием, а существовал до него. Греки, которые рассказывали Геродоту о Замолксисе-рабе, пытались объяснить чужое через своё, но сам Геродот чувствовал, что это объяснение неполно.

История о том, как Замолксис ушёл в подземелье и вернулся через четыре года, — ключ к пониманию его природы. Замолксис, согласно этой истории, устроил пир для самых именитых граждан и учил их, что ни он сам, ни его сотрапезники, ни их потомки не умрут, а отправятся в место, где будут жить вечно. Пока он это говорил, он тайком выкопал себе подземное жилище и, когда оно было готово, исчез из среды фракийцев. Три года он провёл в этом подземелье, а фракийцы тем временем оплакивали его как мёртвого. На четвёртый год он вышел на свет, и это возвращение убедило их в истинности его слов. Греки, которые пересказывали эту историю, видели в ней хитрость ловкого человека, который использовал подземелье для того, чтобы внушить доверие. Но под этой рационализацией скрывается иная структура, которая гораздо старше любого эвгемеризма. Три года в подземелье и возвращение на четвёртый — это формула, которая повторяется в мифах о умирающих и воскресающих божествах, в обрядах инициации и в календарных циклах. Замолксис не просто обманщик, который использовал подземелье для того, чтобы внушить доверие; он фигура, которая проходит через смерть и возвращается, и его возвращение есть модель того, что обещано каждому гету.

Подземелье Замолксиса — это не просто яма, выкопанная в земле. Это место, где происходит встреча с теми силами, которые управляют жизнью и смертью. В гето-дакийской космологии подземный мир не был местом наказания или мрака; он был местом знания, местом, где умерший получает то, чего не мог получить при жизни. Замолксис, который ушёл в подземелье и вернулся, принёс оттуда знание, которое стало основой его учения. Это знание было не отвлечённой теорией, а практическим руководством к тому, как жить и как умирать. Человек, который знал, что смерть не есть конец, вёл себя иначе, чем тот, кто этого не знал; он мог идти в бой без страха, потому что смерть не была для него концом, и он мог участвовать в ритуальной трапезе без тревоги, потому что пища, разделённая с общиной, была причастием к вечности.

Четыре года — это не просто произвольный отрезок времени. Это период, за который солнечный и лунный счёт приводятся в относительное согласие, и потому он естественно ста-

новится единицей ритуального времени. Замолксис, который ушёл на три года и вернулся на четвёртый, проходит через полный цикл, который завершается возвращением. Этот цикл повторяется в обряде посланничества, о котором пишет Геродот: раз в четыре года геты выбирали посланника и отправляли его к Замолксису. Посланник, который уходил к богу, повторял путь самого Замолксиса, и община, которая отправляла его, повторяла акт веры, который когда-то был подтверждён возвращением. Четырёхлетний цикл связывает землю и небо, жизнь и смерть, человека и бога; это ритм, в котором движется мир, и Замолксис — тот, кто этот ритм установил.

Второе имя Замолксиса — Гебелейзис — указывает на другой аспект его природы. Если Замолксис связан с подземным миром и бессмертием, то Гебелейзис связан с небом, громом и молнией. Геродот сообщает, что некоторые геты называют Замолксиса Гебелейзисом, и это означает, что речь идёт об одном божестве, которое имеет два аспекта. Замолксис — это тот, кто ушёл в землю и вернулся; Гебелейзис — это тот, кто посылает гром и молнию. Вместе они образуют единое целое: бог, который управляет и подземным, и небесным миром, и который связывает эти два мира через свою собственную судьбу. Геты, которые пускали стрелы в небо во время грозы и угрожали богу, говорили, что нет другого бога, кроме их собственного. Этот жест становится понятным, если вспомнить, что их бог — это и есть тот, кто посылает гром; они не отрицают его существования, они отрицают его власть над собой, потому что знают, что их бог сильнее.

Замолксис как учитель бессмертия — это фигура, которая стоит у истоков гето-дакийской космологии. Он не просто бог, которому поклоняются; он тот, кто открыл людям тайну смерти и научил их жить в соответствии с этой тайной. Его учение не было записано, но оно передавалось через обряд, через трапезу, через посланничество. Община, которая собиралась на ритуальную трапезу, воспроизводила тот пир, который Замолксис устроил для избранных, и каждый участник трапезы становился причастен к обещанию бессмертия. Человек, который отправлялся к Замолксису в качестве посланника, становился вестником, который нёс богу просьбы общины и возвращался (в лице следующего посланника) с ответом. Вся система держалась на вере в то, что Замолксис жив, что он вернулся из подземелья и что его возвращение гарантирует возвращение каждого, кто к нему придёт.

Связь Замолксиса с Пифагором, о которой сообщают греки, заслуживает отдельного внимания. Пифагор был философом, который учил о бессмертии души и о переселении душ, и греки, которые жили на Понте, не могли не заметить сходства между его учением и верой гетов. Они объяснили это сходство просто: Замолксис был рабом Пифагора, который перенял его учение и принёс его на родину. Геродот, передавая эту версию, выражает сомнение, и его сомнение обоснованно. Пифагор жил в VI веке до новой эры, а Замолксис, если верить гетам, был намного старше. Сходство между учениями объясняется не заимствованием, а тем, что оба учения выросли из общего индоевропейского корня, который включал представления о смерти как о переходе и о душе как о сущности, которая не исчезает. Греки, которые рассказывали Геродоту о Замолксисе-рабе, пытались объяснить чужое через своё, но их объяснение было неполным, потому что оно не учитывало той глубины, которая стояла за гето-дакийским учением.

Замолксис как законодатель — ещё один аспект его фигуры. Иордан, пересказывая легенду, называет его человеком, который учил гетов бессмертию и давал им законы. Страбон сообщает, что при Буребисте жил Декеней, который был не просто жрецом, а законодателем и советником царя, и что геты в это время воздерживались от вина и от некоторых видов мяса. Декеней, чьё имя перекликается с именем Замолксиса, выступает как продолжатель дела божественного учителя: он не основывает учение, а восстанавливает его, не создаёт закон, а напоминает о нём. Замолксис, который ушёл в подземелье и вернулся, дал людям закон, и этот закон был не просто набором правил, а способом жизни, который обеспечивал бессмертие.

Декеней, который стоял рядом с Буребистой, был тем, кто этот закон применял, и его реформы были не нововведением, а возвращением к тому, что было установлено при создании мира.

Замолксис и подземный мир — тема, которая требует особого внимания. В гето-дакийской космологии подземный мир не был местом наказания; он был местом, где умерший получает то, чего не мог получить при жизни. Замолксис, который ушёл в подземелье, не умер; он перешёл в иное состояние, из которого вернулся, чтобы учить. Его подземелье — это место, где происходит встреча с теми силами, которые управляют жизнью и смертью, и человек, который входит в него, получает знание, которое недоступно живым. Обряд посланничества, о котором пишет Геродот, был способом войти в контакт с этими силами: посланник уходил в подземный мир, чтобы задать вопросы, на которые нельзя ответить на земле. Его смерть была не казнью, а переходом, и община, которая отправляла его, знала, что он не исчезнет, а присоединится к тем, кто уже ушёл к Замолксису.

Замолксис и небесный мир — другая сторона той же медали. Гебелейзис, который посылает гром и молнию, — это тот же бог, но обращённый к небу. Гром в гето-дакийском понимании был не просто погодным явлением; он был голосом бога, который говорил с людьми на языке, доступном только тем, кто умеет слушать. Молния была оружием бога, которым он поражал тех, кто нарушал закон, и потому она была одновременно и знаком силы, и знаком справедливости. Геты, которые пускали стрелы в небо во время грозы, не пытались убить бога; они отвечали на его вызов, показывая, что не боятся его оружия. Этот жест был не бунтом, а диалогом, в котором обе стороны признавали силу друг друга.

Замолксис и календарь — связь, которая раскрывается через четырёхлетний цикл. Замолксис, который ушёл на три года и вернулся на четвёртый, установил ритм, в котором движется мир. Этот ритм был не просто воспоминанием о прошлом; он был живой силой, которая поддерживала порядок. Община, которая отправляла посланника раз в четыре года, повторяла путь Замолксиса и тем самым подтверждала, что мир устроен правильно. Если бы посланник не был отправлен, цикл прервался бы, и мир мог бы рассыпаться. В таком понимании человеческая жизнь приобретает космическое значение: смерть одного человека становится условием стабильности целого, и община, которая это принимает, берёт на себя ответственность за поддержание порядка, установленного при создании мира.

Замолксис и смерть — тема, которая требует осторожности, потому что она легко превращается в общее место. Гето-даки верили, что смерть есть переход, и Замолксис был тем, кто этот переход совершил первым и вернулся, чтобы рассказать о нём. Его возвращение было не просто чудом; оно было доказательством того, что смерть не имеет окончательной власти. Человек, который верил в Замолксиса, знал, что его собственная смерть будет не концом, а началом иного существования, и это знание делало его свободным от страха. Свобода от страха была не просто психологическим состоянием; она была основой той силы, которая позволяла гетам сражаться с врагами, превосходящими их числом, и сохранять свою идентичность под давлением чужих культур.

Замолксис и община — связь, которая раскрывается через трапезу. Пир, который Замолксис устроил для избранных, был не просто угощением; это было причастие к бессмертию. Те, кто ел с ним за одним столом, получали обещание, что не умрут, и это обещание передавалось через общину, которая собиралась на ритуальные трапезы. Трапеза была способом поддержания связи между живыми и мёртвыми, между землёй и небом, между человеком и богом. Человек, который участвовал в трапезе, становился частью той общины, которая была основана Замолксисом, и его место в этой общине определялось не происхождением, а верой.

Замолксис и власть — тема, которая раскрывается через отношения с царями. Замолксис был не просто богом, которому поклонялись; он был источником той легитимности, на которой держалась власть царей. Царь, который правил от имени Замолксиса, был не просто правителем, а посредником между людьми и богом, и его власть имела космологическое обос-

нование. Буребиста, который опирался на Декенея, и Децебал, который защищал Сармизегетузу, были не просто полководцами; они были теми, кто поддерживал порядок, установленный Замолксисом. Когда этот порядок рушился, рушилась и власть царя, и его смерть была не просто поражением, а концом определённого способа существования мира.

Замолксис и другие народы — тема, которая раскрывается через сравнение. Греки, которые слышали о Замолксисе, сравнивали его с Пифагором, с Орфеем, с Абарисом, с Аристием, — все эти фигуры были связаны с представлениями о бессмертии, о путешествии в иной мир, о знании, которое недоступно обычным людям. Сходство между Замолксисом и этими фигурами не означает, что он был заимствован; оно означает, что в разных культурах существовали аналогичные представления, которые выросли из общего корня. Гето-дакийский Замолксис был не копией греческих героев, а самостоятельной фигурой, которая имела свою историю и своё значение. Греки, которые пытались объяснить его через свои категории, делали то же, что делают все люди, сталкиваясь с чужим: они переводили незнакомое на знакомый язык, и этот перевод неизбежно искажал оригинал.

Замолксис и современность — тема, которая может показаться неуместной в книге о древности, но она важна, потому что Замолксис не исчез. Его имя продолжает жить в румынской культуре, в народных обычаях, в праздниках, которые отмечаются до сих пор. Замолксис, который ушёл в подземелье и вернулся, стал моделью для тех, кто сталкивается с концом мира и находит в себе силы продолжать жить. Его учение о бессмертии было не отвлечённой философией, а практическим руководством, которое помогало людям справляться с потерями и находить смысл в жизни. Это учение не устарело; оно просто изменило форму, но его суть осталась той же: смерть не есть конец, и человек, который это знает, свободен.

Замолксис — это фигура, которая стоит на границе между историей и мифом, между человеком и богом, между жизнью и смертью. Его образ складывается из фрагментов, которые дошли до нас в передаче чужих авторов, и эти фрагменты не складываются в полную картину. Но и то, что есть, позволяет увидеть очертания того божества, которое было центром гето-дакийской космологии. Замолксис, который ушёл в землю и вернулся через четыре года, — это не просто мифологический персонаж; это модель мира, в которой смерть есть переход, время движется кругами, а человек связан с богом через обряд. Его имя, которое содержит корень, связанный с землёй, указывает на его природу: он тот, кто в земле, и тот, кто из земли возвращается. Его второе имя, Гебелейзис, указывает на его небесную сторону: он тот, кто посылает гром и молнию. Вместе эти два имени образуют целое, которое больше, чем сумма частей: бог, который управляет и подземным, и небесным миром, и который связывает эти два мира через свою собственную судьбу.

Замолксис не оставил текстов, но он оставил след, который можно прочитать в камне, в обряде, в календаре, в языке. Его учение не было записано, но оно было встроено в жизнь тех, кто в него верил. Когда римляне разрушили Сармизегетузу, они думали, что победили Замолксиса, но они ошибались. Замолксис не был привязан к стенам; он был в земле, в небе, в сердцах людей, и потому он пережил и римлян, и все последующие империи. Его имя продолжают произносить, его историю продолжают рассказывать, его учение продолжает жить в тех формах, которые доступны современному человеку. Замолксис, который ушёл в подземелье и вернулся, — это не просто древний бог; это символ того, что смерть не есть конец, и что человек, который это знает, свободен.

Глава 12. Гебелейзис: гром, молния и стрелы, летящие в небо

Гебелейзис появляется в источниках реже, чем Замолксис, и это несоответствие само по себе заслуживает внимания. Геродот упоминает его лишь однажды, вскользь, как второе имя того же божества, которому геты поклоняются под именем Замолксиса. Страбон не называет его вовсе. Иордан, пересказывая генеалогию гетских царей, не находит для него места. И всё же именно Гебелейзис стоит за тем обычаем, который греческий историк описал с плохо скрытым изумлением: когда гремит гром и сверкает молния, геты пускают в небо стрелы и угрожают богу, говоря, что нет другого бога, кроме их собственного. Этот обычай не имеет аналогов в античном мире, и он требует объяснения, которое нельзя свести к простой формуле «варварская дикость». За ним стоит определённая логика, и эта логика связана с тем, как гето-даки понимали небо, грозу и своё место в мире.

Начнём с имени. Гебелейзис — форма, которую передаёт Геродот, и она может быть греческой огласовкой фракийского слова, которое звучало иначе. Корень, который можно выделить в этом имени, родственен индоевропейским словам, обозначающим блеск, сверкание, молнию. Греческое «селас» — «блеск» — и литовское «žaibas» — «молния» — восходят к тому же древнему корню, который сохранился и во фракийском имени. Это означает, что имя Гебелейзиса было не произвольным звуком, а описанием: оно указывало на способность бога являться в блеске молнии. Человек, который произносил это имя, слышал в нём отзвук грозы, и это слышание было частью религиозного опыта. Имя не просто называло бога; оно делало его присутствие ощутимым.

Гебелейзис и Замолксис — это не два разных бога, а два аспекта одного божества. Замолксис ушёл в подземелье и вернулся; Гебелейзис посылает гром и молнию. Первый связан с землёй, с подземным миром, с бессмертием; второй связан с небом, с огнём, с силой, которая поражает. Вместе они образуют целое, которое охватывает все уровни мироздания: подземный, земной и небесный. Гето-дакийский бог не был богом одного уровня; он был богом, который пронизывает все уровни, и его двойное имя указывает на эту всепроникающую природу. Человек, который молился Замолксису, обращался к тому, кто знает тайну смерти; человек, который пускал стрелы в грозу, обращался к тому, кто посылает молнию. Это был один и тот же бог, но разные его стороны, и геты знали это, потому что их религия не разделяла мир на изолированные части.

Обычай пускать стрелы в небо во время грозы — ключ к пониманию того, как гето-даки относились к небесным силам. На первый взгляд этот жест кажется бессмысленным: что могут сделать стрелы против молнии? Но если рассматривать его не как попытку физического воздействия, а как акт коммуникации, всё становится на свои места. Стрела, пущенная в небо, — это ответ на молнию, которая летит с неба на землю. Гром — это голос бога, молния — его оружие, и геты отвечают на этот голос и на это оружие своим оружием. Это не бунт и не кощунство; это диалог, в котором обе стороны признают силу друг друга. Бог посылает молнию, чтобы напомнить о своей власти; геты пускают стрелы, чтобы напомнить, что у них есть свой бог, который не уступает. В этом жесте есть та же логика, что и в вере в бессмертие: смерть не имеет над ними окончательной власти, и небесные знаки, которые для других народов служат предвестием гибели, для гетов суть лишь повод для того, чтобы показать свою независимость.

Геродот, описывая этот обычай, добавляет, что геты говорят при этом: «Нет другого бога, кроме нашего». Эта формула звучит как вызов, и она действительно является вызовом, но не тому богу, который посылает гром, а тем силам, которые этот гром олицетворяют для других народов. Для грека молния была знаком Зевса, для фракийца — знаком Гебелейзиса, для гета

— знаком его собственного бога, который сильнее любого чужого. Геты не отрицали существования чужих богов; они отрицали их власть над собой. Их бог был тем, кто ушёл в подземелье и вернулся, и потому он знал тайну, которой не знали небесные боги. Молния была его оружием, но его сила была не в молнии, а в том, что он победил смерть. И потому, когда гремит гром, геты не падали ниц, а поднимали луки.

Стрелы, которые геты пускали в небо, были не просто стрелами. В гето-дакийском мире стрела была не только оружием, но и символом. Стрела летит по прямой, но её путь связывает землю и небо; она покидает лук, который держит человек, и устремляется ввысь, к тем силам, которые управляют миром. Стрела — это послание, которое человек отправляет богам, и это послание не нуждается в словах. Лук и стрелы были связаны с культом небесных сил у многих народов, и гето-даки не были исключением. Скифы, которые жили по соседству, тоже почитали лук и стрелы как священные предметы, и их влияние могло сказаться на гето-дакийском обряде. Но у гето-даков этот обряд приобрёл особую форму: они пускали стрелы не в честь бога, а против него, и это делало их отношения с небом более напряжёнными и более личными.

Гром в гето-дакийском понимании был не просто погодным явлением. Это был голос бога, который говорил с людьми на языке, доступном только тем, кто умеет слушать. Гром мог быть знаком войны, знаком мира, знаком урожая, знаком беды. Люди, которые жили в горах и на равнинах, слышали гром часто, и они научились различать его оттенки. Гром, который гремит весной, — это голос пробуждения; гром, который гремит летом, — это голос полноты; гром, который гремит осенью, — это голос завершения; гром, который гремит зимой, — это голос смерти и возрождения. Каждый гром имел своё значение, и каждый требовал своего ответа. Стрелы, пущенные в небо, были одним из таких ответов, но не единственным. Были и другие обряды, связанные с громом, и некоторые из них сохранились в народной культуре Румынии до наших дней.

Молния в гето-дакийском понимании была оружием бога, которым он поражал тех, кто нарушал закон. Место, куда ударила молния, считалось священным, и на этом месте часто строили святилище или хоронили умерших. Молния была не просто разрушительной силой; она была силой, которая освящает, которая отделяет обычное от сакрального. Дерево, поражённое молнией, становилось священным; камень, расколотый молнией, становился священным; человек, убитый молнией, становился священным. Всё, к чему прикасалась молния, меняло свой статус, и это изменение было необратимым. Гето-даки знали это и потому относились к молнии с благоговением, которое не исключало вызова. Они пускали стрелы в небо, но они же строили святилища на местах, куда ударила молния. Это кажущееся противоречие объясняется тем, что вызов и благоговение не исключают друг друга: человек может спорить с богом и одновременно почитать его.

Гебелейзис и календарь — связь, которая раскрывается через грозу. Грозы в Карпатах и на Дунае чаще всего бывают весной и летом, и их появление связано с определёнными сезонами. Гето-даки, которые наблюдали за небом, знали, когда ждать грозу, и их календарь, вероятно, включал дни, посвящённые Гебелейзису. Эти дни были не просто праздниками; они были временем, когда община вступала в контакт с небесными силами, и этот контакт требовал подготовки. Люди собирались, совершали обряды, пускали стрелы, и всё это вместе составляло событие, которое связывало землю и небо. Календарь Гебелейзиса был не отдельным от календаря Замолксиса; это был тот же календарь, но обращённый к другой стороне божества.

Гебелейзис и война — тема, которая требует осторожности. Гром и молния были не только погодными явлениями; они были знаками войны. Войско, которое шло в бой, ждало знамений, и гром был одним из самых сильных. Если гром гремел перед битвой, это могло быть знаком победы или знаком поражения, в зависимости от того, как его истолковывали жрецы. Гето-дакийские воины, которые пускали стрелы в небо, были не просто суеверными людьми; они были участниками обряда, который связывал их с богом войны. Этот бог был тем же Геб-

елейзисом, который посылал молнию, и потому война была не просто столкновением людей, а столкновением сил, которые стояли за ними. Победа в войне была победой бога, и поражение было его поражением, и потому воины сражались с той решимостью, которая возможна только тогда, когда человек знает, что за ним стоит сила, которая не уступает никакой другой.

Гебелейзис и смерть — связь, которая не сразу очевидна, но которая важна. Молния убивает, и потому она связана со смертью. Но смерть в гето-дакийском понимании была не концом, а переходом, и молния была одним из способов этого перехода. Человек, убитый молнией, уходил к богам быстро и неожиданно, и его смерть считалась особой. Такие люди часто становились объектом культа, и их могилы становились местами поклонения. Гебелейзис, который посылал молнию, был тем, кто забирал людей к себе, и потому его боялись и почитали одновременно. Страх перед молнией был страхом перед внезапной смертью, но вера в бессмертие превращала этот страх в нечто иное: смерть от молнии была не наказанием, а избранием.

Гебелейзис и Замолксис в их отношении друг к другу — это отношение неба и земли, огня и подземелья, мгновенного и вечного. Замолксис ушёл в подземелье и вернулся через четыре года; Гебелейзис является в молнии и исчезает в мгновение ока. Первый связан с медленным временем, с циклом, с повторением; второй связан с быстрым временем, с моментом, с внезапностью. Вместе они образуют полный круг времени: медленное время обряда и быстрое время грозы, цикл и момент, вечность и мгновение. Гето-дакийский бог был богом и того, и другого, и потому его культ включал как календарные обряды, так и экстатические действия, как трапезы, так и стрелы, летящие в небо.

Стрелы, пущенные в небо, — это не просто жест отчаяния или вызова. Это акт, который связывает человека с богом через оружие. Лук и стрелы были не только инструментами войны; они были инструментами обряда, и их использование в грозу было способом вступить в контакт с теми силами, которые управляют небом. Стрела, которая летит вверх, — это молитва, которая не нуждается в словах; это просьба, которая не требует ответа; это вызов, который не требует победы. Геты, которые пускали стрелы в небо, знали, что их стрелы не достигнут бога, но они знали и то, что бог увидит их жест и поймёт его значение. В этом жесте было больше веры, чем в любом словесном обращении, потому что он требовал действия, а не только слов.

Гебелейзис не оставил следов в виде храмов или изображений. Его культ был связан с небом, а небо не нуждается в стенах. Гето-даки не строили храмов Гебелейзису, потому что весь мир был его храмом; они не делали его изображений, потому что молния не имеет формы. Их религия была религией открытого неба, и потому она так плохо поддаётся реконструкции: у неё нет памятников, которые можно раскопать, нет надписей, которые можно прочитать. Есть только свидетельства древних авторов, которые смотрели на этот культ со стороны и не всегда понимали, что видят. И всё же эти свидетельства позволяют увидеть очертания того божества, которое было не менее важным, чем Замолксис, и которое вместе с ним составляло единое целое.

Гром и молния в гето-дакийском понимании были не просто природными явлениями, а проявлениями божественной силы, которая требовала ответа. Этот ответ мог быть разным: жертва, молитва, обряд, стрела. Но все эти ответы объединяло одно: человек не оставался пассивным перед лицом небесных сил. Он вступал с ними в диалог, и этот диалог был не всегда почтительным, но всегда серьёзным. Геты, которые пускали стрелы в грозу, были не бунтарями и не безумцами; они были людьми, которые знали, что их бог сильнее любого грома, и потому не боялись его. Эта уверенность была не высокомерием, а верой, и она делала их свободными.

Гебелейзис, чьё имя звучит как раскат грома, остаётся одним из самых загадочных божеств гето-дакийского пантеона. Его образ складывается из фрагментов, которые не всегда согласуются между собой, и его культ реконструируется с трудом. Но даже то, что известно, позволяет увидеть божество, которое было не просто богом погоды, а богом небесного огня, который освещает, поражает и освящает. Гето-даки, которые жили под этим небом, знали его

силу и умели с ней обращаться. Они пускали стрелы в небо и строили святилища на местах, куда ударила молния, и в этом сочетании вызова и благоговения была та же логика, которая определяла их отношение к смерти: не бояться, но почитать, не покоряться, но признавать. Гебелейзис был богом, который говорил на языке огня, и геты умели слушать этот язык.

Глава 13. Два лика одного неба: Замолксис и Гебелейзис в споре исследователей

В архиве одного бухарестского института хранится папка, на корешке которой выцветшими чернилами выведено: «Zalmoxis — Gebeleizis». Внутри — десятки листов, исписанных разными почерками: выписки из Геродота, выписки из Страбона, генеалогические схемы, наброски статей, чьи-то возражения на полях, снова выписки. Папка эта — не уникальный документ, а обычный рабочий материал, каких немало в любом научном учреждении, где занимаются древностью. Но она хорошо показывает, как долго и с каким упорством держится один вопрос: были ли Замолксис и Гебелейзис двумя богами или одним, и если одним, то почему у него два имени. Ответа, который устроил бы всех, нет до сих пор, и это отсутствие ответа само по себе является важным свидетельством. Оно говорит о том, что гето-дакийская религия не укладывается в те схемы, которыми привыкла оперировать европейская наука, и что всякая попытка свести её к простой формуле наталкивается на сопротивление материала.

Первым этот вопрос поставил Геродот, и поставил его так, что последующие две с половиной тысячи лет только уточняли формулировки. Греческий историк сообщает, что геты называют своего бога Замолксисом, но некоторые из них называют его Гебелейзисом. Из этой фразы можно сделать несколько выводов, и каждый из них имел своих защитников. Первый вывод: перед нами два имени одного божества, которые употреблялись в разных местах или в разных обрядах. Второй вывод: перед нами два разных божества, которых греки, склонные к отождествлениям, слили в одно. Третий вывод: перед нами одно божество, но с двумя аспектами, и второе имя указывает не на другое существо, а на другую сторону того же существа. Четвёртый вывод, самый радикальный: Геродот сам не до конца понимал, о чём говорит, и его фраза — результат путаницы в пересказе. Каждый из этих выводов имеет свои основания, и каждый из них упирается в трудность, которую нельзя обойти.

Филологи XIX века, которые первыми взялись за этот вопрос с той основательностью, которая отличала науку того времени, разделились на два лагеря. Одни, опираясь на этимологию имён, доказывали, что Замолксис и Гебелейзис — разные слова с разными корнями, и потому не могут обозначать одно и то же. Корень первого имени они связывали с землёй, с понятием «земной» или «подземный»; корень второго — с блеском, с молнией, с небесным огнём. Для этих исследователей различие корней было достаточным доказательством различия богов, и они выстраивали целые системы, в которых Замолксис был хтоническим божеством, а Гебелейзис — небесным, и между ними пролегала та же пропасть, что между Аидом и Зевсом. Другие, напротив, указывали на то, что у многих народов одно божество имеет несколько имён, и что эти имена могут отражать разные функции, не разрушая единства. Для них свидетельство Геродота было достаточным, чтобы считать Замолксиса и Гебелейзиса одним существом, а различие корней объяснялось тем, что разные стороны божества требовали разных обозначений.

Спор этот не был чисто академическим. За ним стояли разные представления о том, как вообще устроена религия. Те, кто видел в религии систему логически связанных понятий, искали в гето-дакийском пантеоне ту же стройность, которую находили в греческом или римском. Те, кто видел в религии живой опыт, который не поддаётся систематизации, готовы были принять противоречия и не требовали от древних народов той последовательности, которую требует наука. Обе позиции имели свои сильные стороны, и обе упирались в то, что материал слишком скуден, чтобы решить вопрос окончательно. Геродот дал нам одну фразу, и эта фраза может быть понята по-разному, но она не может быть понята окончательно, потому что у нас нет доступа к тому контексту, в котором она была произнесена.

Мифологическая школа, которая господствовала в науке о религии во второй половине XIX века, предложила своё решение. Для её представителей все боги были олицетворениями природных явлений, и Замолксис с Гебелейзисом не были исключением. Замолксис, по этой логике, был олицетворением земли или подземного огня, а Гебелейзис — олицетворением грозы или молнии. Различие между ними было различием между двумя стихиями, и вопрос о том, один это бог или два, решался в зависимости от того, как понимать соотношение стихий. Если земля и небо противопоставлены, то и боги противопоставлены; если они составляют единое целое, то и боги составляют единое целое. Мифологическая школа склонялась к первому варианту, потому что ей была ближе идея борьбы противоположностей, и потому Замолксис и Гебелейзис в её построениях представали как два отдельных существа, связанных отношениями соперничества или дополнительности.

Реакция на мифологическую школу, которая наступила в XX веке, изменила оптику, но не решила вопроса. Исследователи, которые отказались от поиска природных олицетворений в каждом боге, обратились к изучению религии как социального и культурного явления. Для них Замолксис и Гебелейзис были не столько стихиями, сколько фигурами, вокруг которых организовывались обряды и представления. В этом подходе вопрос о том, один это бог или два, потерял свою остроту, потому что главным стало не количество богов, а то, как люди с ними взаимодействовали. Замолксис, который ушёл в подземелье и вернулся, был центром культа бессмертия; Гебелейзис, который посылает молнию, был центром культа небесного огня. Эти культы могли сосуществовать, не сливаясь в один, и могли сливаться, не теряя различий. Ответ на вопрос зависел от того, какой аспект религии считался более важным: догматический, обрядовый или социальный.

Румынские исследователи, которые занимались этой темой на протяжении всего XX века, внесли в спор особый оттенок. Для них гето-дакийская религия была не просто предметом академического интереса, а частью национальной истории, и потому вопрос о Замолксисе и Гебелейзисе приобретал значение, которое выходило за пределы науки. Одни стремились доказать, что гето-даки имели стройную монотеистическую систему, в которой Замолксис был единым богом, а Гебелейзис — лишь его именем или его проявлением. Другие, напротив, настаивали на том, что религия гето-даков была политеистической, и что попытки свести её к одному богу искажают картину. Этот спор отражал не только научные разногласия, но и идеологические предпочтения эпохи, и потому он вёл не столько к решению вопроса, сколько к его углублению. Каждая сторона находила в источниках то, что искала, и каждая сторона могла предъявить аргументы, которые нельзя было отбросить.

Современная археология и археоастрономия добавили к спору новые данные, но не разрешили его. Исследования святилищ Сармизегетузы и других дакийских крепостей показали, что календарная система гето-даков была сложной и точной, и что она была связана с наблюдением за Солнцем и Луной. Это открытие позволило по-новому взглянуть на Гебелейзиса: если гето-даки умели предсказывать движение светил, то их бог грома и молнии мог быть связан не только с погодой, но и с небесным порядком в целом. Гром и молния в такой системе становились не случайными явлениями, а проявлениями того же порядка, который управляет движением светил. Гебелейзис, который посылает молнию, оказывался богом, который поддерживает этот порядок, и его связь с Замолксисом становилась более понятной: оба бога были стражами порядка, один — небесного, другой — подземного, и вместе они охватывали все уровни мироздания.

Сравнительный материал из других культур тоже вносит свой вклад в спор, но и он не даёт окончательного ответа. У многих индоевропейских народов существовали боги, которые совмещали небесные и подземные функции. Зевс был небесным богом, но у него были и хтонические черты; Один был богом мёртвых, но он же был и богом неба; Тор был богом грома, но его связь с землёй и с плодородием была не менее важной, чем его связь с небом. Эти параллели

показывают, что совмещение небесных и подземных функций в одном божестве не является чем-то исключительным, и потому Замолксис с Гебелейзисом могли быть одним богом с двумя аспектами, не нарушая общих закономерностей. Но параллели не доказывают тождества; они лишь показывают, что такое тождество возможно, и потому вопрос остаётся открытым.

Есть ещё один аспект проблемы, который часто остаётся в тени. Два имени одного бога могут отражать не разные его функции, а разные социальные группы, которые ему поклонялись. Замолксис, чьё имя связано с землёй, мог быть богом земледельцев и скотоводов, которые жили на равнинах и зависели от плодородия почвы. Гебелейзис, чьё имя связано с молнией, мог быть богом воинов, которые жили в горах и зависели от погоды, благоприятной для походов. Эти две группы могли поклоняться одному богу под разными именами, и различие имён отражало различие их опыта. Когда Геродот сообщает, что «некоторые называют его Гебелейзисом», он, возможно, передаёт именно это: разные группы гетов называли одного бога по-разному, и греческий историк, который не понимал социальной структуры гетского общества, воспринял это как указание на двух богов или на два имени одного бога, не уточняя, что за этими именами стоят разные люди.

Эта гипотеза имеет то преимущество, что она объясняет и единство, и различие. Бог был один, но его почитатели были разными, и потому его имя варьировалось в зависимости от того, кто его произносил. Замолксис, который ушёл в подземелье и вернулся, был ближе тем, кто занимался земледелием и ждал возвращения растительной силы весной. Гебелейзис, который посылает молнию, был ближе тем, кто ходил в походы и ждал знамений перед битвой. Оба культа могли сосуществовать, не сливаясь в один, и оба могли признавать друг друга, потому что за различием имён стояло единство божества. Геродот, который смотрел на гетов со стороны, видел это единство и это различие одновременно, и его фраза отражает ту неопределённость, которая возникает, когда внешний наблюдатель пытается описать чужую религию, не имея доступа к её внутренней логике.

Спор о Замолксисе и Гебелейзисе имеет ещё одно измерение, которое редко обсуждается открыто. Он связан с тем, как мы вообще понимаем древние религии. Если исходить из того, что религия есть система верований, то вопрос о количестве богов имеет смысл, и на него можно искать ответ. Если исходить из того, что религия есть система обрядов и практик, то вопрос о количестве богов теряет смысл, потому что обряд может быть эффективным независимо от того, скольким богам он адресован. Гето-дакийская религия, насколько можно судить, была ближе ко второму типу: она была не столько системой верований, сколько системой действий, и потому вопрос о том, один бог или два, для её носителей мог быть неважен. Важно было то, что обряд совершается правильно и что сила, к которой обращаются, отвечает. Имя было лишь средством обращения, и разные имена могли служить одному и тому же богу, не создавая проблемы.

Эта мысль позволяет выйти за пределы спора, не разрешая его. Замолксис и Гебелейзис могли быть одним богом и могли быть двумя, и оба ответа могут быть верными в зависимости от того, что понимать под богом. Если бог — это сущность, которая существует независимо от людей, то вопрос имеет смысл. Если бог — это имя, которое люди дают силе, с которой они взаимодействуют, то вопрос о количестве теряет смысл, потому что одна сила может получать разные имена в разных обстоятельствах. Гето-даки, которые пускали стрелы в грозу и которые отправляли посланника к Замолксису, взаимодействовали с силами, которые они называли разными именами, и эти силы могли быть проявлениями одной или разных сущностей, но для людей, которые с ними взаимодействовали, важна была не сущность, а действие.

Современная наука, которая отказалась от претензии на окончательное решение таких вопросов, предпочитает говорить о «двух аспектах» или о «двух именах», не утверждая ни тождества, ни различия. Эта осторожность может показаться уклонением, но она отражает реальную сложность материала. У нас есть свидетельство Геродота, которое можно понять по-

разному, и у нас нет других свидетельств, которые позволили бы выбрать между этими пониманиями. В такой ситуации честнее признать неопределённость, чем навязывать материалу ту или иную схему. Гето-дакийская религия была живой, и живая религия не обязана быть логически стройной. Она может содержать противоречия, которые не ощущаются как противоречия теми, кто в ней живёт, и эти противоречия не являются недостатком, а являются частью её природы.

Спор о Замолксисе и Гебелейзисе имеет и более широкий контекст. Он связан с вопросом о том, как древние народы представляли себе божественное. Для греков боги были антропоморфными существами с чёткими характерами и функциями; для фракийцев, насколько можно судить, боги были менее определёнными, более текучими, более связанными с силами, чем с лицами. Гето-дакийский бог мог быть одновременно и тем, кто ушёл в подземелье, и тем, кто посылает молнию, потому что подземелье и небо не были для гето-даков разными мирами, а были разными сторонами одного мира. Если мир един, то и бог, который им управляет, может быть един, несмотря на разные имена. Эта логика была чужда грекам, которые разделяли мир на области, управляемые разными богами, и потому Геродот, передавая гето-дакийское двойное имя, не мог не ощущать неловкости. Его неловкость дошла до нас в виде той фразы, которая до сих пор вызывает споры.

Спор этот, вероятно, не будет решён никогда, и это не поражение науки, а признание сложности предмета. Гето-дакийская космология не оставила текстов, которые позволили бы расставить всё по местам, и потому мы вынуждены работать с фрагментами, которые не складываются в целое. Но и то, что есть, позволяет увидеть очертания той системы, в которой Замолксис и Гебелейзис занимали центральное место. Был ли это один бог или два, в конечном счёте менее важно, чем то, что оба они были связаны с небом и с землёй, с жизнью и смертью, с порядком и хаосом. Их двойственность отражает двойственность мира, в котором жили гето-даки, и эта двойственность была не проблемой, а основой их космологии.

В папке с надписью «Zalmoxis — Gebeleizis» есть лист, на котором чьей-то рукой написано: «Может быть, это не два бога и не один бог, а два способа говорить об одном». Эта фраза, написанная карандашом на полях, возможно, ближе к истине, чем многие страницы, исписанные чернилами. Гето-даки говорили о своём боге разными словами в разных обстоятельствах, и эти слова дошли до нас как имена. Мы, которые смотрим на них из другой эпохи, пытаемся свести их к системе, но система может оказаться беднее, чем живой опыт, который за ней стоит. Замолксис и Гебелейзис — это не столько два бога или один бог, сколько два способа говорить о том, что не имеет имени, но имеет силу. И если это так, то спор исследователей — не спор о фактах, а спор о словах, и в этом споре правы все, кто признаёт, что слова не исчерпывают того, о чём они говорят.

Глава 14. Богиня очага: Гестия у гетов и негасимый огонь дома

Огонь в гето-дакийском доме не был просто огнём. Он был живым существом, которое требовало пищи, заботы и уважения, и женщина, которая поддерживала его, выполняла работу, которая по значению не уступала работе жреца. Греки, которые наблюдали за жизнью фракийцев, не могли не заметить этой особенности, и потому в их описаниях местных обычаев так часто мелькает слово «Гестия» — имя богини домашнего очага, которое они давали той силе, которую видели в чужом доме. Гестия у греков была скромной богиней, которой редко строили храмы и которой почти не делали изображений; её место было в центре дома, у очага, и её присутствие ощущалось не в статуях, а в огне. Гето-даки, вероятно, не называли свою богиню очага Гестией, но функция, которую она выполняла, была той же: она была хранительницей огня, который связывал дом с небом и с подземным миром, и её культ был встроен в повседневную жизнь так глубоко, что не нуждался ни в храмах, ни в жрецах.

Первое, что нужно понять об огне в гето-дакийском доме, — это его происхождение. Огонь не зажигали от случайного источника; его получали от огня, который горел в святилище или в доме старейшины, и эта передача была обрядом, который связывал новый дом с тем центром, от которого он отделялся. Молодая семья, которая строила новый дом, получала огонь от огня своих родителей, и этот огонь нёс в себе память о предках, о богах, о том порядке, который был установлен при создании мира. Огонь, который горел в очаге, был не просто пламенем; он был частью той цепи, которая соединяла поколения, и разрыв этой цепи был равносилен разрыву с прошлым. Вот почему огонь в очаге поддерживался постоянно: погасить его означало разорвать связь с теми, кто ушёл, и с теми, кто ещё не родился.

Гестия, которую греки отождествляли с фракийской богиней очага, была богиней, которая не участвовала в войнах и не вмешивалась в дела мира. Она была неподвижна, но эта неподвижность была не слабостью, а силой. Огонь в очаге не двигался с места, но от него зажигались все другие огни; богиня не покидала дома, но её присутствие ощущалось везде, где горел огонь. Гето-дакийская богиня очага, вероятно, обладала той же чертой: она была центром, вокруг которого вращалась жизнь дома, и её сила была не в действии, а в постоянстве. Женщина, которая поддерживала огонь, была её жрицей, и её работа была не работой, а служением, которое требовало внимания, терпения и уважения к тому, что нельзя было видеть, но можно было чувствовать.

Очаг в гето-дакийском доме был не просто местом для приготовления пищи. Это был алтарь, на котором совершались жертвоприношения, и эти жертвоприношения были не только материальными, но и символическими. Кусок хлеба, брошенный в огонь, был даром богам; капля вина, вылитая в пламя, была возлиянием, которое связывало людей с теми силами, которые управляли жизнью. Огонь принимал эти дары и превращал их в дым, который поднимался к небу, и этот дым был посланием, которое человек отправлял богам. Дым от очага был не просто дымом; он был той нитью, которая связывала дом с небом, и человек, который смотрел на дым, поднимающийся к отверстию в крыше, видел не просто дым, а путь, по которому его молитвы уходят к тем, кто их слышит.

Отверстие в крыше, через которое уходил дым, было не просто вентиляцией. Это было окно в иной мир, и его расположение было не случайным. В некоторых гето-дакийских жилищах отверстие располагалось над очагом, и это расположение создавало вертикаль, которая связывала очаг на полу с небом над крышей. Человек, который стоял у очага, оказывался в точке, где земля и небо встречаются, и его действия приобретали космическое значение. Огонь, который горел в очаге, был земным огнём, но дым, который поднимался к небу, был огнём

небесным, и между ними была та же связь, которая существовала между Замолксисом и Гебелейзисом. Огонь в очаге был связан с подземным миром, потому что он горел на земле и питался тем, что давала земля; дым был связан с небом, потому что он поднимался вверх и растворялся в воздухе. Вместе они составляли целое, которое охватывало все уровни мироздания.

Женщина, которая поддерживала огонь в очаге, была не просто хозяйкой. Она была хранительницей того порядка, который был установлен при создании мира, и её роль в общине определялась этой функцией. В гето-дакийском обществе, насколько можно судить, женщина занимала положение, которое не было подчинённым; она была партнёром мужчины в поддержании жизни, и её работа была не менее важной, чем его. Мужчина, который уходил на войну или на охоту, покидал дом и вступал в мир, где действовали иные силы; женщина, которая оставалась дома, поддерживала огонь, который был центром этого дома, и её сила была в постоянстве, а не в действии. Эта сила была не менее важной, чем сила мужчины, и потому женщина, которая следила за очагом, пользовалась уважением, которое не зависело от её возраста или происхождения.

Огонь в очаге был связан с культом предков. В гето-дакийском доме, вероятно, существовало место, где хранились предметы, связанные с умершими, и это место было рядом с очагом. Огонь, который горел в очаге, был связью между живыми и мёртвыми; он напоминал о тех, кто ушёл, и приглашал их присутствовать при трапезе. Кусок пищи, брошенный в огонь, был даром не только богам, но и предкам, и этот дар поддерживал ту связь, которая не прерывалась со смертью. Человек, который ел у очага, ел не один; он ел вместе с теми, кто ушёл, и эта совместная трапеза была способом поддержания общины, которая включала и живых, и мёртвых.

Негасимый огонь дома имел свой аналог в святилищах. В некоторых гето-дакийских святилищах, вероятно, горел огонь, который поддерживался постоянно, и этот огонь был центром обрядов, которые совершались в святилище. Огонь в святилище был не просто огнём; он был той силой, которая освящала место и делала его пригодным для общения с богами. Человек, который входил в святилище, вступал в пространство, где огонь горел не для тепла и не для пищи, а для того, чтобы связывать землю с небом. Этот огонь был братом огня в доме, и между ними существовала та же связь, которая существовала между общиной и семьёй. Огонь в доме был частным, огонь в святилище — общим, но оба они были частью одной системы, в которой огонь был посредником между людьми и богами.

Гестия, которую греки отождествляли с фракийской богиней очага, была богиней, которая не имела изображений. Её присутствие ощущалось в огне, и огонь был её единственным образом. Гето-дакийская богиня очага, вероятно, тоже не имела изображений, и её культ был культом без идолов, без храмов, без жрецов. Это был культ, который жил в каждом доме, и потому он был более устойчивым, чем культы, которые зависели от общественных институтов. Когда римляне разрушили Сармизегетузу и срыли святилища, они не смогли разрушить огонь в домах, потому что этот огонь горел в каждом жилище и не нуждался в стенах. Богиня очага пережила своих завоевателей, потому что она была не в храме, а в доме, и дом был тем местом, которое нельзя было уничтожить, пока жили люди.

Огонь в очаге был связан с календарём. В определённые дни года огонь в очаге гасили и зажигали заново, и этот обряд был способом обновления времени. Старый огонь уходил, новый огонь приходил, и вместе с ним приходил новый год, новые силы, новые возможности. Этот обряд, который греки называли «возжиганием нового огня», был известен многим народам, и гето-даки не были исключением. В определённые дни, вероятно, связанные с солнцестояниями или равноденствиями, огонь в очаге гасили и зажигали от огня, который добывали трением или от солнечных лучей, и этот новый огонь был чище, сильнее и моложе старого. Обряд обновления огня был обрядом обновления мира, и женщина, которая его совершала, была участницей космического процесса, который повторялся из года в год.

Огонь в очаге был связан с водой. В гето-дакийском доме, вероятно, существовало место, где хранилась вода, и эта вода была не просто водой, а той силой, которая уравновешивала огонь. Огонь и вода были противоположностями, но они не исключали друг друга; они дополняли друг друга, и дом, в котором были и огонь, и вода, был домом, в котором царило равновесие. Женщина, которая поддерживала огонь, должна была также следить за водой, и её работа была работой по поддержанию равновесия между стихиями. Это равновесие было не просто бытовой необходимостью; оно было моделью того равновесия, которое должно было существовать в мире, и дом, в котором огонь и вода сосуществовали, был моделью мира, в котором противоположности не борются, а сотрудничают.

Огонь в очаге был связан с пищей. Пища, которая готовилась на огне, была не просто пищей; она была причастием к тем силам, которые управляли жизнью. Хлеб, который пекли в очаге, был не просто хлебом; он был даром богов, и его вкушение было актом, который связывал человека с теми, кто дал ему эту пищу. Мясо, которое жарили на огне, было не просто мясом; оно было жертвой, которая превращалась в пищу, и человек, который ел это мясо, принимал в себя ту силу, которая была в животном. Вся трапеза в гето-дакийском доме была обрядом, и огонь в очаге был центром этого обряда. Человек, который ел у очага, ел не просто для того, чтобы насытиться; он ел для того, чтобы поддержать свою связь с богами, с предками, с миром.

Огонь в очаге был связан с гостеприимством. Гость, который входил в дом, подходил к очагу и касался его, и это касание было актом, который делал его частью семьи. Огонь в очаге был свидетелем этого акта, и он же был гарантом того, что гость будет защищён. Человек, который принимал гостя, брал на себя ответственность за его безопасность, и огонь в очаге был той силой, которая подтверждала эту ответственность. Гостеприимство в гето-дакийском доме было не просто обычаем; оно было обрядом, который связывал людей в сеть взаимных обязательств, и огонь в очаге был центром этой сети.

Огонь в очаге был связан со смертью. Когда человек умирал, огонь в очаге, вероятно, гасили или, наоборот, зажигали с новой силой, в зависимости от обряда. Смерть в доме была событием, которое нарушало порядок, и огонь в очаге был тем элементом, через который этот порядок восстанавливался. Погребальный обряд включал огонь, и этот огонь был не просто огнём; он был силой, которая освобождала душу и провожала её в иной мир. Огонь в очаге и огонь погребального костра были связаны, и эта связь была частью той системы, в которой огонь был посредником между жизнью и смертью.

Гестия, которую греки видели в гето-дакийском доме, была богиней, которая не нуждалась в описаниях. Её присутствие ощущалось в тепле, в свете, в запахе дыма, в треске горящих дров. Она была не фигурой, а силой, и эта сила была настолько встроена в повседневную жизнь, что её не замечали, как не замечают воздух, которым дышат. Гето-даки, которые жили с огнём в очаге каждый день, вероятно, не думали о богине очага как об отдельном существе; они думали о ней как о части дома, как о чём-то, что всегда есть и что нельзя потерять. Эта встроенность была не слабостью культа, а его силой, потому что она делала его неуязвимым для внешних воздействий. Римляне, которые принесли в Дакию своих богов, не смогли заменить богиню очага, потому что она была не в храме, а в доме, и дом был тем местом, которое римляне не могли контролировать полностью.

Негасимый огонь дома был не просто символом. Он был реальной силой, которая поддерживала жизнь и связывала людей с теми, кто ушёл. Женщина, которая следила за огнём, была не просто хозяйкой; она была жрицей, которая выполняла обряд, не имевший названия, но имевший значение. Её работа была незаметной, но без неё дом переставал быть домом, а становился просто зданием. Огонь в очаге был сердцем дома, и пока он горел, дом был живым, а люди, которые в нём жили, были связаны с теми силами, которые управляли миром. Гето-дакийская богиня очага, чьё имя не сохранилось, была не менее важной, чем Замолксис или

Гебелейзис, потому что она была той силой, которая делала космологию частью повседневной жизни. Без неё космология оставалась бы теорией; с ней она становилась опытом, который каждый человек переживал каждый день, когда садился у огня и чувствовал его тепло.

Огонь в очаге был связан с небом через дым, с землёй через пепел, с подземным миром через тепло, которое уходило вниз. Он был посредником между всеми уровнями мироздания, и женщина, которая его поддерживала, была посредницей между людьми и богами. Её роль в общине была не формальной, а сущностной, и потому она пользовалась уважением, которое не зависело от её положения в социальной иерархии. Гето-дакийский дом был не просто жилищем; он был моделью мира, и огонь в очаге был центром этой модели. Богиня очага, которую греки называли Гестией, была той силой, которая удерживала эту модель в равновесии, и её культ был культом без храмов, без жрецов, без изображений, но с огнём, который горел в каждом доме и связывал каждый дом с небом.

Огонь в очаге был памятью. Он помнил тех, кто сидел у него раньше, и он передавал эту память тем, кто сидел у него сейчас. Человек, который смотрел на огонь, видел не только пламя; он видел тех, кто смотрел на это пламя до него, и тех, кто будет смотреть на него после. Огонь был связью между поколениями, и эта связь была не абстрактной, а реальной, потому что огонь был один и тот же огонь, который передавался от отца к сыну, от матери к дочери. Гето-дакийская богиня очага была хранительницей этой памяти, и её культ был культом памяти, который не нуждался в словах, потому что огонь говорил сам за себя. Пламя, которое горело в очаге, было голосом прошлого, и человек, который слушал этот голос, слышал тех, кто ушёл, и тех, кто ещё не пришёл. Огонь был вечным, потому что он передавался, и богиня очага была вечной, потому что она была в огне.

Глава 15. Арес без Олимпа: война как космическая сила

В одном из дакийских святилищ, раскопанных в горах Орестие, среди обломков керамики и обугленных костей была найдена железная пластина, которая когда-то была наконечником копья. Наконечник был погнут, покрыт ржавчиной и явно не использовался по назначению уже много столетий, но его форма сохранилась достаточно, чтобы понять: это не случайно оброненная вещь, а предмет, который положили сюда намеренно. Такие находки в святилищах — не редкость. Оружие, принесённое в дар богам, встречается на землях гето-даков повсеместно: мечи, копья, щиты, шлемы, кинжалы. Одни из них сломаны, другие согнуты, третьи пробиты насквозь. Эта порча не была случайной; она была обрядом. Оружие, которое приносили в святилище, лишали силы, чтобы оно не могло быть использовано снова, и передавали в распоряжение тех сил, которые управляли войной. Война в гето-дакийском понимании не была просто столкновением людей; она была космическим процессом, в котором участвовали боги, люди и вещи, и оружие было посредником между ними.

Греки, которые наблюдали за фракийцами, отождествляли их бога войны с Аресом, и это отождествление было не случайным. Арес у греков был богом, которого не любили; он был воплощением ярости, разрушения, бессмысленной жестокости. Но у фракийцев, как сообщают источники, Арес пользовался особым почитанием, и его культ был связан с теми же силами, которые управляли жизнью и смертью. Фракийский Арес не был просто богом войны; он был богом, который забирал жизни и возвращал их, который разрушал и создавал, который стоял на границе между порядком и хаосом. Гето-даки, которые жили в горах и на равнинах, знали эту границу хорошо, потому что их жизнь постоянно балансировала на ней. Война была не только способом решения конфликтов; она была способом поддержания равновесия, и бог войны был тем, кто это равновесие охранял.

Оружие в гето-дакийском мире было не просто инструментом. Меч, который выковывал кузнец, был не только оружием; он был существом, которое имело свою силу, свой характер, свою судьбу. Кузнец, который делал меч, знал, что этот меч может спасти жизнь или отнять её, и потому он относился к своей работе как к обряду. Металл, который он использовал, был не просто железом; он был веществом, которое пришло из земли и которое несло в себе силу земли. Огонь, в котором он плавил металл, был не просто огнём; он был той силой, которая превращала сырой материал в оружие. Вода, в которой он закалял клинок, была не просто водой; она была той силой, которая придавала металлу твёрдость. Весь процесс ковки был обрядом, в котором кузнец выступал как посредник между миром людей и миром богов, и меч, который выходил из его рук, был не просто вещью, а существом, которое несло на себе печать этого обряда.

Оружие в могилах — это отдельная тема, и она заслуживает внимания. Гето-дакийские воины хоронили с оружием, и это означает, что оружие было нужно им и после смерти. Меч, положенный в могилу, был не просто знаком статуса; он был инструментом, который помогал умершему в его пути. Воин, который при жизни сражался с врагами, после смерти продолжал сражаться с теми силами, которые угрожали его переходу, и оружие было его защитой. Копьё, положенное в могилу, было не просто копьём; оно было посохом, на который умерший опирался в своём пути. Щит, положенный в могилу, был не просто щитом; он был дверью, которая закрывала умершего от тех сил, которые могли ему угрожать. Всё это вместе создавало картину того мира, в который уходил воин, и эта картина соответствовала тем представлениям о смерти, которые мы знаем по письменным источникам.

Война в гето-дакийском понимании была не только физическим столкновением. Это было событие, в котором участвовали небесные силы, и потому война требовала обрядов, которые должны были обеспечить поддержку этих сил. Перед битвой воины совершали жертвоприношения, гадали о исходе, пускали стрелы в небо, чтобы узнать волю богов. Эти обряды были не просто суеверием; они были способом вступить в контакт с теми силами, которые управляли войной, и получить их поддержку. Воин, который шёл в бой без обряда, был воином, который шёл в бой без защиты, и потому обряд был не менее важным, чем оружие. Гето-дакийские воины, которые пускали стрелы в грозу и которые приносили в святилища сломанное оружие, знали, что война — это не только дело людей, но и дело богов, и потому они относились к ней с серьёзностью, которая не оставляла места для легкомыслия.

Бог войны у гето-даков, которого греки отождествляли с Аресом, был не просто богом битвы. Он был богом, который управлял той силой, которая забирает жизни и возвращает их. В гето-дакийской космологии смерть была не концом, а переходом, и война была одним из способов этого перехода. Воин, который погибал в бою, уходил к богам быстро и с честью, и его смерть была не потерей, а приобретением. Эта вера делала гето-дакийских воинов одними из самых страшных противников в древнем мире; они сражались с той решимостью, которая возможна только тогда, когда человек знает, что смерть не имеет над ним окончательной власти. Римляне, которые столкнулись с ними на Дунае, не могли не заметить этой особенности, и их описания дакийских воинов полны смешанных чувств: уважения, страха, непонимания.

Оружие в гето-дакийском искусстве — это ещё один слой, в котором закодирована космология. На монетах, на керамике, на металлических изделиях встречаются изображения мечей, копий, щитов, и эти изображения не случайны. Меч, изображённый на монете, был не просто символом власти; он был знаком той силы, которая охраняла порядок. Копьё, изображённое на керамике, было не просто оружием; оно было осью, которая связывала землю и небо. Щит, изображённый на металле, был не просто защитой; он был границей, которая отделяла порядок от хаоса. Всё это вместе создавало систему знаков, в которой оружие было не только инструментом войны, но и символом космического порядка.

Культ оружия у гето-даков имел и более глубокие корни. У многих индоевропейских народов оружие было связано с божеством, и это божество часто было тем же, которое управляло небом и громом. Скифы, которые жили по соседству с гето-даками, почитали меч, воткнутый в землю, и этот меч был не просто оружием; он был изображением бога войны. Гето-даки, вероятно, имели аналогичный культ, и их бог войны, которого греки отождествляли с Аресом, был связан с теми же силами, которые управляли громом и молнией. Гебелейзис, который посылал молнию, и Арес, который управлял войной, были не двумя разными богами, а двумя аспектами одной силы, которая проявлялась и в грозе, и в битве. Война была грозой, которая происходила на земле, и гром был войной, которая происходила на небе. Гето-даки, которые жили в мире, где небо и земля были связаны, не разделяли эти явления; для них война и гроза были проявлениями одной и той же силы.

Война в гето-дакийском календаре занимала определённое место. Походы начинались в определённое время года, и это время было связано с движением светил. Весна, когда природа пробуждалась, была временем начала походов; лето, когда сила была на пике, было временем решающих битв; осень, когда природа готовилась к отдыху, была временем завершения кампаний. Этот календарь войны был не просто практическим; он был космологическим, потому что война была частью того порядка, который управлялся светилами. Воин, который шёл в поход, знал, что он участвует в космическом процессе, и это знание делало его действия осмысленными. Война была не просто столкновением людей; она была способом поддержания того порядка, который был установлен при создании мира, и воин, который сражался, был участником этого поддержания.

Пленники и жертвы — тема, которая требует осторожности. Гето-даки, как и многие другие народы древности, практиковали человеческие жертвоприношения, и эти жертвы были связаны с войной. Пленники, захваченные в бою, часто приносились в жертву богам, и эта жертва была не просто казнью; она была обрядом, который связывал войну с космосом. Пленник, который умирал на алтаре, уходил к богам, и его смерть была не просто смертью врага; она была даром, который люди приносили тем силам, которые управляли войной. Этот обряд был жестоким, но он был логичным в рамках той системы, в которой смерть была переходом, а война — способом этого перехода. Гето-даки, которые приносили пленников в жертву, не считали себя жестокими; они считали себя участниками космического процесса, в котором смерть была необходима для поддержания жизни.

Оружие и власть — ещё одна связь, которая заслуживает внимания. В гето-дакийском обществе оружие было не только инструментом войны, но и знаком власти. Царь, который правил, был не просто правителем; он был воином, который защищал свой народ, и его оружие было символом этой защиты. Меч царя был не просто мечом; он был знаком той силы, которая охраняла порядок. Щит царя был не просто щитом; он был границей, которая отделяла порядок от хаоса. Оружие, которое носил царь, было не только его личным оружием; оно было оружием всего народа, и потому царь, который терял своё оружие, терял не только средство защиты, но и знак своей власти. Когда Децебал защищал Сармизегетузу, он защищал не только крепость, но и то оружие, которое было символом его власти, и потеря этого оружия была не только военным поражением, но и утратой сакральной легитимности.

Оружие в гето-дакийском погребальном обряде имело и другой аспект. Воин, который умирал, забирал с собой своё оружие, и это оружие было не просто вещью; оно было частью его самого. Меч, который воин носил при жизни, был продолжением его руки; копьё, которое он держал, было продолжением его воли; щит, который он нёс, был продолжением его тела. Когда воин умирал, его оружие умирало вместе с ним, и это оружие хоронили так же, как хоронили самого воина. В некоторых гето-дакийских могилах находят оружие, которое было сломано или согнуто, и эта порча была не случайной; она была способом «убить» оружие, чтобы оно могло сопровождать воина в иной мир. Оружие, которое не было «убито», могло остаться в мире живых и принести беду, и потому обряд порчи был необходим.

Война и мир в гето-дакийском понимании не были противоположностями. Война была продолжением мира другими средствами, и мир был перемирием в войне, которая никогда не прекращалась. Космос был полем битвы между порядком и хаосом, и война была способом поддержания порядка. Воин, который сражался, был участником этой космической битвы, и его победа была победой порядка над хаосом. Мир, который заключался после войны, был не концом войны, а передышкой, которая позволяла собрать силы для новой битвы. Гето-даки, которые жили в мире, где война была постоянной, не считали её злом; они считали её необходимостью, и потому их отношение к войне было не агрессивным, а религиозным. Война была обрядом, который поддерживал мир, и воин был жрецом этого обряда.

Арес без Олимпа — это бог, который не имел храмов, но имел алтари. Гето-даки не строили храмов богу войны, потому что весь мир был его храмом; они не делали его изображений, потому что война не имеет лица. Их культ войны был культом действия, и потому он так плохо поддаётся реконструкции: у него нет памятников, которые можно раскопать, нет надписей, которые можно прочитать. Есть только оружие в святилищах, оружие в могилах, оружие на монетах, и это оружие говорит о том, что война была не просто способом решения конфликтов, а способом связи с теми силами, которые управляли миром. Гето-дакийский бог войны был не богом разрушения, а богом порядка, который поддерживался через разрушение. Война была не хаосом, а способом борьбы с хаосом, и воин был не разрушителем, а защитником того порядка, который был установлен при создании мира.

Оружие, которое находят в гето-дакийских святилищах, — это не просто археологический материал. Это свидетельство того, что война была частью космологии, и что оружие было посредником между людьми и богами. Наконечник копья, погнутый и покрытый ржавчиной, который лежит в музее, был когда-то частью обряда, который связывал воина с богом. Этот наконечник говорит о том, что гето-даки понимали войну не как простое насилие, а как сложное явление, в котором участвовали все уровни мироздания. Война была не только делом людей, но и делом богов, и потому она требовала не только оружия, но и обряда. Гето-дакийский воин, который шёл в бой, знал, что он участвует в космическом процессе, и это знание делало его не просто солдатом, а участником священнодействия. Война была для него не проклятием, а призванием, и он выполнял это призвание с той серьёзностью, которая отличала гето-даков от многих других народов древности.

Глава 16. Боги, у которых нет имен: молчание источников и молчание камня

В запаснике музея в Алба-Юлии стоит известняковый алтарь высотой около метра. Он не имеет надписи. Верхняя часть его сколота, боковые грани покрыты выбоинами, но сама форма сохранилась: прямоугольный блок с профилированным карнизом, какие римские каменотёсы делали сотнями для посвящений Юпитеру, Сильвану, Митре или гению лагеря. На этом алтаре нет ни буквы. Его нашли при раскопках дакийского поселения, датировали эпохой, когда римское влияние уже ощущалось, и поставили в запасник, потому что нечего было написать на этикетке, кроме слова «алтарь». Он мог быть посвящён римскому богу, имя которого стёрлось вместе с верхней частью; мог быть поставлен местному божеству, чьё имя не считалось нужным высекать; мог быть просто строительным блоком, который так и не использовали. Неопределённость в этом случае не исключение, а правило. Гето-дакийская религия дошла до нас в виде фрагментов, и самый крупный из этих фрагментов — молчание.

Молчание имеет разные причины, и их нужно различать, потому что смешение причин ведёт к ошибочным выводам. Первая причина — устная природа традиции. Гето-даки не имели письменности до контакта с греками, а когда письменность появилась, она использовалась для торговых записей, для надписей на монетах, для коротких посвящений, но не для записи мифов. Мифы жили в рассказе, в обряде, в песне, и потому не нуждались в буквах. Это не означает, что мифов не было; это означает, что они передавались иначе. Вторая причина — характер сакрального. У многих народов имя бога считалось слишком сильным, чтобы произносить его всуе, и потому в обряде использовались заместительные имена, эпитеты, описания. Если гето-даки придерживались подобного правила, то отсутствие имён в источниках может отражать не отсутствие богов, а запрет на их называние. Третья причина — утрата. То, что не записано, исчезает быстрее; то, что записано на камне, разрушается от времени; то, что записано на пергаменте, сгорает при пожаре. Гето-дакийская религия испытала все три вида утраты, и потому её молчание имеет слоистую структуру.

Античные авторы, которые могли бы заполнить эти лакуны, заполняли их скупо и неохотно. Геродот называет Замолксиса и Гебелейзиса, но не даёт полного перечня богов. Страбон упоминает Декенея, но не описывает пантеон. Диодор Сицилийский говорит о Сабазии, но в контексте фракийцев в целом, а не гето-даков в частности. Иордан пересказывает легенды, но не систематизирует их. Ни один автор не составил списка божеств, подобного тем спискам, которые греки составляли для собственного пантеона. Причина этого не только в недостатке информации, но и в характере греко-римского интереса. Греки и римляне интересовались чужими богами в той мере, в какой могли отождествить их со своими; если отождествление не удавалось, бог оставался за пределами описания. Замолксис не имел греческого аналога, и потому он удостоился отдельного упоминания; другие боги, которые могли иметь аналоги, растворялись в этих аналогах и теряли собственные имена.

Римские надписи из Дакии дают более богатый материал, но и они имеют свои ограничения. Римляне, которые посвящали алтари, часто использовали римские имена богов, даже когда имели в виду местные божества. Посвящение Юпитеру в Дакии могло быть адресовано не только римскому Юпитеру, но и местному небесному богу, которого посвятитель отождествил с Юпитером по функции. Посвящение Сильвану могло быть адресовано местному богу лесов, посвящение Диане — местной богине охоты. Эта практика отождествления была удобной, но она стирала местные имена. Римлянин, который ставил алтарь, не считал нужным записывать варварское имя; для него было достаточно римского, которое гарантировало правильное обращение. В результате местные боги сохранились в надписях под чужими именами, и восстано-

вить их подлинные имена можно только по косвенным признакам: по эпитетам, по иконографии, по контексту находки.

Эпитеты — один из немногих путей к утраченным именам. Римские посвящения иногда содержат уточнения, которые указывают на местный характер божества. «Юпитер наилучший и величайший» — стандартная формула, которая ничего не говорит о местных чертах. Но «Юпитер Долихен» или «Юпитер Бельский» указывают на конкретные культы, которые существовали в определённых местах. В Дакии такие уточнения встречаются реже, чем в других провинциях, но они есть. Эпитет может быть географическим: бог такой-то местности. Может быть функциональным: бог-покровитель такого-то дела. Может быть описательным: бог, который слышит, бог, который помогает. Каждый такой эпитет — осколок утраченного имени, и каждый требует осторожного обращения, потому что эпитет может быть римским по форме и местным по содержанию, или наоборот.

Иконография — второй путь. Изображения богов на рельефах, на монетах, на предметах утвари могут указывать на функции божества, даже если его имя неизвестно. Фигура с молнией в руке — это небесный бог, независимо от того, как его называли. Фигура с рогом изобилия — бог плодородия. Фигура с оружием — бог войны. Фигура, которая стоит на быке или на змее, — бог, который побеждает хаос. Гето-дакийская иконография, однако, бедна антропоморфными изображениями. До контакта с греками и римлянами гето-даки, насколько можно судить, не делали статуй богов в человеческом облике. Их боги были представлены знаками: кругом, спиралью, серпом, зигзагом. Эти знаки указывают на функции, но не дают имён. Они говорят о том, что бог связан с Солнцем, с Луной, с водой, с молнией, но не говорят о том, как его называли.

Топография святилищ — третий путь. Место, где почитался бог, может указывать на его характер. Святилище на вершине горы связано с небесными силами; святилище у источника или у реки связано с водой и подземным миром; святилище в пещере связано с тем миром, который скрыт от глаз. Гето-дакийские святилища расположены в разных топографических условиях, и это расположение не случайно. Круглое святилище на вершине, прямоугольное святилище на террасе, пещера с остатками жертвоприношений — всё это указывает на разные аспекты сакрального, но не даёт имён. Можно сказать, что на вершине почитался бог неба, а у источника — бог воды, но это описание функций, а не идентификация. Имя остаётся за пределами реконструкции.

Археологические находки — четвёртый путь, и он наиболее богат, но и наиболее труден для интерпретации. Оружие в святилище указывает на культ войны; зерно в ямах указывает на культ плодородия; кости животных указывают на жертвоприношения; монеты указывают на дары. Всё это говорит о том, какие силы почитались, но не говорит о том, как их называли. Имя — это звук, который не сохраняется в земле. Можно найти алтарь, на котором стояла статуя, но нельзя найти статую, которая называлась бы по имени. Можно найти место, где совершались обряды, но нельзя найти слова, которые при этом произносились. Молчание камня — это не отсутствие смысла, а отсутствие звука. Смысл восстанавливается по контексту, звук — нет.

Сравнительный материал — пятый путь, и он наиболее спорен. Сопоставляя гето-дакийские божества с божествами других индоевропейских народов, можно предположить, что бог, который посылает молнию, назывался так-то, а богиня, которая покровительствует плодородию, называлась так-то. Но эти предположения остаются гипотезами. Индоевропейская реконструкция даёт корни, но не даёт имён. Она говорит, что существовало слово, обозначавшее небесного бога, но не говорит, как это слово звучало во фракийском. Фракийский язык сохранился фрагментарно, и его фонетика реконструируется с трудом. Имя, восстановленное сравнительным методом, может быть правильным по корню и неправильным по форме. Оно может указывать на функцию и не указывать на то, как это имя произносили в обряде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.